6763

peg. кн.

БУНГЕ Н.

Теория кредита

6 12/II

РЕД. КН.

Только в читальный зал.

ТЕОРІЯ КРЕДИТА.

Reg. 2[illegible]

6763

1921.

ТЕОРІЯ КРЕДИТА

СОЧИНЕНІЕ

Н. БУНГЕ.

КІЕВЪ,

Въ Университетской Типографіи.

1852.

БИБЛІОТЕКА УЧЕБНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

39

Библиотека НКФ СССР

К

По опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра, 22 Іюня 1851 года, состоявшемуся печатать позволяется.

Ректоръ Р. Траутфеттеръ.

64073

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Полтора года тому назадъ была напечатана вмѣстѣ съ Историческою запискою Лицея Князя Безбородко, рѣчь, написанная мною для торжественнаго акта. Это сочиненіе содержало въ себѣ только общія изслѣдованія о кредитѣ; я надѣялся пополнить ихъ со временемъ изложеніемъ формъ кредита коммерческаго, земледѣльческаго, государственнаго и ремесленно-рабочаго. Но дальнѣйшія занятія этимъ предметомъ и добросовѣстныя замѣчанія, высказанныя людьми свѣдущими, заставили меня оставить и принятый планъ, и точку зрѣнія, съ которой я смотрѣлъ на кредитъ; наконецъ — сознаться въ незрѣлости прежняго труда.

«Рѣчь о кредитѣ» была прочитана немногими, и быть можетъ извѣстна только по изложенію ея содержанія въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ, съ присоединеніемъ похвалъ, которыхъ она незаслуживала. Поэтому я бы могъ совершенно умолчать объ ея существованіи;

но я считаю обязанностію дать отчетъ своимъ немногимъ читателямъ въ томъ, почему я рѣшился писать новое сочиненіе, вмѣсто того чтобы продолжать начатое. Кромѣ того, я долженъ объяснить характеръ своего настоящаго труда для устраненія всякихъ недоразумѣній.

Я отказался отъ прежняго плана потому, что теорія, ограничивающаяся одними общими началами, легко вырождается въ сухую и отвлеченную схоластику, и старался высказать положенія науки въ живыхъ осязательныхъ формахъ существующаго устройства кредита. Вотъ почему я связалъ съ теоретическими понятіями изслѣдованія объ отдѣльныхъ видахъ кредита — торгового, земледѣльческаго и государственнаго; объяснилъ подробнѣе хозяйственное значеніе кредитныхъ сдѣлокъ, и представилъ болѣе полный разборъ литературы теоріи кредита, въ которой я попытался открыть необходимый логическій законъ развитія.

Изъ прежняго сочиненія я исключилъ теорію вексельныхъ оборотовъ и статью объ устройствѣ кредита. Первая, какъ мнѣ справедливо замѣтили, относится болѣе къ наукѣ о торговлѣ, чѣмъ къ политической экономіи; послѣдняя скорѣе будетъ на мѣстѣ въ исторіи кредита и кредитныхъ установленій — во второй части моего сочиненія, которая явится въ послѣдствіи.

Въ исторіи кредита и кредитныхъ учрежденій могутъ быть исчерпаны всѣ важнѣйшія формы хозяйствен-

ныхъ отношеній, возникающія изъ кредита, и составляющія результатъ или обычая, или законодательной дѣятельности. Въ теоріи я говорилъ объ нихъ только для того, чтобы дать болѣе ясное понятіе о законахъ экономическихъ и не вдавался въ подробности, боясь послѣдними затемнить изложеніе общихъ понятій.

II.

Каждая наука, соотвѣтствующая своему назначенію, должна объяснить законы, для извѣстнаго рода явленій, указать на проявленіе этихъ законовъ въ дѣйствительности, и на условія дальнѣйшаго развитія — или извѣстной стороны человѣка, или окружающей его среды.

Безъ этой разносторонней, полной обработки, наука будетъ безжизненною, оптимистическою, неподвижною. Одни законы, открытые ею, безъ связи съ фактами, въ которыхъ они обнаруживаются, могутъ имѣть живой смыслъ только для спеціалистовъ; для прочихъ же останутся загадочною формулою, истинною, быть можетъ доказанною, но отвлеченною и несвязанною съ жизнію. Дѣйствительность, объясненная наукою, получаетъ для насъ смыслъ и значеніе; но если это объясненіе ограничивается однимъ истолкованіемъ современнаго, безъ отношенія къ прошедшему и будущему: тогда невольно рождается тотъ близорукій взглядъ, который непрони-

кает̈ъ вдаль, за тѣсные предѣлы окружающей насъ среды. Раскрывая законы въ жизни современной, наука должна указать на пройденный путь, она должна бросить свѣтъ на будущее, опредѣливъ условія возможнаго, разумнаго, а иногда и необходимаго успѣха.

Говорятъ, что наука должна имѣть въ виду одни законы, чистую истину, не обращая вниманія на примѣненіе,—прикладная часть не ея дѣло, а дѣло рутины, дѣло практика. Согласны, но истина не должна ли она быть живою и наглядною, не должна ли она представиться въ осязаемыхъ формахъ,—и какъ условіе движенія и успѣха? Что было бы съ науками математическими если бы онѣ доказывали однѣ теоремы? Что было бы съ физіологіею человѣка, если бы она состояла въ однихъ законахъ, раціонально доказанныхъ, но необъясненныхъ жизненными процессами въ нашемъ тѣлѣ; если бы она останавливалась на истолкованіи однихъ фактовъ, въ извѣстный моментъ жизни человѣка, и не дала бы отвѣта на то, какъ развивается нашъ организмъ?

Но, говоря о законахъ извѣстнаго рода, напр. экономическихъ, мы недолжны забывать, что они составляютъ неболѣе какъ частное проявленіе однихъ и тѣхъ же основныхъ, всеобщихъ законовъ, быть можетъ только одного, которому подчинено все существующее. Съ этой точки зрѣнія законы экономическіе представляются

намъ неболѣе какъ формулами, по которымъ можно разрѣшить задачи, предлагаемыя человѣку мыслящему, современными экономическими фактами и опредѣлить, въ чемъ должно состоять развитіе послѣднихъ. Раскрывая законъ экономическій въ дѣйствительности, наука не только даетъ смыслъ настоящему, но связываетъ этотъ законъ съ другими началами, подъ вліяніемъ которыхъ находились хозяйственныя явленія.

Изъ этихъ двухъ посылокъ: законовъ и объясненной ими дѣйствительности, наука имѣетъ право сдѣлать выводъ о разумномъ развитіи настоящаго и тѣмъ скорѣе, чѣмъ лучше доказаны ея основныя положенія, и чѣмъ вѣрнѣе схвачена сущность тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ должны быть извлечены ея начала.

Вотъ точка зрѣнія, съ которой мы будемъ смотрѣть на кредитъ: мы постараемся понять его сущность и законы, которымъ подчинены явленія хозяйственныя, возникающія изъ кредита; постараемся вывести общія начала изъ фактовъ, объяснить послѣдніе, при помощи сдѣланныхъ выводовъ, и указать на необходимое и возможное развитіе настоящаго.

ВВЕДЕНІЕ.

При изложеніи теоріи кредита, въ изслѣдованіяхъ о банкахъ и о другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, трудно освободиться отъ мечтательныхъ гипотезъ, фантастическихъ построеній и отъ закоренѣлыхъ предразсудковъ прошедшаго. Это обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ невѣрнаго пониманія основныхъ экономическихъ началъ, слѣдствіемъ наблюденія одной внѣшней стороны явленій, представляемыхъ кредитомъ.

Теорія кредита такъ тѣсно связана со всѣми прочими частями политической экономіи, что одно ложное экономическое понятіе, или даже отсутствіе составившагося убѣжденія, можетъ лишить ее или раціональной основы или строгой послѣдовательности.

Обнимая законы, касающіеся извѣстной формы обмѣна капиталовъ, личныхъ услугъ и т. д., теорія кредита невозможна безъ установившихся отчетливыхъ понятій о трудѣ, его устройствѣ, о законахъ, которымъ подчинено образованіе капиталовъ и пользованіе ими.

Въ самомъ дѣлѣ, уже одинъ переходъ капитала обращающагося, замѣчаемый нами въ большей части кредитныхъ сдѣлокъ, указываетъ на тѣсную связь кредита съ прочими отраслями науки.

Капиталъ обращающійся заключаетъ въ себѣ значительную часть предметовъ потребленія, накопленіемъ которыхъ условливается болѣе свободная дѣятельность человѣка, возможность выбора занятій и посвященія себя другому высшему духовному труду; однимъ словомъ освобожденіе человѣка отъ гнета тягостной, ежедневной нужды, вѣчной заботы о кускѣ насущнаго хлѣба и о завтрашнемъ днѣ. Капиталъ обращающійся заключаетъ въ себѣ огромную массу произведеній, которыя перерабатываются трудомъ и составляютъ результатъ совокупной дѣятельности человѣка, машинъ и силъ природы. Онъ составляетъ условіе для образованія капиталовъ постоянныхъ, удобренія земли и т. д. Безъ запасовъ для потребленія, безъ сырыхъ матеріаловъ, человѣкъ не могъ бы создавать могущественныхъ орудій, освобождающихъ его отъ тяжкаго физическаго труда. Къ обращающемуся капиталу относятся средства, служащія для обращенія имуществъ или деньги, составляющія его продуктъ; даже, не имѣя въ виду денегъ, мы можемъ сказать, что обращеніе имуществъ всякаго рода условливается преимущественно этимъ видомъ капитала.

Послѣ этого легко понять, что одно невѣрное понятіе о трудѣ, объ образованіи капитала постояннаго, объ орудіяхъ мѣны и пр. легко можетъ внести ложное начало въ ту часть науки, которая говоритъ о кредитѣ.

Равнымъ образомъ внѣшняя сторона явленій, пред-

ставляемая кредитомъ, часто закрываетъ отъ взора наблюдателя, сущность фактовъ, и теорія кредита дѣлается отраженіемъ тѣхъ, или другихъ личныхъ впечатлѣній. Смотря потому, преобладаетъ ли въ нашихъ изслѣдованіяхъ живая фантазія, или беретъ верхъ надъ послѣднею, окружающая дѣйствительность, кредитъ представляется или чѣмъ-то магическимъ, творящимъ богатства изъ ничего, или неизбѣжнымъ зломъ и разрушительнымъ дѣятелемъ въ экономіи народовъ.

Непривыкшій взглядъ поражается прежде всего кредитными знаками: каждое заемное письмо, банковый билетъ, акція, облигація, могутъ показаться дѣйствительнымъ богатствомъ. Подобно Пинто, легко прійти къ мысли, что кредитъ есть осуществленная алхимія, что при займѣ возникаютъ двѣ цѣнности: одна занятой капиталъ, другая выданная росписка; потому что эта росписка имѣетъ цѣнность и можетъ быть продана подобно всякому другому произведенію. Легко, подобно Ло, принять бумажныя деньги, обезпеченныя цѣнностію земли, или другими производительными силами общества, за деньги, имѣющія преимущество предъ монетой, которая требуетъ отъ общества большаго пожертвованія труда и капитала для ея пріобрѣтенія, и на которую запросъ такъ дурно бываетъ удовлетворенъ: между тѣмъ какъ билеты нестóятъ почти ничего и всегда могутъ быть умножены сообразно съ существующею потребностію.

Можно счесть кредитные знаки, даже и не вполнѣ соотвѣтствующіе этому названію, за капиталъ реальный, увѣриться въ томъ, что умножая ихъ можно понизить проценты при займахъ, сдѣлать капиталы для всѣхъ доступными и проч.

Напрасно говоритъ разсудокъ, что капиталы состоятъ въ вещахъ годныхъ для удовлетворенія нашимъ потребностямъ, или въ вещественныхъ средствахъ, служащихъ для производства: въ сырыхъ матеріалахъ, машинахъ, землѣ и т. д., а не въ кредитныхъ знакахъ, которые не болѣе какъ представители капитала, власть располагающая имъ, одно требованіе ожидаемой уплаты или погашенія долга, которые иногда ничего не представляютъ, кромѣ одного пустаго обѣщанія—невозможной реализаціи кредита.

Напротивъ того, если воображеніе было безсильно предъ фактами, представляемыми строгою дѣйствительностію; если вниманіе изслѣдователя было поражено внезапно возникшею потребностію въ денежной реализаціи чрезмѣрнаго количества кредитныхъ знаковъ—неисполнимыхъ обѣщаній и безнадежныхъ требованій; то, не будучи меркантилистомъ въ душѣ, ему легко поддаться впечатлѣнію денежной дѣйствительности и видѣть банкротство вездѣ, гдѣ только монета не полагается въ основу реализаціи. При такомъ взглядѣ кредитъ очень часто теряетъ половину своего значенія; теорія, подъ вліяніемъ

этой внѣшней стороны экономическихъ явленій становится грубою апологіею отжившаго, темнымъ истолкованіемъ настоящаго, безъ свѣтлаго взгляда на будущее. Къ такимъ результатамъ пришелъ Condy-Raguet въ своемъ Traité des banques et de la circulation.

Но если печальные факты, сопровождавшіе ложное примѣненіе кредита, не отняли вѣры въ успѣхъ, если воображеніе сохранило свою силу; то и тогда легко еще разъ другимъ путемъ войти въ область фантастическихъ построеній. Что бываетъ виною паденія цѣнности кредитныхъ знаковъ? не отсутствіе ли дѣйствительно представительнаго характера? И такъ, если кредитный знакъ имѣетъ надежную гарантію — то цѣнность его обезпечена, а что можетъ быть надежнѣе цѣнности земли и постоянныхъ капиталовъ? Кредитный знакъ, обезпеченный землею, мобилизируетъ этотъ неподвижный капиталъ и пускаетъ его въ обращеніе — онъ даетъ владѣльцу капитала постояннаго возможность пользоваться двойнымъ капиталомъ-и постояннымъ и обращающимся, онъ удвояетъ производительную силу капитала постояннаго. Такимъ образомъ капиталъ рефлектируется, раздвояется и дѣйствуетъ какъ бы вдвойнѣ, а кредитный знакъ, гарантированный землею, является чѣмъ-то въ родѣ денегъ, и въ тоже время капиталомъ производительнымъ; потому что владѣлецъ его получаетъ ренту, платимую изъ доходовъ съ недвижимаго имущества.

Въ этой теоріи, развитой г. Цѣшковскимъ, изъ которой мы представили только нѣсколько чертъ, кроется также ошибочный взглядъ на кредитъ — слѣдствіе вѣрованія въ силу и основательность принятыхъ гипотезъ. Стоитъ только вникнуть въ смыслъ выраженій: *мобилизація, отраженіе, раздвоеніе капитала постояннаго*, понять — необходимость реализаціи кредита, различіе между кредитнымъ знакомъ и капиталомъ для того, чтобы усомниться въ истинѣ такой теоріи.

Но этимъ не ограничивались утопіи экономистовъ. Сколько надеждъ рождала теорія сложныхъ процентовъ! Прайсъ доказывалъ, что одинъ пенни, положенный въ день Рождества Христова съ постояннымъ причисленіемъ къ нему процентовъ и считая проценты на проценты, образовалъ бы въ наше время нѣсколько золотыхъ шаровъ, равныхъ земному. Графъ Мордвиновъ доказывалъ, что Россія можетъ въ теченіи полу-столѣтія накопить нѣсколько тысячъ милліоновъ рублей серебромъ, при незначительномъ пожертвованіи. Не таже ли это алхимія, только въ другомъ видѣ, осуществленная при помощи другихъ средствъ?

Но увеличивается ли капиталъ безъ посторонней помощи? Можетъ ли доходъ, доставленный имъ, оставаться безъ потребленія? Не уменьшатся ли % пропорціонально возрастанію капитала и успѣхамъ экономіи общества? Ничто не дѣлается само собою; какъ рас-

тущее дерево получаетъ пищу изъ земли и воздуха; такъ и капиталъ растетъ при помощи труда. Неужели цѣлыя поколѣнія будутъ копить проценты и ничего не-потребятъ изъ доходовъ, получаемыхъ съ капитала? И что станется съ этимъ доходомъ, когда накопленіе капитала сдѣлаетъ его столь же обыкновеннымъ и нецѣннымъ, какъ воздухъ и вода? Конечно этого не говорили ни Прайсъ ни его послѣдователи; но теорія сложныхъ процентовъ, должна была привести къ подобному результату.

Что же остается отъ этихъ вѣрованій въ творческую силу кредита, такъ часто обольщавшихъ пытливый умъ человѣка? Одно ли настоящее, съ признанною необходимостію коммерческихъ кризисовъ, банкротствъ, безъ надежды на болѣе свѣтлое будущее? Остановиться ли на скептицизмѣ Сисмонди, который утверждалъ, что кредитъ есть необходимое зло, что единственная выгода, которую онъ доставляетъ, обращая часть монеты въ капиталъ, предназначенный для производства и потребленія, — оплачивается цѣною образованія капитала невещественнаго (какъ онъ называетъ кредитные знаки) цѣною промышленныхъ потрясеній и пр.

Изслѣдованія объ отношеніяхъ, возникающихъ изъ кредита, изученіе его сущности и пр. необходимо должны освободить насъ отъ слѣпыхъ вѣрованій въ его творческую силу, и отъ скептицизма, который, отвергая пользу кредита, приписываетъ ему происхожденіе ком-

мерческихъ кризисовъ, банкротствъ, промышленнаго застоя и проч. на основаніи фактовъ, представляемыхъ дѣйствительностію, дурно понятою и объясненною. Но, можно ли приписать кредиту результаты, которыми сопровождался извѣстный способъ пользованія имъ? Вмѣсто того, чтобы произнесть безъусловное порицаніе, слѣдуетъ прежде рѣшить вопросъ: заключается ли зло въ самомъ кредитѣ? Человѣкъ, который порѣжетъ себѣ руки острымъ ножемъ, имѣетъ ли право жаловаться, приписывать вину не себѣ, но мертвому орудію, которое было въ его власти? Вникая глубже въ сущность кредитныхъ сдѣлокъ, мы увидимъ, что всѣ промышленныя потрясенія, сопровождавшія распространеніе кредита, не составляютъ необходимаго неизбѣжнаго результата его развитія и были только слѣдствіемъ причинъ, вполнѣ зависящихъ отъ человѣка.

И такъ представимъ прежде всего понятіе о кредитѣ и начала, на которыхъ онъ основывается, потомъ подтвердимъ наши положенія разсмотрѣніемъ ихъ въ различныхъ формахъ кредита, существующихъ въ настоящее время.

Наконецъ въ заключеніе объяснимъ экономическое значеніе кредита и изложимъ мнѣнія замѣчательнѣйшихъ писателей объ этомъ предметѣ.

ГЛАВА I.

Понятіе о кредитѣ и о началахъ, на которыхъ онъ основанъ.

I. *Происхожденіе кредита, общее понятіе о кредитѣ.*

Для того, чтобы понять сущность кредита, необходимо указать на причины его происхожденія въ ряду хозяйственныхъ отношеній, образующихся въ общежитіи. Эти изслѣдованія убѣдятъ насъ въ томъ, что кредитъ не можетъ быть отнесенъ къ экономическимъ явленіямъ новыхъ временъ, что только формы его сдѣлались въ настоящее время болѣе разнообразными и опредѣленными, его устройство болѣе совершеннымъ; но что кредитъ существовалъ всегда и вездѣ, гдѣ только возникали связи общественныя.

Вмѣстѣ съ общежитіемъ является необходимость въ обмѣнѣ произведеній, въ деньгахъ и кредитѣ. Человѣкъ, по природѣ своей, предназначенъ къ жизни въ общественной средѣ, внѣ семейства, рода, общины,

полиса, города, государства удовлетвореніе потребностямъ, а слѣдовательно самое существованіе для него невозможно. Въ этихъ союзахъ, образовавшихся по необходимому закону его природы, въ слѣдствіе того же самаго закона, являются раздѣленіе занятій и хозяйственныя связи между людьми.

Дѣятельность каждаго человѣка ищетъ простора и стремится къ болѣе полному удовлетворенію потребностямъ. По этому работа, которая доступна несовершеннолѣтнему, женщинѣ, несносна для человѣка взрослаго, развитаго; его силы и способности ищутъ болѣе плодотворной дѣятельности, сообразной съ своимъ назначеніемъ.

Въ этомъ заключается причина дѣленія занятій и соединенія силъ частныхъ лицъ. Результаты хозяйственные оправдываютъ то и другое и содѣйствуютъ дальнѣйшему раздѣленію труда и общенію производительныхъ силъ. Такъ, изъ разнообразія потребностей, изъ необходимости общенія между людьми для ихъ удовлетворенія, наконецъ изъ различій между способностями и силами отдѣльныхъ лицъ, возникаетъ и дѣятельность спеціальная и дѣятельность общественная, — народное хозяйство, основанное на взаимномъ обмѣнѣ произведеній и личныхъ услугъ. Такимъ образомъ мѣна является всеобщимъ экономическимъ фактомъ — мѣна личныхъ услугъ на личныя услуги, произведеній на произведенія, и проч.

Разсмотримъ виды мѣны и постепенное ея развитіе, имѣя въ виду главнымъ образомъ мѣну произведеній. Мѣна представляется намъ въ трехъ главныхъ видахъ: 1) естественная, безъ помощи посредника въ обращеніи; 2) денежная; 3) кредитъ.

Естественная мѣна вещественными предметами состоитъ въ непосредственной передачѣ другъ другу предметовъ потребленія. Каждый уступаетъ другому произведенія, въ которыхъ онъ не имѣетъ нужды, и старается за уступленную вещь пріобрѣсть предметъ, годный для его хозяйственныхъ цѣлей. Такая непосредственная мѣна ограничивается только немногими случаями, именно: когда владѣльцы разнородныхъ вещей нуждаются взаимно въ произведеніяхъ другъ друга и когда предметы промѣниваемые могутъ быть уравновѣшены по цѣнности. Въ противномъ случаѣ слѣдуетъ прибѣгнуть къ нѣсколькимъ операціямъ предварительной мѣны, или наконецъ обратиться къ кредиту. Положимъ что я имѣю хлѣбъ и нуждаюсь въ платьѣ, владѣлецъ платья нуждается не въ хлѣбѣ, а въ снарядахъ для звѣриной ловли, принадлежащихъ третьему лицу, которое готово промѣнять ихъ на хлѣбъ. И такъ, для того чтобы получить платье, я долженъ сдѣлать двѣ мѣны: одну хлѣба на снаряды звѣриной ловли, другую снарядовъ звѣриной ловли на платье. Можно представить случаи болѣе сложной посредственной мѣны, факты,

которые едвали случаются; потому что очень рано человѣкъ прибѣгаетъ къ избранію посредникомъ въ мѣнѣ— или товара годнаго къ потребленію, или даже предмета, служащаго единственно орудіемъ мѣны. Этотъ посредникъ, или деньги, удовлетворяетъ общественной потребности, возникающей изъ общежитія, потребности въ орудіи для обмѣна произведеній или личныхъ услугъ, и цѣнность его установляется годностію предмета и отношеніями въ соперничествѣ.

Преимущество денежныхъ оборотовъ предъ естественными производитъ то, что даже естественная непосредственная мѣна уступаетъ мѣсто денежной, распадается на двѣ сдѣлки: продажу и куплю—мѣну произведеній или личныхъ услугъ на деньги, и денегъ на произведенія или личныя услуги; и это потому, что деньги составляютъ всеобщее средство для оцѣнки произведеній—единицу для измѣренія цѣнности, и что самая оцѣнка и мѣна облегчаются свойствами денегъ: дѣлимостію, допускающею выраженіе большихъ, или меньшихъ цѣнностей, постоянствомъ цѣнности, нетлѣнностію или удобствомъ храненія и т. д. Такимъ образомъ является въ оборотѣ новый товаръ, справедливо названный однимъ изъ новѣйшихъ писателей—Кокленомъ, товаромъ-паразитомъ, который служитъ только для мѣны, или для одной передачи произведеній.

Но могутъ ли деньги удовлетворить всѣмъ потреб-

ностямъ мѣны? удовлетворяютъ ли онѣ имъ наилучшимъ образомъ? Я имѣю произведенія, въ которыхъ не нуждаюсь, между тѣмъ какъ для другихъ эти предметы необходимы для производства, для безостановочнаго отправленія промышленныхъ занятій. Оставляя этотъ товаръ въ своихъ кладовыхъ, я лишаю свое имущество производительнаго назначенія, останавливаю и собственную промышленную дѣятельность и дѣятельность другихъ: слѣдовательно я вдвойнѣ уменьшаю собственныя средства пріобрѣтенія. Я нетолько терплю отъ уменьшенія собственнаго производства; но также и отъ уменьшенія производства вообще, которое дѣйствуетъ на пониженіе цѣнности моихъ произведеній.

Наконецъ обладаніе товаромъ, который не можетъ быть купленъ въ настоящее время за деньги, можетъ быть бременемъ для меня; сбытъ его можетъ сдѣлаться необходимостію, если я самъ нуждаюсь въ произведеніяхъ другаго рода, недоступныхъ для меня только потому, что я не нахожу покупщика, который заплатилъ бы за этотъ товаръ наличными деньгами. Но я могу обмѣнять свои произведенія подъ условіемъ будущаго вознагражденія; я могу располагать требованіемъ, которое я имѣю на своемъ должникѣ, требованіемъ возникшимъ изъ этой сдѣлки; и если оно надежно, то я могу передать его другому лицу, и получить отъ послѣдняго предметы, въ которыхъ нуждаюсь. Это требованіе по-

лучаетъ денежную оцѣнку, но самые обороты, очень часто происходятъ безъ помощи денегъ. Вотъ какимъ образомъ возникаетъ кредитъ, вотъ причины его происхожденія.

Послѣ этого легко понять, что кредитныя сдѣлки являются вмѣстѣ съ раздѣленіемъ занятій и обмѣномъ произведеній, что они составляютъ необходимое дополненіе естественной мѣны, денежныхъ оборотовъ и условіе дальнѣйшаго развитія общественнаго хозяйства.

Послѣ этаго, имѣя въ виду экономическую сущность кредита, мы можемъ опредѣлить его только слѣдующимъ образомъ: *кредитъ есть видъ мѣны, въ которой передается цѣнность или личная услуга по довѣрію къ будущему вознагражденію.*

Признавая, что кредитъ есть видъ мѣны, мы должны допустить, что онъ обнимаетъ собою нетолько переходъ обращающагося капитала; но также обмѣнъ личныхъ услугъ на личныя услуги, капитала постояннаго на обращающійся и пр. и пр. Въ самомъ дѣлѣ нѣчего прибѣгать къ гипотезамъ для того, чтобы убѣдиться въ этой истинѣ. Примѣры, взятые изъ дѣйствительности, могутъ указать на то, что кредитомъ передается трудъ по довѣрію къ вознагражденію трудомъ, капиталы постоянный и обращающійся по довѣрію къ вознагражденію капиталомъ постояннымъ и т. д.

Толока въ Россіи и пчела въ Сѣверной Америкѣ

представляютъ намъ замѣчательные примѣры отдачи труда на кредитъ въ промышленности земледѣльческой. — Жители селеній работаютъ на кредитъ и другъ у друга, жнутъ, косятъ и пр.; вознагражденіе состоитъ въ расплатѣ трудомъ. Конечно эти сдѣлки имѣютъ форму обычая, а не сознательнаго хозяйственнаго устройства; тѣмъ не менѣе въ нихъ заключается въ зародышѣ высшее проявленіе кредита.

По видимому труднѣе всего представить примѣры передачи капитала постояннаго, подъ условіемъ вознагражденія въ той же самой формѣ капитала; потому что каждый охотнѣе удерживаетъ за собою орудія производства, или, если уступаетъ ихъ другимъ, то эта уступка имѣетъ видъ или временнаго пользованія — найма, или продажи. Однако же, и для настоящаго случая, мы можемъ найти примѣры въ дѣйствительности. Нѣкоторые изъ нашихъ свеклосахарныхъ заводовъ обязаны своимъ учрежденіемъ подобному виду кредита. Помѣщикъ уступаетъ предпринимателю, участокъ земли, даетъ ему опредѣленныя пособія, состоящія въ рабочихъ, строевомъ матеріалѣ и проч. и предоставляетъ заводъ, выстроенный предпринимателемъ, въ обладаніе послѣдняго на извѣстное число лѣтъ, по истеченіи которыхъ, предпріятіе поступаетъ въ полную собственность помѣщика. Здѣсь уступаются капиталы постоянные, обращающіеся и трудъ подъ условіемъ вознагражденія

въ формѣ капитала постояннаго. Недостатокъ положительныхъ свѣдѣній не позволяетъ утверждать намъ, что предприниматели выговарываютъ для себя за устройство завода потомственное обладаніе извѣстнымъ участкомъ земли и т. п.; но правдоподобность такой сдѣлки не даетъ намъ права отнести ее къ числу несбыточныхъ предположеній.

Такимъ образомъ всѣ предметы мѣны могутъ быть предметомъ кредитныхъ сдѣлокъ, и также точно какъ естественная или денежная мѣна, также точно и кредитъ проникаетъ во всѣ хозяйственныя отношенія. Но, хотя кредитъ и представляетъ передачу капиталовъ постоянныхъ или труда, по довѣрію къ будущему вознагражденію въ формѣ труда или капитала постояннаго; однакоже эти факты не столь общи, эти кредитныя сдѣлки не столь устроены, и не столь развиты какъ тѣ, въ которыхъ участвуетъ капиталъ обращающійся — предметъ передачи или вознагражденія. Въ современномъ кредитѣ, болѣе устроенномъ, развитомъ и изслѣдованномъ наукою, капиталъ обращающійся занимаетъ главное мѣсто: потому что переходъ капиталовъ совершается, большею частію при помощи денежной оцѣнки или капитала обращающагося.

Эта особенность кредита замѣчена Шторхомъ *).

---

*) Storch. Cours. Хотя мы приводимъ слова Шторха для объясненія нашей мысли; однакоже мы не смотримъ на кредитъ съ точки зрѣнія автора, высказанной въ этомъ мѣстѣ.

»Всякій кредитъ«, говоритъ онъ, возникаетъ изъ перехода имуществъ, по большей части движимыхъ. Если кредиторъ и не передалъ самаго капитала заемщику; то онъ далъ ему, посредствомъ денегъ, цѣнность, за которую послѣдній можетъ пріобрѣсть этотъ капиталъ отъ другихъ лицъ. Эта великая истина богата важными слѣдствіями. Все, что можно сказать о существѣ и слѣдствіяхъ кредита, опирается на это основное начало. Единственный случай, когда кредитъ возникаетъ изъ перехода недвижимаго имущества, имѣетъ мѣсто при продажѣ этихъ имѣній на кредитъ; но когда дѣлается заемъ подъ залогъ недвижимаго имущества: тогда кредитъ состоитъ въ переходѣ имущества движимаго, представляемаго отданнымъ въ заемъ денежнымъ капиталомъ. Кредитная сдѣлка, возникшая изъ труда проданнаго на кредитъ, есть тоже вполнѣ или отчасти, переходъ движимыхъ имуществъ; потому что безъ вещей, необходимыхъ для содержанія работника и для производительности его труда, трудъ не могъ бы ни обнаружить своей дѣятельности, ни быть предметомъ продажи.«

64033

Преобладаніе капитала обращающагося въ кредитныхъ сдѣлкахъ должно обратить на себя наше особенное вниманіе, какъ фактъ современный; но это не освобождаетъ насъ отъ обязанности имѣть въ виду — отдачу труда и капитала постояннаго на кредитъ, и вознагражденія въ этой формѣ. Мы не должны оставлять

этого безъ вниманія; потому что въ подобныхъ фактахъ не рѣдко заключается условіе будущаго развитія хозяйственныхъ отношеній, а подчиненное значеніе, которое они имѣютъ въ настоящее время происходитъ только отъ неразвитости формъ кредитныхъ сдѣлокъ, въ малоизслѣдованныхъ сферахъ хозяйства; отъ отсутствія правильнаго порядка, который могъ бы дать имъ болѣе всеобщее значеніе.

II. *О признакахъ кредита и началахъ на которыхъ онъ основанъ.*

Кредитъ, какъ видъ мѣны, отличается отъ другихъ видовыхъ формъ тѣмъ, что передача цѣнности и труда основана *на довѣріи* къ *будущему вознагражденію*; между тѣмъ какъ въ мѣнѣ естественной или денежной это вознагражденіе дается немедленно. Кредиторъ, или лицо, отдающее трудъ или капиталъ на кредитъ, получаетъ только требованіе на это вознагражденіе. Разсмотримъ оба признака, входящіе въ составъ понятія о кредитѣ — довѣріе и вознагражденіе, погашающее требованіе возникшее изъ кредита.

Большая часть экономистовъ разсматривали довѣріе въ кредитѣ какъ нѣчто моральное, невещественное, или лучше сказать, искали основанія этого довѣрія скорѣе въ нравственныхъ качествахъ должника, чѣмъ въ эко-

номическихъ средствахъ, которыми онъ располагаетъ — въ производительности его труда, величинѣ имущества и пр. Справедливо ли это? Трудно допустить, чтобы хозяйственныя сдѣлки могли имѣть одну нравственную основу, и мы незнаемъ ни одного факта, который можно было бы привести въ пользу такаго предположенія.

Довѣріе въ кредитѣ основывается на дѣйствительности требованія, на несомнѣнности вознагражденія въ той формѣ, въ которой оно обѣщано. Безъ сомнѣнія, довѣріе имѣетъ не одну вещественную основу; оно опирается и на нравственныя качества лица обязывающагося дать условленное вознагражденіе, на его честность, аккуратность, опытность, искуство, на хорошій судебный и исполнительный порядокъ, въ случаѣ невыполненія требованія кредиторомъ и т. д.

Ло, несмотря на крайности, въ которыя онъ такъ часто впадалъ, несмотря на предубѣжденіе въ пользу кредитныхъ знаковъ, въ одномъ изъ писемъ, помѣщенномъ въ Mercure de France 1720 года, гдѣ онъ подъ видомъ полемики между двумя частными лицами, съ необыкновеннымъ талантомъ защищалъ свою систему, въ немногихъ словахъ вычислилъ всѣ условія довѣрія въ кредитѣ. *)

»Кредитъ негоціантовъ«, говоритъ онъ, »измѣряется не однимъ ихъ имуществомъ. Оказывая довѣріе, мы

*) Collection des économistes. Law, p. 658.

обращаемъ вниманіе на ихъ честность—она убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы не будемъ обмануты; на ихъ искуство—оно даетъ намъ надежду, что они сами не обманутся въ разсчетѣ; на защиту Государя и его министровъ—мы увѣрены, что верховная власть нетолько непарушитъ ходъ промышленныхъ операцій, но окажетъ имъ помощь; на родъ ихъ занятій—этимъ опредѣляется надежда на процентъ, который мы ожидаемъ; наконецъ на ихъ имущество—оно обезпечиваетъ наше. Ихъ имущество разсматривается какъ средство для покрытія потерь, которыя они могутъ потерпѣть, какъ фондъ, застраховывающій нашу собственность отъ всякихъ случайностей. Кредитъ основывается на знаніи совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ, или скорѣе на томъ мнѣніи, которое мы себѣ составили о нихъ.

Изъ этого видно, что основанія довѣрія можно раздѣлить на хозяйственныя и нравственныя. Къ первымъ можно отнести движимыя и недвижимыя имущества, трудъ, познаніе, искуство человѣка, производительность капитала и труда. Ко вторымъ: честность, аккуратность, защиту закона, порядокъ судопроизводства и взысканія, законы облегчающіе дѣятельность промышленную и т. д. Мы обратимъ вниманіе на одни хозяйственныя основанія довѣрія и назовемъ ихъ гарантіею кредита.

Гарантія кредита состоитъ въ имуществахъ движимыхъ, недвижимыхъ и въ производительности труда;

такимъ образомъ она состоитъ нетолько въ матеріальныхъ предметахъ, но также и въ нематеріальномъ условіи—въ трудѣ. Если обращающійся капиталъ отдается на кредитъ работнику, или товариществу предпринимателей, которые неимѣютъ ни движимой, ни недвижимой собственности, для матеріальнаго обезпеченія переданнаго капитала—гарантія кредита можетъ заключаться въ производительности труда, надежности предпріятія и т. д.

Въ настоящее время имущество недвижимое разсматривается какъ самая лучшая гарантія. Цѣнность земли, строеній и пр. болѣе извѣстна, болѣе надежна, нежели цѣнность движимыхъ вещей; при успѣхахъ промышленности и увеличеніи населенія, можно даже ожидать увеличенія стоимости поземельныхъ владѣній, что уменьшаетъ величину риска. Въ ряду гарантій кредита, вещи движимыя занимаютъ второе мѣсто послѣ недвижимыхъ имуществъ. Предоставляемыя вѣрителю на храненіе, онѣ теряютъ всякое другое хозяйственное значеніе: вѣритель и должникъ не могутъ пользоваться ими ни для производства, ни для потребленія, до тѣхъ поръ пока кредитная сдѣлка не прекратится. Находясь въ обладаніи должника, напр. какъ товаръ въ лавкѣ купца, онѣ составляютъ самое плохое обезпеченіе въ кредитѣ. Наконецъ наименьшая гарантія состоитъ въ производительности труда, именно потому, что доходъ доставляемый трудомъ, въ настоящее время, очень часто под-

верженъ вліянію обстоятельствъ случайныхъ, еще неустраненныхъ успѣхами экономическими. Доходность труда зависитъ отъ соперничества между работниками, отъ отношенія между трудомъ и капиталомъ, или отъ запроса на трудъ. Въ особенности личный трудъ представляетъ самое ненадежное обезпеченіе, если онъ не имѣетъ достаточной опоры въ порядкѣ хозяйственномъ. Однако же, несмотря на это, трудъ человѣка занимаетъ въ производствѣ главное мѣсто: отъ дѣятельности его зависятъ доходъ народный, и доходъ государственный, возстановленіе, поддержаніе и возрастаніе капиталовъ. По этому соглашаясь съ тѣмъ, что трудъ составляетъ въ настоящее время самую слабую основу довѣрія къ будущему вознагражденію; мы не можемъ не признать, что по существу дѣла, онъ долженъ получить значеніе совершеннѣйшей гарантіи въ кредитѣ, вмѣстѣ съ развитіемъ хозяйственныхъ отношеній. Въ настоящее время мы находимъ для этого положительныя доказательства въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ трудъ, составляя хозяйственную основу довѣрія, является чѣмъ-то собирательнымъ. Такъ гарантія кредита государственнаго состоитъ, главнымъ образомъ, въ производительности народнаго труда—и, благодаря этой гарантіи, государство имѣетъ возможность дѣлать самые огромные займы. Вотъ причина, почему промышленныя товарищества, хорошо устроенныя и состоящія изъ людей свѣдущихъ, пользуются очень

часто довольно значительнымъ кредитомъ; и вообще чѣмъ тѣснѣе круговая порука или, связь между хозяйственною дѣятельностію участниковъ въ предпріятіи, слѣдовательно чѣмъ вѣроятнѣе результаты дѣятельности труда: тѣмъ большее значеніе получаетъ трудъ, какъ гарантія кредита.

Это превращеніе матеріальной гарантіи кредита въ нематеріальную имѣетъ огромную важность въ народномъ хозяйствѣ, нетолько потому, что оно даетъ болѣе простора и свободы кредитнымъ сдѣлкамъ; но также и потому, что оно полагаетъ основу быстрому развитію общественнаго благосостоянія.

Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать посредственнымъ образомъ на улучшеніе хозяйственнаго положенія бѣднѣйшихъ сословій, увеличивая массу богатства вообще — кредитъ, гарантированный трудомъ, дѣйствуетъ прямо и непосредственно на увеличеніе ихъ благосостоянія, доставляя имъ капиталы, необходимые для производства.

Не вдаваясь въ подробности замѣтимъ, что настоящее хозяйственное устройство обладаетъ достаточными средствами для того, чтобы дать надежность и прочную основу гарантіи самой невещественной. Промышленныя товарищества, вмѣстѣ съ различными родами застрахованія капиталовъ, доходовъ и пр. отъ случайныхъ потерь — должны получить огромное вліяніе на преобладаніе не вещественной гарантіи въ кредитѣ.

И такъ довѣріе, принимаемое нами за одинъ изъ

существенныхъ признаковъ кредита, должно имѣть хозяйственное основаніе. Мы не можемъ допустить, чтобы довѣріе было чисто нравственнымъ элементомъ, непредполагающимъ никакой хозяйственной гарантіи: ни производительности труда, ни существованія имущества. Иначе могло ли бы существовать довѣріе къ будущему вознагражденію?

Есть однакоже факты, которые повидимому допускаютъ отсутствіе гарантіи въ кредитѣ, именно: когда лицо, пользующееся кредитомъ, не можетъ обезпечить занятаго капитала ни трудомъ, ни собственностію. Претендентъ на престолъ дѣлаетъ заемъ черезъ посредство банкирскихъ домовъ, напр. Луи-Бонапарте для булоньской или для стразбургской экспедиціи. Чѣмъ въ подобномъ случаѣ бываетъ гарантированъ заемъ? Гдѣ хозяйственная основа довѣрія?

Однакоже, вникая глубже въ сущность подобныхъ явленій, мы можемъ замѣтить, что основа довѣрія или дѣйствительно существовала, или предполагалась; хотя впрочемъ совершенно ошибочно. Въ приведенныхъ нами примѣрахъ, кредитъ имѣетъ государственное значеніе, и самые займы обратились бы въ государственные, если бы попытка претендента увѣнчалась успѣхомъ. Источникомъ довѣрія была вѣроятность успѣха. Если вѣроятность была очень мала, а между тѣмъ заемъ состоялся; то изъ этого еще недолжно заключать, что довѣріе от-

носилось только къ лицу, что оно было чѣмъ-то безотчетнымъ. Если бы успѣхъ неподлежалъ сомнѣнію, то хозяйственная основа довѣрія была бы тождественна съ основой кредита государственнаго; если же успѣхъ былъ весьма сомнителенъ, то заемъ безъ сомнѣнія не могъ состояться безъ биржевой спекуляціи и банкирскаго пуфа. Искусно распущенный слухъ о помощи сильной державы, о силѣ экспедиціи и пр. могъ обмануть многихъ мелкихъ капиталистовъ, которые, желая получить значительный процентъ, накупили безнадежныхъ, неисполнимыхъ требованій.

Капиталы въ западно-европейскихъ государствахъ, при несовершенствѣ кредитнаго устройства, очень часто не находятъ выгоднаго помѣщенія въ солидныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Вмѣсто того, чтобы лежать въ банкѣ и не приносить владѣльцу никакого дохода, они очень часто устремляются въ спекуляціи рисковыя, обѣщающія значительную прибыль. И такъ, если кредитъ на дѣлѣ и не имѣетъ гарантіи, то это не болѣе какъ злоупотребленіе: потому что кредиторы, отдавая свои капиталы, имѣли надежду на ихъ выручку.

Подобное исключеніе не ослабляетъ силы общаго правила. Въ куплѣ, продажѣ, или въ простой мѣнѣ обмѣниваемые предметы должны быть равной стоимости; но на практикѣ не рѣдко случается совершенно противное. Купецъ или ремесленникъ, продающій дурной

товаръ вмѣсто хорошаго, отдаетъ гораздо менѣе нежели получаетъ. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что цѣнность продаваемой вещи должна быть ниже цѣнности уплачиваемой, и что законъ открытый Смитомъ о совпаденіи цѣны рыночной съ естественною не есть законъ всеобщій? Тоже самое должно сказать и о кредитѣ. Если довѣріе основывалось на заблужденіи, и только поэтому имѣло чисто личный характеръ; то неужели мы имѣемъ право сказать, что довѣріе въ кредитѣ лишено хозяйственнаго основанія?

Второй отличительный признакъ кредита, существенная принадлежность каждой кредитной сдѣлки состоитъ въ будущемъ вознагражденіи, въ той формѣ, въ которой оно было обѣщано. Безъ этого вознагражденія нельзя представить себѣ ни одной кредитной сдѣлки, точно также какъ нельзя представить себѣ купли, въ которой покупщикъ, получивъ вещь и недоплативъ за нее денегъ, считалъ бы сдѣлку оконченною.

Это вознагражденіе, или второй актъ кредитной мѣны состоитъ:

1) въ реализаціи кредита; 2) въ преміи, платимой за застрахованіе переданнаго капитала и оплачивающей рискъ; 3) въ процентахъ, или въ платѣ за пользованіе переданнымъ капиталомъ, выражаемой сотыми долями капитала, и взымаемой въ всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по свойству кредитныхъ отношеній не бываетъ немедленной реализаціи.

Говоря о реализаціи кредита, мы преимущественно обратимъ вниманіе на реализацію въ формѣ капитала обращающагося, для того, чтобы ограничиться фактами современными и наиболѣе общими.

Реализація кредита въ формѣ капитала обраающагося бываетъ различна, смотря по роду обѣщаннаго вознагражденія, и по назначенію, которое получитъ обращающійся капиталъ, отданный на кредитъ. Капиталъ этотъ можетъ имѣть двоякое производительное назначеніе: онъ можетъ быть употребленъ для оборотовъ, для образованія предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію нашимъ потребностямъ, и т. д. или же онъ можетъ быть употребленъ для образованія новыхъ постоянныхъ капиталовъ—орудій производства, для улучшенія земли, для устройства машинъ и т. д.

Различное назначеніе капиталовъ даетъ бытіе различнымъ формамъ реализаціи кредита, которыя однакоже могутъ быть приведены къ двумъ главнымъ видамъ.

1) Реализація полная въ кратковременный срокъ, когда капиталъ отданный на кредитъ остается непрерывно въ обращеніи, и вѣритель можетъ свободно располагать цѣнностію, соотвѣтствующею той, которая отдана имъ въ кредитъ. Примѣры подобныхъ кредитныхъ сдѣлокъ представляются въ земледѣльческой промышленности въ видѣ ссудъ хлѣба для посѣвовъ, въ видѣ займа различныхъ произведеній, которыя могутъ быть

возвращены кредитору сполна въ теченіи кратковременнаго срока. Въ мануфактурной промышленности очень часто получается на кредитъ сырой матеріалъ, предназначенный для переработки; въ торговой — товаръ, которымъ снабжаетъ оптовой купецъ или производитель мелочныхъ, и т. д.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ вѣритель, получая требованіе денежное, которое должно быть реализировано черезъ нѣсколько недѣль, а много черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, не лишается возможности располагать цѣнностію, соотвѣтственною переданному капиталу, который имѣетъ для него характеръ свободнаго. *) При такихъ обстоятельствахъ, легко можетъ случиться, что процентъ съ капитала не составляетъ безусловной принадлежности кредита, стоитъ только освободить кредитъ, отъ необходимости денежной реализаціи. Требованія при такомъ назначеніи кредита имѣютъ видъ векселей, банковыхъ билетовъ замѣняющихъ векселя, купеческихъ счетовъ, выдаваемыхъ на короткіе сроки заемныхъ писемъ, и т. д.

Капиталъ обращающійся можетъ быть консолидированъ или обращенъ въ постоянный, когда устроивается

---

*) Мы говоримъ: »свободный капиталъ«. Этого въ строгомъ смыслѣ сказать нельзя; но никто не станетъ оспаривать различія между капиталомъ оборотнымъ, который всегда имѣетъ значеніе свободнаго и затраченнымъ, который обращается въ орудія производства.

предпріятіе мануфактурное, требующее постройки, закупки машинъ, когда онъ издерживаетъ на удобреніе земли, или на издержки государственныя. Въ такомъ случаѣ внезапная полная реализація, безъ помощи другаго свободнаго капитала, становится невозможною и принимаетъ характеръ медленнаго погашенія. При такомъ пользованіи кредитомъ дѣйствительно представляется совершенное отчужденіе капитала—или на опредѣленный срокъ, если погашеніе бываетъ медленное, постепенное, но необходимое; или на неопредѣленный, если погашеніе бываетъ свободнымъ. Требованіе въ рукахъ кредитора—не болѣе какъ право на процентъ и на условленное погашеніе, а не на распоряженіе цѣнностію свободною, переданною посредствомъ кредита. Оно имѣетъ видъ облигацій земледѣльческихъ банковъ, облигацій государственныхъ займовъ, акцій и т. д.

Вотъ двѣ главныя формы реализаціи кредита—втораго акта кредита-мѣны. На основаніи этихъ формъ можно раздѣлить кредитныя сдѣлки на два главныя разряда: 1) допускающія реализацію полную въ теченіи кратковременнаго срока, когда переданный капиталъ составляетъ предметъ промышленнаго оборота въ земледѣліи, мануфактурахъ и торговлѣ; сюда относится преимущественно, такъ называемый, торговый кредитъ. 2) Кредитныя сдѣлки съ реализаціею медленною, обыкновенною посредствомъ постепеннаго погашенія—кредитъ

гипотекарный вообще, земледѣльческій, государственный, и проч.

Кредитные знаки или требованія, возникающія изъ кредитныхъ сдѣлокъ, опредѣляющія самый порядокъ реализаціи, бываютъ также двухъ родовъ: одни изъ нихъ выражаютъ требованія, возникающія изъ оборотовъ коммерческихъ (слово коммерческій должно понимать въ томъ смыслѣ, который оно имѣетъ у Сисмонди въ выраженіи richesse commerciale); вторыя—изъ оборотовъ промышленныхъ, имѣющихъ цѣлію превращеніе капиталовъ обращающихся въ постоянные.

Всѣ частныя видоизмѣненія этихъ двухъ главныхъ формъ реализаціи, именно: реализація свободная въ кредитѣ государственномъ, случайная въ компаніяхъ на акціяхъ, если прекращается дѣйствіе компаніи, и проч. составляютъ только различныя частныя видоизмѣненія кредита. Разнообразныя формы реализаціи представляютъ кредитныя учрежденія, извѣстныя подъ названіемъ обществъ застрахованія, капиталовъ, доходовъ, жизни, имущества, и т. д. Эти послѣднія составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ регулаторовъ кредита вообще.

Несмотря на это разнообразіе, реализація подчиняется одному и тому же закону; она возможна только въ то время, когда лице воспользовавшееся кредитомъ, выручило капиталъ необходимый для реализаціи, или можетъ свободно располагать средствами, служащими для

этой цѣли. Такія средства рѣдко существуютъ какъ результатъ хозяйственной дѣятельности, предшествовавшей кредитной сдѣлкѣ. Капиталъ, предназначенный для реализаціи, долженъ быть выученъ, а иногда и возстановленъ хозяйственною дѣятельностію. Такъ напр. капиталъ полученный на кредитъ, и употребленный на закупку сырыхъ произведеній, перерабатываемыхъ на фабрикѣ, долженъ быть выученъ посредствомъ распродажи фабрикатовъ; капиталъ обращающійся, консолидированный въ промышленномъ предпріятіи, долженъ быть сначала возстановленъ усиленнымъ производствомъ, для того, чтобы реализировать кредитъ въ формѣ капитала обращающагося, и пр.

И такъ моментъ реализаціи въ формѣ капитала долженъ совпадать съ временемъ возстановленія свободнаго капитала въ рукахъ лица, воспользовавшагося кредитомъ; и чѣмъ скорѣе можетъ быть возстановленъ капиталъ, тѣмъ скорѣе должна быть реализація. Изъ этого сдѣдуетъ, что число кредитныхъ сдѣлокъ, и время на которое онѣ заключаются, зависятъ отъ быстроты хозяйственныхъ оборотовъ и производства. Въ государствахъ, обладающихъ хорошею системою путей сообщенія, гдѣ хозяйственная дѣятельность необыкновенно оживлена, обороты не требуютъ значительнаго времени, сроки реализаціи должны быть короче и на оборотъ.

Это экономическое начало имѣетъ огромную важ-

ность при опредѣленіи сроковъ, на которые могутъ быть выдаваемы векселя, или принимаемы къ учету въ кредитныхъ установленіяхъ. Пренебреженіе имъ лишаетъ кредитныя учрежденія того значенія, которое они должны имѣть для народной экономіи.

Отъ реализаціи кредита должно отличать передачу кредитнаго знака или требованія вѣрителемъ, до истеченія срока, назначеннаго для реализаціи. Эту передачу очень часто смѣшиваютъ съ самою реализаціею кредита и въ этомъ заключается одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ заблужденій экономистовъ. Для того, чтобы объяснить съ какою цѣлію совершается передача кредитныхъ знаковъ слѣдуетъ припомнить, что одни изъ нихъ требуютъ *реализаціи въ короткій срокъ*, и лице владѣющее ими имѣетъ въ виду не капитализацію, а оборотъ—непосредственное пользованіе капиталомъ для промышленныхъ цѣлей; другіе же требуютъ медленнаго, постепеннаго погашенія. Владѣлецъ послѣднихъ не имѣетъ въ виду непосредственнаго личнаго пользованія капиталомъ: потому что цѣнности, отданныя на кредитъ, дѣлаются затраченнымъ, или даже консолидированнымъ капиталомъ.

Кредитные знаки перваго рода: векселя, банковые билеты могутъ быть обмѣнены на монету, или на кредитные знаки втораго рода. Они обмѣниваются на монету или потому, что неудобны къ обращенію, что

передача требованія по частямъ не возможна, или потому, что довѣріе, которое дало имъ бытіе, неимѣетъ надежной, хозяйственной основы. И такъ, стоитъ только дать кредитному знаку обращаемость денегъ и полную солидную гарантію, для того чтобы небыло никакого основанія для обмѣна его на монету. *) Вексель или банковый билетъ можетъ быть обмѣненъ на облигацію или акцію, когда кто-либо захочетъ капитализировать, довольствоваться одною рентою съ капитала, обратить свободный оборотный капиталъ въ затраченный.

Кредитные знаки втораго рода—облигаціи, акціи обмѣниваются или на монету, или на векселя и банковые билеты, или же непосредственно на капиталы обращающіеся.

Побужденіе къ обмѣну кредитнаго знака на монету, возникающее изъ отсутствія довѣрія къ его стоимости, можетъ быть устранено при хорошемъ устройствѣ кредита, и при раціональномъ пользованіи имъ. Стремленіе къ обмѣну облигацій или акцій на векселя, банковые билеты, или прямо на капиталъ обращающійся происходитъ отъ желанія выручить капиталъ затраченный (несмотря на то, что кредитъ хорошо гарантированъ) и зависитъ отъ прибыльности предпріятій, требующихъ капиталовъ обращающихся.

---

*) Положеніе это мы разовьемъ далѣе, и подкрѣпимъ его доказательствами, взятыми изъ теоріи и практики.

Чѣмъ менѣе процентъ, приносимый облигаціею или акціею, чѣмъ значительнѣе требованіе на капиталы обращающіеся, тѣмъ сильнѣе стремленіе выручить затраченные капиталы косвеннымъ образомъ. Эта причина можетъ имѣть слѣдствіемъ пониженіе цѣнности кредитныхъ знаковъ, представляющихъ капиталы затраченные, независимо отъ достаточности гарантіи кредита; особенно въ томъ случаѣ, когда процентъ приносимый облигаціями и акціями остается неподвижнымъ.

Свободный обмѣнъ кредитныхъ знаковъ 2-го рода на банковые билеты, допускаемый отчасти кредитными учрежденіями западной Европы, можетъ совершенно подорвать цѣнность кредитныхъ требованій; потому что кредитные знаки съ медленною, постепенною и очень отдаленной реализаціей замѣняются въ такомъ случаѣ знаками, требующими реализаціи внезапной. Изобиліе свободныхъ обращающихся капиталовъ дѣйствуетъ на возвышеніе цѣнности кредитныхъ знаковъ, представлющихъ капиталы затраченные, потому что только они одни даютъ право на капитальную ренту.

Разсмотрѣвъ реализацію кредита, перейдемъ къ изслѣдованіямъ о преміи застрахованія, которая составляетъ дополненіе къ хозяйственной гарантіи.

Большая часть экономистовъ смѣшиваетъ премію застрахованія съ процентами, платимыми за пользованіе

капиталомъ, переданнымъ по довѣрію; между тѣмъ какъ здѣсь встрѣчаются важныя отличія.

Премія застрахованія должна обезопасить вѣрителя на счетъ убытковъ, которые онъ можетъ потерпѣть, въ случаѣ неисправности или банкротства должника. Она соразмѣряется съ надежностію хозяйственной гарантіи, и чѣмъ надежнѣе послѣдняя, тѣмъ премія бываетъ обыкновенно менѣе. Напротивъ того, процентъ есть плата за пользованіе капиталомъ, который предоставляется вѣрителемъ въ полное распоряженіе должника, и зависитъ отъ отношенія между запросомъ на капиталъ и предложеніемъ капиталовъ.

Смѣшеніе процентовъ съ премію застрахованія объясняется тѣмъ, что премія рѣдко является чѣмъ-то отдѣльнымъ, и выражается обыкновенно подобно платѣ за пользованіе капиталомъ въ сотыхъ доляхъ. Ростовщикъ, который отдаетъ свой капиталъ за 10, 15, 20 и 24 процента выручаетъ въ этихъ процентахъ и премію застрахованія, которая должна вознаградить ему всѣ потери по кредитнымъ операціямъ. При настоящемъ устройствѣ кредитныхъ учрежденій, эта премія взымается въ видѣ учетныхъ процентовъ, при обмѣнѣ векселей на банковые билеты или деньги, или состоитъ въ разности между процентами, платимыми банку за выдаваемыя ссуды, и процентами платимыми банкомъ вкладчикамъ.

Застрахованіе капитала, или цѣнности переданной

кредитомъ, есть неизбѣжная принадлежность всѣхъ кредитныхъ сдѣлокъ. Хозяйственная гарантія кредита, уменьшая рискъ, очень рѣдко уничтожаетъ его совершенно; даже при закладахъ, вполнѣ обезпечивающихъ вѣрителя, можетъ имѣть мѣсто неуплата въ срокъ, убыточная въ томъ случаѣ, когда на срочной реализаціи кредитнаго знака основывались хозяйственныя операціи кредитора.

Разсматривая премію застрахованія какъ дополненіе хозяйственной гарантіи, мы можемъ сказать, что она находится въ обратномъ отношеніи къ вѣроятности въ точной реализаціи капитала. По этому, въ настоящее время премія застрахованія бываетъ самая меньшая, если гарантія кредита состоитъ въ имуществахъ недвижимыхъ; она увеличивается, если гарантія состоитъ въ движимыхъ имуществахъ, наконецъ въ личномъ трудѣ.

При сколько нибудь устроенномъ земледѣльческомъ кредитѣ, премія застрахованія очень мала; при разныхъ залогахъ, которые обыкновенно бываютъ средствомъ для доставленія капитала лицу, находящемуся въ самомъ стѣсненномъ положеніи, она, несмотря на вѣрность залога, очень часто возрастаетъ до значительной степени. Здѣсь надо принять въ расчетъ невѣрность выкупа, трудность сбыта произведенія отданнаго въ залогъ, непроизводительное употребленіе капитала полученнаго на кредитъ и пр. Въ торговлѣ она бываетъ еще выше, потому что залогъ состоитъ въ товарахъ подлежащихъ

сбыту; наконецъ если гарантія состоитъ въ личномъ трудѣ, результаты котораго очень сомнительны, тогда она достигаетъ своего maximum.—Съ измѣненіемъ значенія хозяйственныхъ гарантій, конечно измѣняется и самая премія: такъ, въ хорошо устроенномъ солидномъ государственномъ кредитѣ, трудъ народный, или производительность совокупнаго народнаго труда, составляютъ одну изъ самыхъ лучшихъ гарантій, и премія застрахованія бываетъ самая ничтожная.

Независимо отъ свойства гарантіи, есть еще другое обстоятельство уменьшающее величину преміи застрахованія, именно: посредничество учрежденія, которое беретъ на себя застраховку капитала отданнаго на кредитъ, или взаимное ручательство должниковъ.

Когда кредитная сдѣлка заключается между двумя лицами, тогда премія застрахованія доходитъ до 5 и до 17 процентовъ въ годъ; но когда кредитное учрежденіе принимаетъ на себя роль страховщика, тогда эта премія бываетъ гораздо менѣе. Причина заключается въ томъ, что сумма потерь, при большомъ количествѣ кредитныхъ операцій, и при круговой порукѣ должниковъ не можетъ быть велика.

При посредничествѣ банка, принимающаго векселя къ учету, учетный процентъ, составляющій премію застрахованія, гораздо менѣе того, который выговариваетъ

себѣ частное лице въ видѣ преміи застрахованія; потому что кредитное учрежденіе разсчитываетъ только на то, чтобы сумма премій по застраховкѣ вознаграждала процентъ съ капитала, необходимаго для застрахованія, и всѣ потери по застраховкѣ. Здѣсь имѣется въ виду средняя премія, которая для каждаго рода займовъ, всегда бываетъ ниже преміи, требуемой отдѣльнымъ частнымъ лицомъ.

Это послѣднее обстоятельство нимало неослабляетъ правила объ отношеніи между гарантіею и преміею застрахованія. При взаимномъ ручательствѣ должниковъ гарантія возрастаетъ, и чѣмъ лучше устроенъ порядокъ этого ручательства; тѣмъ она надежнѣе, а слѣдовательно и премія застрахованія должна быть менѣе.

Вотъ что объясняетъ вполнѣ—почему въ банкъ поступаютъ вклады, приносящіе только 4 процента, между тѣмъ какъ частные лица охотно даютъ вѣрителямъ 6 и $10\frac{0}{0}$; почему банкъ отдаетъ поступившіе къ нему капиталы въ ссуду за 5 процентовъ. Банкъ, довольствуясь преміею одного процента, обезпечиваетъ вѣрителю (котораго онъ представляетъ) капиталъ отданный на кредитъ;—одно частное лице, вступающее въ сдѣлку съ другимъ, неможетъ довольствоваться такимъ ничтожнымъ вознагражденіемъ на случай потери всего капитала или его части.

Изъ предыдущаго легко замѣтить, что застраховка

можетъ имѣть двѣ формы: взаимное ручательство должниковъ, когда они отвѣчаютъ другъ за друга, и ручательство посторонняго лица или учрежденія — банкира или банка. Въ первомъ случаѣ застраховка имѣетъ видъ круговой поруки, во второмъ — или промышленной спекуляціи, или государственно-экономическаго учрежденія. — Выгоды, доставляемыя народному хозяйству тою или другою формою, зависятъ отъ началъ, положенныхъ въ основаніе кредитныхъ учрежденій.

Эти замѣчанія относительно застраховки капиталовъ переданныхъ кредитомъ чрезвычайно важны; потому что они указываютъ на истинную роль банкировъ и банковъ, и на необходимость соразмѣрять премію застрахованія съ величиною риска. Послѣднее обстоятельство очень рѣдко принимается въ разсчетъ; а между тѣмъ нѣтъ ничего справедливѣе, какъ соразмѣрять премію застрахованія съ надежностію гарантіи, и заставить каждый классъ лицъ пользующихся кредитомъ нести издержки, соразмѣрныя съ величиною тѣхъ потерь, которыя могутъ быть причинены ихъ несостоятельностію.

Безъ сомнѣнія честность и аккуратность относительно выполненія кредитныхъ обязательствъ имѣютъ также большое вліяніе на уменьшеніе риска, хотя и не составляютъ хозяйственнаго момента.

Процентъ съ капитала, или вознагражденіе за пользованіе послѣднимъ, платится во всѣхъ тѣхъ случаяхъ,

когда кредитъ имѣетъ цѣлію передачу временнаго обладанія капиталомъ другому лицу,—затраченіе капитала свободнаго. Само собою разумѣется, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ проценты (даже премія застрахованія) сливаются съ реализаціею.

Подобно тому какъ премія застрахованія уменьшается по мѣрѣ увеличенія надежности гарантіи въ кредитныхъ сдѣлкахъ—процентъ, платимый съ капитала, понижается по мѣрѣ того какъ послѣдній принимаетъ характеръ затраченнаго. Въ этихъ предѣлахъ величина процентовъ установляется соперничествомъ.

Когда капиталъ, переданный кредитомъ, сохраняетъ свойства капитала свободнаго, незатраченнаго, когда полная и скорая реализація неподлежитъ сомнѣнію: тогда неможетъ быть рѣчи и о самыхъ процентахъ съ капитала, переданнаго кредитомъ, если только реализація не требуетъ запаснаго металлическаго фонда. Равнымъ образомъ, если отдача труда на кредитъ обоюдна; то нѣтъ основанія для вѣрителя требовать чего либо сверхъ реализаціи. Вотъ основныя элементарныя истины, по видимому простыя и наглядныя; но отъ правильнаго примѣненія которыхъ такъ много зависитъ въ устройствѣ кредита и кредитныхъ учрежденій.

Мысли о безпроцентной кредитной мѣнѣ встрѣчаются у Небеніуса и у Сэ.

Небеніусъ прямо говоритъ, что кредиторъ, удовлетворяя потребности лица, ищущаго капитала, иногда имѣетъ въ виду не прибыльное употребленіе своихъ произведеній, но выгодную мѣну. Онъ пускаетъ свой капиталъ въ обращеніе и дѣлаетъ его торговымъ капиталомъ, пока не найдутся цѣнности, на которыя его произведенія могутъ быть обмѣнены *). Къ подобнаго рода сдѣлкамъ относятся счеты между купцами, банкирами и т. п.

Равнымъ образомъ Сэ признаетъ, что капиталы, которые въ скоромъ времени будутъ свободными, существуютъ для промышленнаго предпринимателя какъ дѣйствительно свободные въ настоящее время; напр. капиталы отданные въ заемъ съ правомъ получить ихъ обратно по предварительному объявленію; капиталы употребленные для учета векселей, по которымъ наступитъ въ скоромъ времени срокъ уплаты; даже состоящіе въ товарахъ, лишь бы эти товары имѣли легкій сбытъ. Напротивъ того облигаціи государственныхъ займовъ, хотя относятся тоже къ свободнымъ капиталамъ; но взятые въ массѣ, онѣ не должны быть разсматриваемы какъ цѣнности свободныя: потому что государство не обязано ихъ уплачивать, и каждый капиталистъ можетъ выручить свой капиталъ только въ томъ случаѣ, когда

---

*) Nebenius. Der oeffentliche Credit. p. 5 и 6.

другой капиталистъ затратитъ свой собственный. Что касается отданныхъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній капиталовъ, которые не могутъ быть выручены ранѣе, какъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ; также употребленныхъ на постройки заводовъ, машинъ, на утучненіе земли: то ихъ не должно разсматривать какъ капиталы свободные даже и тогда, когда земля легко можетъ быть продана; потому что хотя продавецъ земли, стоющей 100,000 экю можетъ располагать этою суммою; но покупщикъ земли, уплативъ 100 тысячъ экю, лишается возможности располагать этимъ капиталомъ *).

Послѣ всего предыдущаго мы имѣемъ полное право сказать, что при кредитѣ съ реализаціею полною въ теченіи краткаго срока, часто нѣтъ основанія для требованія процентовъ. Купецъ, который сбываетъ товаръ на кредитъ, имѣетъ возможность располагать требованіемъ точно также какъ капиталомъ наличнымъ; о процентахъ съ капитала наличнаго, свободнаго, переходящаго изъ рукъ въ руки не можетъ быть рѣчи.

Проценты, платимые въ настоящее время за такіе капиталы, составляютъ нестолько процентъ съ капитала, сколько процентъ съ денегъ металлическихъ, служащихъ для его передачи, процентъ сложенный съ премію застрахованія. Напротивъ того, чѣмъ медленнѣе реализація, или чѣмъ отдаленнѣе ея срокъ; тѣмъ настоятель-

---

*) Cours complet d'ec. pol. pratique. Brux. 1836 p. 353.

нѣе необходимость процентовъ, какъ вознагражденія за пользованіе капиталомъ.

Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ въ кредитѣ комерческомъ процентъ за пользованіе капиталомъ не представляется безусловною принадлежностію кредитныхъ сдѣлокъ; онъ дѣлается необходимостію въ земледѣльческомъ и государственномъ. Въ ремесленно рабочемъ кредитѣ капиталъ, отданный на кредитъ состоитъ частію изъ капитала торговаго, быстро возстановляющагося производствомъ, частію изъ затраченнаго на устройство предпріятія; процентъ составляетъ необходимую принадлежность кредитныхъ сдѣлокъ, возникающихъ ради послѣдней цѣли.

Но на величину процентовъ съ затраченнаго капитала большое вліяніе имѣетъ также легкость передачи требованій, легкость обмѣна ихъ на свободныя капиталы. Чѣмъ обильнѣе послѣдніе, тѣмъ легче такая передача, тѣмъ менѣе долженъ быть процентъ. Такъ въ срочныхъ государственныхъ займахъ процентъ нерѣдко понижался до $2\frac{1}{2}$ и 2-хъ процентовъ. *)

Другое обстоятельство, имѣющее вліяніе на проценты — это отношеніе между запросомъ на капиталы и предложеніемъ капиталовъ. Чѣмъ сильнѣе запросъ на капиталы, и чѣмъ менѣе капиталовъ свободныхъ, кото-

---

*) Rau Finanzwissenschaft. 1843—46. — § 491. d

рые могли бы удовлетворить этому требованію, тѣмъ выше платимые проценты и на оборотъ. Поэтому: избытокъ свободныхъ капиталовъ, и обстоятельства, неблагопріятствующія употребленію ихъ, обыкновенно бываютъ виною пониженія процентовъ; недостатокъ капиталовъ и обстоятельства, споспѣшествующія развитію промышленности, бываютъ причиною возвышенія процентовъ.

Безъ сомнѣнія нельзя себѣ представить, такое изобиліе капиталовъ, когда употребленіе ихъ становится затруднительнымъ. Застой промышленный, уменьшающій употребленіе капиталовъ въ производствѣ, происходитъ не отъ того, что капиталовъ слишкомъ много; но отъ того, что дурной хозяйственный порядокъ и отсутствіе ремесленно-рабочаго кредита, препятствуютъ переходу капиталовъ въ руки тѣхъ лицъ, которыя въ нихъ дѣйствительно нуждаются, и которыя могли бы дать имъ производительное употребленіе.

Такимъ образомъ количество процентовъ, платимыхъ съ капиталовъ отданныхъ на кредитъ, въ предѣлахъ назначаемыхъ соперничествомъ, обратно пропорціонально степени ихъ затраченности. Чѣмъ свободнѣе капиталъ переданный кредитомъ, тѣмъ менѣе процентъ и на оборотъ.

III. *Разборъ опредѣленій кредита.*

Сличая опредѣленіе кредита, предложенное нами, съ опредѣленіями, встрѣчающимися у другихъ писателей, мы будемъ имѣть случай еще болѣе развить наши основныя положенія.

Разсматривая кредитъ, какъ одинъ изъ видовъ мѣны въ ея послѣдовательномъ развитіи, мы опредѣлили его мѣсто въ ряду хозяйственныхъ отношеній, мы указали на необходимость хозяйственнаго основанія довѣрія, на необходимость реализаціи, страховой преміи, платы процентовъ—послѣднихъ въ томъ случаѣ, когда капиталъ передается для затраченія. Опредѣленіе наше отличаеся большей общностію — оно не исключаетъ изъ области кредита множества хозяйственныхъ фактовъ, которые оставляемы были безъ вниманія; въ немъ указано высшее родовое понятіе кредита, и отличительныя характеристическіе признаки этого вида мѣны. Но мы недумаемъ, чтобы наше опредѣленіе заключало въ себѣ совершенную новизну; это мало говорило бы въ его пользу и могло бы родить сомнѣніе въ томъ: говорили ли мы о тѣхъ явленіяхъ, которыя названы у экономистовъ кредитомъ? Приведенныя нами мѣста изъ Лò, исчислившаго такъ подробно и отчетливо нравственныя и экономическія условія довѣрія, изъ Сэ и Небеніуса, которые дали посылки для заключенія, что процентъ несостав-

ляетъ безусловной принадлежности кредитныхъ сдѣлокъ: все это служитъ яснымъ доказательствомъ, что мы не выходили изъ области практической дѣйствительности, составлявшей предметъ изслѣдованій экономистовъ, писавшихъ о кредитѣ.

Обратимся къ разбору опредѣленій кредита.

Первыя теоретическія понятія мы находимъ у меркантилистовъ. По словамъ Ло́, кредитъ есть монета. Этотъ взглядъ раздѣляютъ Мелонъ, Дюто́ и другіе. Такимъ образомъ, въ опредѣленіи кредита у меркантилистовъ схваченъ только одинъ моментъ этаго вида мѣны— ея внѣшнее обозначеніе. Кредитъ разсматривается какъ орудіе обращенія, онъ состоитъ во внѣшнихъ знакахъ, имѣющихъ съ монетою одинаковое назначеніе. Это власть, располагающая цѣнностями, подобно деньгамъ — сила, обязанная своимъ существованіемъ преимущественно хозяйственной дѣятельности правительства. Другая погрѣшность опредѣленія состоитъ въ томъ, что деньги и кредитные знаки смѣшанные одни съ другими, смѣшаны съ понятіемъ о богатствѣ.

Въ школѣ свободы промышленности и частнаго интереса образуется мало по малу другой взглядъ на кредитъ. Но сначала мы не находимъ опредѣленія теоретическаго, а только описанія сущности отдѣльныхъ сдѣлокъ.

Такъ напр. издатель сочиненій Тюрго, въ примѣ-

чаніи къ мемуару о денежныхъ займахъ, опредѣляетъ продажу на кредитъ слѣдующимъ образомъ: »Продажа на кредитъ со стороны продавца есть передача цѣнности реальной, которая могла бы доставить ему капиталъ годный — или для покупки земли доставляющей доходъ, или для другой прибыльной цѣли, если бы эта цѣнность была уплачена наличностію. Со стороны покупщика это есть обѣщаніе платежа за переданную цѣнность въ болѣе или менѣе отдаленный срокъ. Обѣщаніе, по существу своему, должно заключать въ себѣ и процентъ равный прибыли, которую могъ бы получить продавецъ, если бы онъ выручилъ наличныя деньги и употребилъ ихъ на покупку земли, или для другой прибыльной цѣли. *)

Смитъ, говоря о займѣ, даетъ очень вѣрное понятіе объ этой частной кредитной сдѣлкѣ. »Капиталъ, отданный на процентъ можно разсматривать какъ передачу вѣрителемъ заемщику какой либо доли ежегодно добываемыхъ произведеній съ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣдній во все время займа, уплачивалъ ему меньшую долю называемую процентами, а по истеченіи срока сдѣлки часть равную той, которая была передана при совершеніи сдѣлки — это называется уплатою.« **)

---

*) Oeuvres de Turgot. T. V. p. 361. Paris. 1808.

**) Collection des économistes. Smith T. I. p. 442.

Наконецъ, у позднѣйшихъ экономистовъ: Сэ, Рау, Небенiуса, Шторха и другихъ являются опредѣленiя теоретическiя. Но подъ кредитомъ они разумѣютъ уже не орудiя обращенiя, а довѣрiе — моральное условiе, отъ котораго зависитъ цѣнность кредитныхъ знаковъ и возможность самой сдѣлки. Замѣчая, что кредитные знаки сохраняютъ цѣнность, пока пользуются довѣрiемъ, хотя бы гарантiя была ненадежна; что въ займѣ необходимо довѣрiе и пр., экономисты естественно пришли къ подобному опредѣленiю кредита. Они внесли въ эти опредѣленiя одинъ видовой признакъ и притомъ, не давая ему строго экономическаго характера. Мысль о гарантiи безъ сомнѣнiя должна была пробудиться; но они всячески старались исключить ее, и довольствовались возможностiю денежной реализацiи кредитныхъ знаковъ.

Рау, который въ наукѣ народнаго хозяйства такъ много заимствовалъ изъ Шторха, опредѣляетъ кредитъ и развиваетъ основныя понятiя довольно сходно съ послѣднимъ. По его словамъ: »кредитъ вообще есть довѣрiе, которымъ кто либо пользуется у другихъ относительно уплаты долговыхъ обязательствъ. Потомъ, какъ бы дополняя это опредѣленiе, въ которомъ неупоминается о передачѣ цѣнности подъ условiемъ будущаго вознагражденiя, Рау приводитъ въ примѣчанiи другое: »существо кредита, говоритъ онъ, состоитъ

въ томъ, что извѣстное лице довольствуется вмѣсто настоящей уплаты вѣроятностію будущей.«

Такія понятія о кредитѣ заключаютъ въ себѣ важные недостатки. Допустивъ, что довѣріе, которое разсматривается какъ главный единственный признакъ, не есть простой переводъ слова кредитъ, мы должны однакоже признать, что въ опредѣленіе Рау входитъ одно нравственное условіе кредита. Это можно видѣть яснѣе изъ слѣдующихъ словъ: »такъ какъ вѣроятность будущей уплаты выводится изъ личныхъ отношеній должника, то въ строгомъ смыслѣ, кредитъ всегда бываетъ личнымъ. При займѣ, обезпеченномъ полнымъ залогомъ, нѣтъ необходимости въ кредитѣ; потому что неможетъ быть рѣчи о вѣроятности уплаты — о довѣріи. Эта полная безопасность, исключающая кредитъ, имѣетъ мѣсто при ручныхъ залогахъ; но не при закладѣ земледѣльческаго имущества: потому что вѣритель всегда можетъ сомнѣваться или въ точности оцѣнки земли, отданной въ закладъ, или въ выручкѣ долга, въ случаѣ назначенной продажи имущества; далѣе потому, что вѣритель не всегда согласится взять на себя, отданную въ закладъ землю или строеніе для того, чтобы не быть замѣшаннымъ въ конкурсѣ должника. Кредитъ, опирающійся на залоги и заклады, называется вещественнымъ.« *)

*) Rau. Volkswirthschaftsilehre T. I. p. 317—318.—Изд. 1841. г.

Такимъ образомъ логическая послѣдовательность заставила Рау отрицать въ кредитѣ его существенную принадлежность—гарантію.

Кредитъ, по его понятію, что-то личное, частная сдѣлка между двумя сторонами, основанная на довѣріи къ должнику. Если цѣнность и доходность капитала вполнѣ обезпечены для кредитора—тогда нѣтъ кредита! Изъ этого можно было бы заключить, что каждая кредитная сдѣлка можетъ быть основана только на рискѣ, а не на хозяйственномъ разсчетѣ, и слѣдовательно кредитъ, по своей природѣ, представляется спекуляціею шаткою и ненадежною.

Другой недостатокъ опредѣленія состоитъ въ томъ, что частный признакъ вида кредита—займа сдѣланъ родовымъ, и что понятіе о кредитѣ образовано, не извлеченіемъ существенныхъ чертъ изъ видовыхъ понятій для составленія родоваго, а поясняется аналогически—сходствомъ каждой кредитной сдѣлки съ займомъ.

И Небеніусъ, подобно Рау, два раза опредѣляетъ кредитъ и оба опредѣленія встрѣчаются на первыхъ 14 страницахъ. Вотъ первое опредѣленіе: »кредитъ означаетъ довѣріе къ дѣйствительности обѣщанія, по которому лицо нравственное или физическое обязывается отдать въ будущее время цѣнности, соотвѣтствующія полученнымъ; кредитъ означаетъ также способность пріобрѣсть

отъ другаго лица, по добровольному къ нимъ соглашенію, существующія цѣнности за такое обѣщаніе.«

»Кредитныя сдѣлки составляютъ или слѣдствіе другихъ сдѣлокъ, или существуютъ самобытно; онѣ имѣютъ цѣлію передачу накопленныхъ цѣнностей (т. е. капиталовъ) отъ одного лица къ другому—или на извѣстное время, или на всегда въ замѣнъ соразмѣрнаго вознагражденія.«

Вотъ второе опредѣленіе, нѣсколько отличное отъ перваго, но также неполное: »вообще кредитъ состоитъ въ условіи, по которому совершается переходъ капиталовъ изъ одной руки въ другую; капиталъ, составляетъ предметъ сдѣлки, потребность въ капиталахъ—поводъ къ тому, деньги—средство для перехода капиталовъ, и для исполненія заключеннаго договора.«

Первое опредѣленіе Небеніуса, въ связи съ дальнѣйшимъ его развитіемъ, точнѣе нежели опредѣленія Рау; покрайней мѣрѣ въ немъ говорится о передачѣ цѣнности подъ условіемъ будущаго вознагражденія и о довѣріи къ дѣйствительности обѣщанія: слѣдовательно подразумѣвается гарантія кредита и не отрицается его существованіе, при совершенномъ обезпеченіи кредита. Но родовой экономическій признакъ кредита не указанъ, допускается отсутствіе реализаціи, и самыя сдѣлки, возникающія изъ кредита, обнимаютъ только однѣ вещественныя цѣнности и едва ли не одни обращающіеся капиталы.

Еще менѣе можно согласиться со вторымъ опредѣленіемъ, высказаннымъ Небеніусомъ по поводу изслѣдованій о публичномъ кредитѣ. Въ самомъ дѣлѣ неужели кредитъ состоитъ въ условіи перехода капитала, а не въ самой передачѣ подъ извѣстнымъ условіемъ? Неужели только одни капиталы составляютъ предметъ кредитныхъ сдѣлокъ? Составляютъ ли деньги единственное средство для передачи капитала и къ исполненію заключеннаго договора?

Еще тѣснѣе предъидущихъ опредѣленій, предложенное Кокленомъ въ его сочиненіи »Du credit et des banques.« По его словамъ, кредитъ, въ самомъ общемъ значеніи, есть довѣріе въ области торговыхъ сдѣлокъ.—Подъ словомъ торговыя сдѣлки не должно разумѣть мѣну въ ея обширномъ значеніи, тѣмъ болѣе что авторъ не приписываетъ большой важности кредиту земледѣльческому.

Опредѣленіе кредита, лишенное строго экономическаго смысла, нетолько должно было привести къ сомнѣніямъ, въ дѣйствительной пользѣ кредита; но и къ ложному пониманію его сущности:—у Сисмонди довѣріе обращается въ безплодную надежду на будущее, Лемэтръ выражаетъ свою мысль точнѣе и называетъ кредитъ *антиципаціею*. »Кредитъ, говоритъ авторъ, можетъ быть разсматриваемъ съ промышленной точки зрѣнія, какъ *антиципированная реализація произведеній*,

которыя еще не существуютъ; другими словами — это учетъ будущей цѣнности, которая сама будетъ подчинена запросу потребителей.«

Опредѣленіе кредита, данное Лемэтромъ, какъ это видно съ перваго взгляда, относится преимущественно къ промышленности обработывающей, и имѣетъ въ виду извѣстное состояніе промышленности, когда рынокъ загроможденъ произведеніями, не имѣющими сбыта. Такое толкованіе съ нашей стороны оправдывается дальнѣйшими словами автора: »развитіе потребленія требуетъ, безъ сомнѣнія, развитія производства; но это только фактическое условіе: необходимо, чтобы то и другое шло параллельно, чтобы было соотвѣтствіе, равновѣсіе между различными частями производства и различнымн средствами къ потребленію, образованными распредѣленіемъ произведеннаго богатства; безъ этой гармоніи, часть произведеній не будетъ имѣть сбыта и потеряетъ цѣнность. Для того, чтобы кредитъ былъ дѣйствительно прибыленъ необходимо, чтобы онъ сообразовался съ развитіемъ потребленія, иначе не будетъ предложенія къ обмѣну, и начиная съ этого момента, остановится производство цѣнностей.«

Объяснимъ сущность опредѣленія, даннаго Лемэтромъ. Что такое антиципированная реализація, еще не существующихъ произведеній, или учетъ будущихъ цѣнностей, производство которыхъ будетъ подчинено

запросу потребителей? Слова автора можно передать слѣдующимъ образомъ: кредитъ состоитъ въ предварительномъ платежѣ за произведенія, еще не существующія, но которыя должны быть произведены. Сбытъ этихъ произведеній зависитъ отъ запроса со стороны потребителей. Напримѣръ А даетъ мануфактуристу В 100,000, на которыя В приготовляетъ бумажныя матеріи. Кредитъ, состоящій изъ 100,000, разсматривается авторомъ какъ капиталъ, отданный банкиромъ А мануфактуристу В за бумажныя матеріи, которыя будутъ произведены. Капиталъ, состоящій въ этихъ бумажныхъ матеріяхъ, можно разсматривать какъ собственность А, за вычетомъ нѣкоторой части, оплачивающей трудъ и капиталъ, принадлежащіе мануфактуристу В.

И такъ, при помощи кредита, употреблено 100,000 на выдѣлку бумажныхъ матерій. Будутъ ли эти произведенія имѣть сбытъ—это зависитъ отъ запроса состороны потребителей, т. е. отъ потребности, ощущаемой послѣдними въ произведеніяхъ бумажной фабрики, и отъ доходовъ, которыми они располагаютъ.

Въ чемъ же состоитъ эта антиципація? 100,000 р. переданные мануфактуристу ничто иное, какъ сырые матеріалы и др. произведенія, цѣнность которыхъ— 100,000 руб. До этихъ поръ всѣ хозяйственныя сдѣлки не выходятъ изъ сферы настоящаго, кредитъ передаетъ въ руки мануфактуриста цѣнности существую-

щія, антиципаціи нѣтъ. Но мануфактуристъ задолжалъ; онъ долженъ выручить 100,000 и уплатить ихъ вѣрителямъ. Выручка занятаго капитала условливается производствомъ и сбытомъ. Производство зависѣло отъ кредита, оно сдѣлалось возможнымъ благодаря его помощи; сбытъ не только не стѣсненъ, но напротивъ облегченъ кредитною операціею: потому что владѣльцы сырыхъ произведеній, продавшіе свой товаръ мануфактуристу, выручили свой доходъ — слѣдовательно получили большую возможность потреблять. Если бы кредитная операція въ настоящемъ случаѣ несостоялась; то владѣльцы сырыхъ матеріаловъ могли бы потерпѣть отъ застоя въ сбытѣ своихъ произведеній: точно также какъ и мануфактуристъ, они не имѣли бы возможности продолжать производства въ тѣхъ размѣрахъ, которые для нихъ доступны, при обладаніи опредѣленными хозяйственными силами.

И такъ кредитную операцію, которую г. Лемэтръ имѣлъ въ виду, нельзя назвать антиципаціею. Равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ достигается скорѣе всестороннимъ развитіемъ хорошо устроеннаго кредита, нежели отсутствіемъ кредитныхъ сдѣлокъ. Условіе этого развитія не заключается ни въ кредитѣ, ни въ чисто металлическомъ обращеніи, но въ самомъ порядкѣ экономическомъ; кредитъ, деньги, и пр. неболѣе какъ средства для установленія подобнаго равновѣсія.

Изъ предъидущаго мы можемъ заключить, что кредитъ не всегда располагаетъ средствами будущаго; напротивъ того онъ, по большей части, располагаетъ только настоящимъ, и увеличиваетъ богатства будущаго времени.

Случается, что капиталъ, переданный кредитомъ, употребляется непроизводительно, что реализація возможна только въ отдаленномъ будущемъ.—Эти частные случаи не составляютъ ли того факта, на который хотѣли указать экономисты?

Допустимъ, что капиталъ, переданный кредитомъ, употребленъ непроизводительно, такъ, что отъ капитала остается одно требованіе уплаты въ будущемъ. Но составляетъ ли подобное злоупотребленіе въ кредитѣ его существенный признакъ? Кто согласится обмѣнять свой капиталъ на безнадежное требованіе? Подобный фактъ должно скорѣе всего разсматривать какъ результатъ несовершеннаго устройства кредита, ловкой мистификаціи, которая вводитъ кредитора въ заблужденіе. Наконецъ очень часто кредитъ бываетъ не антиципаціею будущаго, а средствомъ для возстановленія потерь, произведенныхъ расточительностію и непроизводительнымъ потребленіемъ въ прошедшемъ.

Землевладѣлецъ, который прибѣгаетъ къ кредиту, для того чтобы улучшить имѣніе, разстроенное мотовствомъ своего предшественника, для того чтобы заплатить его долги, и пр. антиципируетъ ли онъ будущее?

Наконецъ потребленіе капитала при помощи кредита, потребленіе имѣющее цѣлію его консолидированіе, или вообще образованіе производительныхъ силъ, какъ справедливо замѣтилъ Листъ, не можетъ быть названо потерею для народнаго хозяйства. Это противуположность антиципаціи, фактъ утѣшительный въ народномъ хозяйствѣ, обѣщающій возрастаніе богатства и благосостоянія въ будущемъ. Народъ, который можетъ употребить огромныя матеріальныя средства для воспитанія будущихъ поколѣній, на устройство желѣзныхъ дорогъ, на улучшеніе земледѣлія, приготовляетъ обильную жатву для своего потомства. Подобная антиципація недолжна быть разсматриваема какъ присвоеніе себѣ достоянія, принадлежащаго нашимъ дѣтямъ; но какъ пожертвованіе выгодами настоящаго для блага будущаго.

Вотъ въ чемъ заключается высокое моральное значеніе кредита. Не будемъ искать этого смысла во всѣхъ современныхъ хозяйственныхъ явленіяхъ, вызванныхъ различными причинами: но согласимся съ тѣмъ, что провидѣніе готовитъ человѣку лучшую будущность, направляя разнообразныя стремленія къ высокой цѣли— къ истинной цивилизаціи рода человѣческаго.

Въ то время, когда на кредитъ начали смотрѣть, какъ на невыполнимое обѣщаніе, на антиципацію, и пр.; тогда живо ощутилась необходимость перенести область кредитныхъ операцій въ сферу дѣйствительнаго и реаль-

наго. Г. Цѣшковскому принадлежитъ честь предложенія перваго экономическаго опредѣленія кредита послѣ меркантилистовъ.

По мнѣнію его, »кредитъ есть превращеніе капиталовъ постоянныхъ и затраченныхъ въ обращающіеся и свободные;—это есть средство, которое дѣлаетъ свободными и обращающимися, капиталы неимѣвшіе этого свойства и слѣдовательно даетъ имъ возможность обратиться туда, гдѣ ощущается въ нихъ потребность [1]). Личныя качества человѣка—его честность, способности и пр. могутъ быть тоже основой кредита; но съ такой основою кредитъ можетъ имѣть мѣсто только въ тѣсномъ кругу личныхъ сношеній, и слѣдовательно составляетъ исключеніе. Сторонняя оцѣнка невещественнаго капитала, по мнѣнію автора, невозможна [2]). Такимъ образомъ кредитъ долженъ имѣть реальную основу, онъ долженъ опираться на дѣйствительно — существующее, а не на надежды, онъ требуетъ гипотекъ, а не гипотезъ [3]).

Кредитъ реальный съ опредѣленнымъ залогомъ достигнулъ своего высшаго развитія въ настоящихъ учрежденіяхъ кредита земледѣльческаго [4]). Отъ этого кредита авторъ отличаетъ кредитъ моральный, или по до-

---

1) Cieszkowsky. Du crédit et de la circulation 1847 p. 6. 2) Jb. p. 34. 3) Jb. p. 30. 4) Jb. p. 13.

вѣрію, господствующій въ настоящее время, и неопирающійся на извѣстные опредѣленные залоги (gages). Вексель не представляетъ спеціальной вещественной гарантіи, его гарантія болѣе личная, чѣмъ реальная.

Такъ какъ кредитъ требуетъ необходимо матеріальной гарантіи, какой бы то нибыло реализаціи,— (авторъ подъ реализаціею разумѣетъ залогъ); то эта реализація должна слѣдовать за совершеніемъ кредитной сдѣлки, если она не предшествовала ей [1]). Напр. въ кредитѣ земледѣльческомъ, реализація предшествовала самому открытію кредита [2]). Напротивъ того въ кредитѣ моральномъ, лишенномъ реальныхъ гарантій, реализація необходима въ будущемъ, и замѣнъ векселей банковыми билетами, которые могутъ быть обмѣнены на монету по предъявленію, есть дѣло необходимости, для того чтобы дать кредиту столь идеальному, сколько нибудь матеріальную гарантію [3]).

Опредѣленіе г. Цѣшковскаго, которое мы старались пояснить его понятіями о сущности кредита представляетъ важные недостатки. Кредитъ, въ его нормальномъ значеніи, представляется ему не какъ переходъ цѣнности отъ одного лица къ другому, по довѣрію къ будущему вознагражденію, но какъ превращеніе капитала. Довѣріе исключается требованіемъ залоговъ реальныхъ.

---

1) Ib. p. 15. 2) Ib. p. 40. 3) Ib. p. 17.

Реализація кредита представляется ему не въ видѣ втораго акта мѣны, а въ видѣ вещественнаго залога.

Въ чемъ же состоитъ это превращеніе капитала? По мнѣнію г. Цѣшковскаго, оно есть ничто иное, какъ раздвоеніе или рефлекція капитала, которая позволяетъ ему дѣйствовать вдвойнѣ, какъ капиталу постоянному и какъ обращающемуся. На дѣлѣ—это ничто иное какъ возможность, которою пользуется владѣлецъ недвижимаго или движимаго имущества, располагать капиталомъ обращающимся, соотвѣтствующимъ въ извѣстной степени цѣнности матеріальнаго залога; капиталъ постоянный, гарантирующій кредитъ, остается по прежнему постояннымъ, капиталъ обращающійся возникаетъ не изъ постояннаго посредствомъ превращенія или метаморфоза, а получается отъ капиталиста, въ рукахъ котораго онъ былъ свободенъ, или не въ такой мѣрѣ производителенъ. Метаморфоза, о которой говоритъ авторъ, не можетъ быть произведена ни кредитомъ, ни другими хозяйственными операціями; потому что она физически невозможна. Какимъ же образомъ могла возникнуть подобная мысль? Она обязана своимъ происхожденіемъ развитію теоріи Ло—любимой мысли автора: вытѣснить деньги кредитными знаками, вполнѣ обезпеченными и приносящими проценты. Эта доходность *рентовыхъ билетовъ*, которыми г. Цѣшковскій думалъ замѣнить деньги, привела его къ смѣшенію ихъ съ капиталами

обращающимися. Раздвоеніе, рефлекція, метаморфоза капитала—понятія довольно разнородныя, но выражающія одну и ту же мысль: возможность пользоваться рентовыми билетами, обезпеченными матеріальнымъ залогомъ. По этому, эта вторая рефлектированная цѣнность не есть цѣнность дѣйствительная, а только представительница цѣнности, заключающейся въ матеріальномъ залогѣ, и раздѣляющая судьбу послѣдней. Это не есть капиталъ самостоятельный, а только возможность располагать капиталомъ обращающимся.

Но въ этомъ еще незаключаются всѣ недостатки опредѣленія г. Цѣшковскаго. Оно основано на гипотезѣ о кредитѣ нормальномъ, а не на фактахъ, представляемыхъ дѣйствительностію. Его увлекла форма кредита земледѣльческаго, и въ эту форму онъ желалъ бы втиснуть все устройство кредита вообще. Поэтому понятіе его о кредитѣ очень тѣсно: кредитъ дѣлается достояніямъ только однихъ лицъ обладающихъ залогами матеріальными. Трудъ человѣка, производительность его личныхъ силъ могутъ быть только основою для тѣснаго круга кредитныхъ операцій въ частной ограниченной сферѣ между отдѣльными лицами. Послѣ этого мы не можемъ видѣть въ кредитѣ той уравновѣшивающей силы, которая оживляетъ производительность труда во всѣхъ сферахъ промышленности, мы не можемъ ожидать отъ него важныхъ результатовъ для общественнаго благо-

состоянія. Кромѣ этого гарантія кредита, состоящая по мнѣнію г. Цѣшковскаго, преимущественно въ недвижимыхъ имуществахъ не имѣетъ самостоятельности. Истинная гарантія заключается въ производящей силѣ труда. Если дѣятельность труда ослабѣетъ, если уменьшится количество обращающихся капиталовъ: то упадетъ и самая цѣнность недвижимыхъ имуществъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе матеріальныхъ залоговъ.

Съ понятіемъ о реализаціи кредита авторъ смѣшиваетъ понятія совершенно разнородныя—гарантію кредита и обмѣнъ кредитныхъ требованій на деньги. Истинная реализація состоитъ не въ обмѣнѣ кредитныхъ требованій на деньги; но въ выполненіи условій кредита.

Разбирая опредѣленіе кредита, данное г. Цѣшковскимъ, мы указали на погрѣшности автора и на источникъ его заблужденій. Несмотря на это, сочиненіе г. Цѣшковскаго имѣетъ въ глазахъ нашихъ важныя, неоспоримыя достоинства: оно составляетъ плодъ совѣстливаго труда и глубокаго убѣжденія. По направленію, по отдѣльнымъ мыслямъ, оно далеко оставляетъ за собою тѣ компиляціи, въ которыхъ представляется сборъ разнородныхъ свѣдѣній, приведенныхъ въ порядокъ; повтореніе извѣстнаго, безъ опредѣленной идеи, и безъ точки зрѣнія на предметъ изслѣдованій.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О ФОРМАХЪ КРЕДИТНЫХЪ СДѢЛОКЪ.

Всякій кредитъ основанъ на однихъ и тѣхъ же началахъ, но разсмотрѣніе разнообразныхъ формъ необходимо: оно скорѣе всего приведетъ насъ къ правильному заключенію о томъ, что содержится существеннаго въ кредитныхъ операціяхъ, и къ сознанію законовъ, которымъ онѣ подчинены. Изслѣдованіе одной какой либо формы легко можетъ привести къ ложнымъ выводамъ, которые вызываютъ обыкновенно несправедливыя обвиненія кредита со стороны экономистовъ скептиковъ. Такъ Кокленъ, обращая вниманіе на одинъ кредитъ съ реализаціею срочною, недаетъ должнаго значенія кредиту земледѣльческому; такъ Цѣшковскій, выходя изъ гипотекарныхъ началъ, оставляетъ въ сторонѣ кредитъ, въ которомъ довѣріе основано на нематеріальной гарантіи—на трудѣ, даже самый торговый кредитъ. Но разсматривая формы кредита, мы не должны однакоже видѣть въ нихъ нѣчто нормальное—онѣ должны служить для насъ только средствомъ для того, чтобы

при помощи дѣйствительности, дать большую наглядность теоретическимъ положеніямъ, извлеченнымъ изъ самой жизни, и разъяснить условія дальнѣйшаго развитія кредита на самой практикѣ.

Мы уже замѣтили, что кредитъ представляетъ два главные вида: кредитъ съ реализаціею въ теченіи кратковременнаго срока, и съ реализаціею, допускающею только медленное погашеніе.

Кредитныя операціи, относящіяся къ первому виду, суть слѣдующія:

1) Взаимные разсчеты между купцами, замѣняющіе дѣйствительную уплату до извѣстнаго срока. Такъ банкиръ ведетъ счетъ взаимнымъ требованіямъ и платежамъ между купцами A. B. C. D, и по истеченіи года уплачиваетъ разность.

2) Продажа и покупка товаровъ на кредитъ; купецъ продаетъ товаръ и вмѣсто наличнаго платежа получаетъ вексель.

3) Заемъ денегъ.

4) Торговыя компаніи на акціяхъ, когда цѣль товарищества достигается въ кратковременный срокъ, по истеченіи котораго реализируются капиталы, переданные кредитомъ. Такъ напр. можетъ быть составлена компанія между землевладѣльцами, для доставки хлѣба въ извѣстный портъ по заказу, и пр.

5) Кредитъ ремесленно-рабочій, относящійся къ предметамъ перерабатываемымъ, цѣнность которыхъ выручается по окончаніи производства.

6) Долгъ текучій государства, заключаемый посредствомъ выпуска срочныхъ векселей, которые правительство выдаетъ на себя съ тою цѣлію, чтобы возстановить равновѣсіе между доходами и расходами, временно нарушенное обстоятельствами чрезвычайными и пр.

Къ второму виду кредита съ реализаціею медленною, постепенною, когда переданный капиталъ затрачивается и принимаетъ видъ постояннаго, относятся слѣдующія формы кредитныхъ операцій:

1) Кредитъ гипотекарный въ промышленности земледѣльческой, мануфактурной и торговой, опирающійся на гарантію, состоящую въ недвижимыхъ имуществахъ, машинахъ, постройкахъ, и т. д. Между видами кредита гипотекарнаго особенно важенъ земледѣльческій.

2) Кредитъ государственный по безсрочнымъ долгамъ, когда правительство обязывается уплачивать одни проценты, а погашеніе долга зависитъ отъ обстоятельствъ.

3) Промышленныя компаніи на акціяхъ, допускающія только медленную реализацію капитала, напр. компаніи желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и пр.

Дальнѣйшія подраздѣленія двухъ главныхъ видовъ кредита не заключаютъ въ себѣ ничего существеннаго. Они основываются — или на различіи участниковъ въ кре-

дитныхъ операціяхъ, или на свойствѣ гарантіи, или на образѣ сосредоточенія капиталовъ посредствомъ кредита, или на различіи правъ, предоставленныхъ вѣрителямъ и. т. п.

И такъ нѣтъ необходимости входить въ подробныя объясненія всѣхъ кредитныхъ операцій, и заняться ихъ анализомъ. Для фактической части нашихъ изслѣдованій достаточно будетъ ограничиться, при разсмотрѣніи кредитныхъ сдѣлокъ съ реализаціею срочною въ короткій срокъ—вексельными оборотами и посредничествомъ коммерческихъ банковъ; при разсмотрѣніи кредитныхъ сдѣлокъ съ реализаціею медленною, постепенною—изложеніемъ формъ кредита земледѣльческаго и кредита государственнаго по безсрочнымъ долгамъ; какъ та, такъ и другая представляютъ нѣкоторыя особенности, которыя не должны быть оставлены безъ вниманія.

I. *Коммерческій кредитъ.*

Обращающійся капиталъ остается иногда долгое время недѣятельнымъ, какъ обыкновенно говорятъ—за неимѣніемъ сбыта. Онъ тяготитъ своего владѣльца, который нуждается въ обмѣнѣ, или въ превращеніи этого капитала въ другой, необходимый для его производства.

Предположимъ, что земледѣлецъ разводящій мериносовъ имѣетъ 1000 пудовъ собранной шерсти; но капиталъ его ненаходитъ сбыта: потому что фабрикантъ

невыручилъ денегъ за готовое сукно, еще неразобранное покупателями. Между тѣмъ земледѣльцу необходимо сдѣлать покупку рабочаго скота, земледѣльческихъ орудій, уплатить подати. Капиталъ, заключающійся въ 1000 пудахъ шерсти, составляетъ для него тягостное бремя оставаясь безплоднымъ; время уходитъ, отсутствіе сбыта, и въ слѣдствіе того несвоевременная покупка скота, земледѣльческихъ орудій и пр. грозятъ неизбѣжною потерею. Положеніе мануфактуриста, который не въ состояніи купить шерсти, быть можетъ, столь же незавидно какъ и положеніе земледѣльца, если его фабрика, за недостаткомъ сыраго матеріала должна остановиться, если капиталы постоянные, машины и пр. останутся въ недѣятельности. Равнымъ образомъ застой въ производствѣ лишаетъ работниковъ занятій въ земледѣльческихъ и въ мануфактурныхъ предпріятіяхъ, уменьшаетъ—и возможность пріобрѣтенія средствъ существованія въ настоящемъ, и производство, обезпечивающее дешевизну, и изобиліе капиталовъ—условіе выгоднаго труда въ будущемъ.

Мы представили примѣръ промышленнаго застоя, доведенный до его крайнихъ результатовъ; но если бы этотъ застой и небылъ столь силенъ, небылъ продолжителенъ: то какъ медленно переходили бы капиталы изъ рукъ въ руки, ожидая выручки, какъ долго оставались бы они непроизводительными въ кладовыхъ земле-

дѣльца, мануфактуриста или купца. Какъ часто человѣкъ, живущій трудомъ, рисковалъ бы остаться безъ занятій и безъ средствъ существованія. Кто хотя немного знакомъ съ положеніемъ промышленности въ мѣстахъ гдѣ нѣтъ кредита, или гдѣ развитіе его очень слабо, или даже, гдѣ кредитъ имѣетъ дурное примѣненіе: тотъ неназоветъ представленнаго нами примѣра вымысломъ—произведеніемъ праздпаго воображенія. *)

Предположимъ теперь, что земледѣлецъ и мануфактуристъ согласятся уступать свои товары другъ другу, не за немедленное вознагражденіе, а на кредитъ. Земледѣлецъ отдастъ мануфактуристу 1000 пудовъ шерсти, довѣряя его состоятельности, честности, аккуратности; купецъ отдастъ земледѣльцу орудія, для обработки полей, сосѣдъ продастъ ему, по довѣрію къ будущей уплатѣ рабочій скотъ, быть можетъ даже снабдитъ его деньгами, для уплаты податей. Вѣрители увѣрены, что земледѣлецъ, получивъ свой долгъ отъ мануфактуриста, имѣетъ и твердое намѣреніе, и возможность возвратить капиталъ, занятый для производства или для потребленія.

---

*) Намъ могутъ замѣтить, что застой въ сбытѣ происходитъ отъ недостаточности доходовъ потребителей; мы съ этимъ согласны, и докажемъ въ послѣдствіи, что кредитъ содѣйствуетъ увеличенію доходовъ и образованію собственности въ рукахъ неимущихъ. Въ настоящемъ случаѣ дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы понять значеніе и сущность вексельныхъ оборотовъ.—

Такимъ образомъ, благодаря кредиту, силы хозяйственныя въ земледѣліи, мануфактурахъ и торговлѣ не остаются ни минуты праздными, трудъ продолжаетъ производить, капиталъ поступаетъ въ руки тѣхъ лицъ, которыя могутъ дать ему полезное назначеніе. Самый сбытъ усиливается, потому что, находя занятіе въ производствѣ, каждое лице получаетъ доходъ.

Разсмотримъ теперь порядокъ совершенія кредитныхъ сдѣлокъ, ихъ формальную сторону, и то развитіе, которое получаетъ кредитъ, благодаря совершенствованію формы мѣны.

Кредитныя сдѣлки между земледѣльцемъ, мануфактуристомъ и купцомъ могутъ быть совершены посредствомъ однихъ словесныхъ обѣщаній. Если кредиторы и заемщики хорошо знаютъ другъ друга и со стороны экономической, и со стороны нравственной; если они имѣютъ понятіе о рискѣ, соединенномъ съ предпріятіемъ каждаго; если кредитные обороты ихъ ограничены: то означеніе кредита посредствомъ заемныхъ писемъ векселей, росписокъ, и пр. можетъ быть дѣломъ совершенно лишнимъ. *)

Но когда кредитные обороты становятся обширнѣе, когда въ нихъ принимаетъ участіе большее число лицъ,

---

*) Впрочемъ это бываетъ и тогда, когда неустановились еще правильные кредитные обороты съ надлежащимъ посредничествомъ и застрахованіемъ.

когда обнаруживается стремленіе уменьшить рискъ, соединенный съ мѣною по довѣрію къ будущему вознагражденію: тогда рождается необходимость въ кредитныхъ знакахъ, и наконецъ въ посредникахъ между вѣрителями и заемщиками.

Означеніе кредита въ дѣйствительности принимаетъ разнообразныя формы. Въ настоящее время мы ограничимся одною главною, которая находитъ ближайшее примѣненіе въ представленномъ нами примѣрѣ. Земледѣлецъ, отдавая мануфактуристу 1000 пудовъ шерсти, получаетъ отъ него вексель, въ которомъ означаются: валюта—цѣнность переданнаго товара на деньги, лицо обязанное возвратить капиталъ, срокъ уплаты и обыкновенно также имя самаго вѣрителя. Такое внѣшнее означеніе кредита доставляетъ земледѣльцу важныя выгоды: при строгости вексельнаго права, оно даетъ ему большую увѣренность въ реализаціи кредита; далѣе вексель облегчаетъ самому земледѣльцу пользованіе кредитомъ. Для того чтобы онъ могъ получить на кредитъ земледѣльческія орудія, скотъ и деньги для уплаты податей, вѣрители должны знать нетолько нравственныя качества, но и имущественныя средства земледѣльца, имѣть свѣдѣнія о его оборотахъ; другими словами, имѣть данныя, на которыхъ моглобы основываться ихъ довѣріе. Земледѣлецъ, получивъ вексель отъ мануфактуриста, можетъ предъявить его своимъ будущимъ

вѣрителямъ, передать его, слѣдовательно—дать болѣе надежное обезпеченіе въ точномъ выполненіи втораго акта кредита или реализаціи. Онъ можетъ сдѣлать еще болѣе, дѣлая надпись на передаваемомъ векселѣ, и принимая на себя роль поручителя, т. е. обязываясь, въ случаѣ отказа мануфактуриста, уплатить долгъ изъ собственныхъ средствъ. Если такимъ образомъ вексель перейдетъ черезъ нѣсколько рукъ, и каждый разъ, при передачѣ, лицо отдающее вексель дѣлаетъ на немъ надпись, и принимаетъ вмѣстѣ съ другими ручательство въ платежѣ: то какъ должно усилиться довѣріе къ дѣйствительной стоимости векселя, къ дѣйствительности реализаціи!

Легко понять и выгоды и невыгоды, заключающіяся въ такомъ взаимномъ ручательствѣ,—выгоды для лицъ принимающихъ векселя, невыгоды для передающихъ. Если векселедатель, первое лицо задолжавшее по векселю, не уплатитъ въ срокъ; то отвѣчаютъ всѣ надписатели въ установленномъ порядкѣ. Это не есть общее ручательство всѣхъ надписателей, данное послѣднему владѣльцу векселя; но ручательство послѣдовательное, которое заставляетъ одного требовать уплаты у другаго и т. д. Вотъ почему надписи въ векселяхъ, составляя надежную гарантію для получателя векселя, въ тоже время разсматриваются какъ тягостное бремя для надписателей. Вотъ почему явились векселя бланковые съ

означеніемъ именъ только должника и перваго вѣрителя, который дѣлая передаточную надпись, не означаетъ имени того лица, которому уступается вексель.

Но обращеніе векселей съ бланковою надписью, очень ограничено. Первый вѣритель и первый заемщикъ должны быть очень хорошо извѣстны въ промышленномъ кругу для того, чтобы вексель могъ переходить изъ рукъ въ руки безъ всякой трудности. Мѣстный купецъ, который получаетъ отъ земледѣльца вексель, выданный мануфактуристомъ, быть можетъ также разсматриваетъ этотъ вексель, какъ средство для уплаты другому купцу въ городѣ отдаленномъ. Но согласится ли послѣдній получить долгъ отъ мануфактуриста, задолжавшаго сосѣду земледѣльцу? Если заемщикъ и вѣритель—мануфактуристъ и земледѣлецъ ему незнакомы, если онъ не имѣетъ вѣрныхъ свѣденій объ этихъ лицахъ: на чей счетъ будетъ пересылка денегъ?

Наконецъ земледѣлецъ, продавшій шерсть на кредитъ, встрѣчаетъ препятствія и при первоначальной передачѣ векселя. Земледѣльцу нужно было воспользоваться кредитомъ у нѣсколькихъ лицъ; если этотъ кредитъ возможенъ только подъ условіемъ передачи векселя, даннаго мануфактуристомъ (иначе посредствомъ перевода долга): то какимъ образомъ раздробить этотъ долгъ на части—перевести на одного $\frac{1}{5}$ въ обмѣнъ на земледѣльческія орудія, на другаго $\frac{1}{3}$ въ обмѣнъ на рабочій

скотъ, и. т. д.? Согласится ли мануфактуристъ вмѣсто одного векселя выдать нѣсколько на мелочныя суммы? не увеличатся ли издержки при таковой сдѣлкѣ?

Вотъ цѣлый рядъ препятствій, затрудняющихъ кредитные обороты между частными лицами. Онѣ устраняются, по большей части дальнѣйшимъ моментомъ въ развитіи кредита—посредничествомъ банкировъ и кредитныхъ учрежденій.

Задача состоитъ въ томъ: чтобы дать векселю надежную гарантію; чтобы увѣренность въ состоятельности должника по векселю была раздѣляема всѣми; чтобы уплата по векселю была возможна во всякомъ мѣстѣ, по истеченіи срока; чтобы полученный вексель можно было передать своимъ кредиторамъ, раздробивъ его на мелкія части. Всѣ эти услуги оказываются банкомъ, и выпускаемыми имъ банковыми билетами.

Банкиръ или банкъ (кредитное учрежденіе государственное, или основанное частными лицами) принимаютъ вексель къ учету, т. е. обмѣниваютъ его на наличныя деньги, но преимущественно на банковые билеты, учитывая въ свою пользу опредѣленный процентъ за эту операцію.

Банковые билеты суть векселя, выданные банкиромъ или банкомъ, который выдаетъ ихъ вмѣсто векселей частныхъ, оставляя послѣдніе въ своемъ портефёлѣ, и ожидая слѣдующей по нимъ срочной уплаты. Это ни-

что иное, какъ замѣнъ векселя, мало извѣстнаго въ промышленномъ мірѣ, векселемъ болѣе надежнымъ, гарантированнымъ банкиромъ — лицомъ пользующимся большею степенью довѣрія, или кредитнымъ учрежденіемъ, которое можетъ представить ручательство еще болѣе надежное, нежели частный банкиръ: потому что банкъ, образованный обществомъ капиталистовъ, или установленный правительствомъ и поддерживаемый его средствами, обладаетъ обыкновенно болѣе значительнымъ капиталомъ.

И такъ банкиръ или банкъ, обмѣнивая вексель на свои билеты, принимаетъ ручательство въ томъ, что должникъ дѣйствительно уплатитъ по данному имъ на себя требованію; они застраховываютъ капиталъ, переданный векселемъ. Процентъ, взымаемый банкомъ при учетѣ векселей банковыми билетами должно разсматривать не только какъ доходъ, выручаемый банкомъ за свой капиталъ; но какъ премію застрахованія. Застрахованіе составляетъ существенную характеристическую черту того участія, которое принимаютъ посредники въ кредитныхъ сдѣлкахъ.

Банковый билетъ, составляя родъ векселя, вполнѣ обезпеченнаго, обладаетъ еще другими важными преимуществами: выпускаемый на болѣе мелкія суммы, онъ даетъ возможность вѣрителю перевести слѣдующій ему долгъ на нѣсколькихъ лицъ, раздробляя его по частямъ. Наконецъ банкъ, принимая свои билеты къ уплатѣ мо-

нетою по предъявленію, во всякое время реализируетъ ихъ, и владѣлецъ банковыхъ билетовъ необязанъ заботиться о томъ, чтобы непропустить времени уплаты, какъ это бываетъ необходимо при векселяхъ. Онъ увѣренъ въ томъ, что должникъ его, т. е. банкъ всегда состоятеленъ, что вездѣ и всегда онъ можетъ реализировать банковый билетъ — обстоятельство чрезвычано важное: потому что отсрочка въ платежахъ частнымъ лицамъ на неопредѣленное время почти невозможна, иначе надобно было бы постоянно слѣдить за состояніемъ имущества и ходомъ дѣлъ должника, иногда мало извѣстнаго кредитору.

Возвратимся къ нашему примѣру, представимъ на дѣлѣ плодотворные результаты посредничества банковъ. Земледѣлецъ уступилъ на кредитъ 1000 пудовъ шерсти мануфактуристу и получилъ отъ него вмѣсто наличнаго платежа вексель, который онъ обмѣниваетъ въ кредитномъ учрежденіи на банковые обращающіеся билеты. Онъ промѣнялъ должника частнаго, на должника оффиціальнаго, извѣстнаго всѣмъ и каждому, заслуживающаго полное довѣріе по своимъ средствамъ, и обѣщающаго немедленную уплату по своимъ векселямъ — банковымъ билетамъ, когда бы они ни были представлены, нестѣсняя назначеніемъ опредѣленнаго срока. Теперь не для чего принимателю векселя требовать тягостнаго ручательства отъ надписателей. Каждый охотно приметъ банковый

билетъ для того, чтобы сбыть свой товаръ, неимѣющій производительнаго назначенія и для того, чтобы въ свою очередь сдѣлать на эти билеты покупку тѣхъ вещей, которыя необходимы для производства, для занятія рабочихъ рукъ, постоянныхъ капиталовъ, земли, и проч. Недовѣрчивость въ кредитныхъ оборотахъ замѣняется довѣріемъ полнымъ, неограниченнымъ; ручательство отдѣльныхъ частныхъ лицъ замѣняется ручательствомъ кредитнаго учрежденія, надежнымъ, обезпеченнымъ, нестѣснительнымъ ни для одного изъ участниковъ въ кредитныхъ сдѣлкахъ. Вмѣстѣ съ этимъ—затрудненія относительно перевода долга изчезаютъ. Передача требованій, при вексельныхъ оборотахъ часто невозможная, потому что требованіе состоитъ изъ опредѣленной, и притомъ обыкновенно значительной суммы, при помощи банковыхъ билетовъ, становится легкой: требованіе можетъ быть передано по частямъ и всегда реализировано.

Въ послѣднемъ случаѣ банковый билетъ производитъ въ кредитныхъ сдѣлкахъ переворотъ, который имѣетъ много сходства съ замѣномъ естественной мѣны оборотами денежными. Для обмѣна одной вещи на другую обѣ должны имѣть одинаковую цѣнность. Въ кредитѣ передача векселя въ обмѣнъ на товаръ можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда цѣнность требованія равна цѣнности товара. Въ первомъ случаѣ деньги, во второмъ банковые билеты даютъ средство для со-

вершенія оборотовъ, или покрайней мѣрѣ уменьшаютъ ихъ медленность.

Для того, чтобы изложеніе наше неимѣло характера безусловной похвалы существующей формѣ коммерческаго кредита въ западной Европѣ, укажемъ также и на недостатки въ этомъ устройствѣ.

Банкъ, какъ мы замѣтили выше, обмѣнявъ вексель на билеты, обязывается уплачивать ихъ монетою по предъявленію. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается одинъ изъ существенныхъ недостатковъ настоящаго коммерческаго кредита: потому что судьба его тѣсно связывается съ количествомъ денежнаго капитала, находящагося въ кладовыхъ банка *).

Есть ли необходимость, или даже возможность обмѣнивать банковые билеты по предъявленію на монету? Необходимости нѣтъ—потому что банковые билеты могутъ также точно служить для обращенія, какъ и деньги, и имѣютъ предъ ними преимущество дешевизны; но требованіе, заключающееся въ банковыхъ билетахъ, не должно быть пустымъ обѣщаніемъ, и банкъ долженъ имѣть достаточ-

---

*) Мы говоримъ въ настоящемъ случаѣ о коммерческомъ кредитѣ въ западной Европѣ,—и о затруднительномъ положеніи, въ которомъ находится банкъ, когда дѣло идетъ о выполненіи даннаго обѣщанія обмѣнивать банковые билеты на монету, по предъявленіи.— Недостатка этого несуществуетъ въ нашей системѣ обращенія: у насъ нѣтъ банковыхъ билетовъ, а только кредитныя деньги.

ный капиталъ, для погашенія этихъ требованій въ извѣстный срокъ. Такъ какъ банковые билеты замѣняютъ векселя, то поэтому естественно, что срокъ реализаціи банковыхъ билетовъ долженъ совпадать съ срокомъ для уплаты по векселямъ. Реализація банковыхъ билетовъ немедленная по предъявленію составляетъ дѣло невозможное, если всѣ владѣльцы банковыхъ билетовъ явятся вдругъ, и потребуютъ платежа монетою. Для того, чтобы удовлетворить этимъ требованіямъ, банкъ постоянно долженъ имѣть монетный капиталъ, равный суммѣ векселей, застрахованныхъ въ банкѣ; или покрайней мѣрѣ приближающійся къ этой границѣ. Капиталъ монетный, безъ сомнѣнія, долженъ быть еще значительнѣе, если банкъ дѣлаетъ ссуды билетами подъ залогъ облигацій, акцій, и пр. Однакоже настоящія кредитныя учрежденія западной Европы именно обѣщаютъ эту невозможность, и мы съ полнымъ правомъ можемъ отнести ее къ одной изъ важнѣйшихъ причинъ прекращенія банками ихъ платежей.

Если въ обыкновенное время, т. е. тогда, когда не грозятъ коммерческіе кризисы, Банки Англіи и Франціи находятъ средство для обмѣна банковыхъ билетовъ на монету: то это происходитъ отъ недостатковъ кредитныхъ учрежденій западной Европы, отъ несовершенства ихъ устройства. Недостакокъ въ банкахъ земледѣльческихъ и ремесленно рабочихъ затрудняетъ передачу на кредитъ огромной массы капиталовъ, которые при-

нимаются въ банки, по большей части, какъ вклады безпроцентные, и рѣдко какъ процентные. Банки, обыкновенно незнаютъ что дѣлать съ этими капиталами: потому что кредитные обороты съ реализаціею срочною въ короткій срокъ, ненуждаются въ помощи капитала монетнаго. Такой приливъ капиталовъ облегчаетъ обмѣнъ банковыхъ билетовъ на монету; но при малѣйшемъ запросѣ на капиталы металлическіе, вклады, особенно безпроцентные, берутся изъ банка обратно и онъ легко можетъ сдѣлаться несостоятельнымъ. Банки коммерческіе, которые принимаютъ вклады и платятъ по нимъ проценты, менѣе подвержены кризисамъ; потому что капиталы, не такъ скоро оставляютъ кладовыя банка. Но можно ли ограничить сумму вексельныхъ оборотовъ измѣняющимся количествомъ вкладовъ?

И какую пользу можетъ принести преждевременная денежная реализація? Банковый билетъ, какъ орудіе обращенія, совершеннѣе нежели деньги и цѣнность его несомнѣнна; потому что потери по вексельнымъ платежамъ обезпечены фондомъ застрахованія. Преждевременный обмѣнъ банковыхъ билетовъ на металлическія деньги требуетъ только храненія въ наличности огромнаго монетнаго капитала, которымъ банкъ очень часто пользуется на счетъ вкладчиковъ, и который, во всякомъ случаѣ, нетолько недоставляетъ выгодъ лицамъ, представляющимъ векселя къ учету; но, увеличивая учет-

ный процентъ, составляетъ для нихъ тягостное и безполезное пожертвованіе.

Подробное изложеніе того, какимъ образомъ можно установить на практикѣ совпаденіе реализаціи векселей съ временемъ, когда съ полнымъ правомъ можно требовать обмѣна банковыхъ билетовъ на монету, невходитъ въ кругъ нашихъ изслѣдованій; однако же мы должны сказать объ этомъ нѣсколько словъ для того, чтобы положенія наши неимѣли характера несбыточной гипотезы. Мы можемъ сказать съ нѣкоторою увѣренностію, что вопросъ этотъ уже отчасти рѣшенъ на практикѣ, и что post-notes американскихъ банковъ,—банковые билеты, по которымъ платежъ производится по истеченіи извѣстнаго срока, представляютъ примѣръ возможности подобной реализаціи. Стоитъ только ввести въ оборотахъ векселей и банковыхъ билетовъ большую правильность и однообразіе относительно сроковъ реализаціи, соразмѣрить время уплаты post-notes съ временемъ реализаціи векселей, и проблема получитъ окончательное и удовлетворительное рѣшеніе.

Говоря строго, банкъ ненуждается въ капиталахъ для учета векселей; фондъ его долженъ имѣть одно назначеніе — застрахованіе капиталовъ, передаваемыхъ посредствомъ вексельныхъ оборотовъ.

Остальные за тѣмъ капиталы могутъ быть двухъ родовъ: 1) вклады для храненія и трансфертовъ и 2)

вклады приносящіе проценты. Капиталы перваго рода должны быть неприкосновенными; они не могутъ быть предметомъ спекуляціи банка. Количество ихъ должно постепенно уменьшаться вмѣстѣ съ развитіемъ кредита: потому что взаимные разсчеты и распространеніе непосредственныхъ кредитныхъ операцій уменьшаютъ потребность въ пересылкѣ денегъ, а трансферты совершаются посредствомъ передачи векселей прямо, или чрезъ посредство банковъ.

Капиталы, поступающіе въ коммерческіе банки въ видѣ вкладовъ приносящихъ проценты, обязаны своимъ помѣщеніемъ недостатку банковъ гипотекарныхъ. Коммерческій кредитъ не требуетъ системы вкладовъ и ссудъ, онъ можетъ состоять въ непосредственной передачѣ цѣнностей, по довѣрію къ будущему вознагражденію. Въ послѣднемъ случаѣ самый кредитъ дешевле, потому что сдѣлка не требуетъ монеты.

Вотъ одна изъ тѣхъ причинъ, которыя объясняютъ почему шотландскіе банки, предназначенные главнымъ образомъ для учета векселей, незнаютъ что дѣлать съ ввѣренными имъ вкладами. Вотъ причина, почему коммерческіе банки бросаются въ операціи кредитныхъ гипотекарныхъ учрежденій—не прямо, но косвеннымъ образомъ, принимая акціи и облигаціи какъ депозитъ для обмѣна ихъ на банковые билеты, и поощряютъ этимъ безпорядочное развитіе неустроеннаго кредита гипотекарнаго.

Такимъ образомъ фондъ банка получаетъ употребленіе; но за то внезапный обмѣнъ билетовъ на монету становится невозможнымъ: потому что билеты банковые замѣняютъ не векселя, съ реализаціею полною въ теченіи кратковременнаго срока, а требованія съ погашеніемъ отдаленнымъ, или безсрочнымъ. Это обстоятельство имѣетъ большое вліяніе на обнаруженіе промышленныхъ потрясеній. Кризисы американскихъ банковъ въ 1837—39 годахъ, едвали не обязаны ему своимъ происхожденіемъ.

Застрахованіе въ европейскихъ банкахъ также неимѣетъ строго раціональнаго основанія. Учетный процентъ, составляющій почти исключительно премію застрахованія, соразмѣряется не съ надежностію гарантіи кредита, а съ количествомъ вкладовъ даже безпроцентныхъ, на которые такъ ошибочно разсчитываютъ банки западныхъ государствъ. Во время прилива металлическихъ вкладовъ банкъ понижаетъ учетный процентъ; при недостаткѣ монеты въ кладовыхъ банка—возвышаетъ его такимъ образомъ въ первомъ случаѣ увеличивается возможность промышленнаго потрясенія (стоитъ только припомнить, что вклады могутъ быть потребованы обратно, а билеты банковые могутъ быть представлены къ немедленному обмѣну на монету), во второмъ отнимается помощь въ эпоху кризиса. Другая невыгода состоитъ въ опредѣленіи однообразнаго $\frac{0}{0}$ для учета всѣхъ векселей, и требуется только выполненіе извѣстныхъ условій напр. из-

вѣстное число надписей на векселѣ, и притомъ солидныхъ торговыхъ домовъ. Гораздо лучше было бы соразмѣрить учетный процентъ съ величиною риска. Это ограничило бы безумныя рисковыя спекуляціи, и уменьшило бы преміи, платимыя вѣрителями разсчетливыми и надежными.

Наконецъ банкъ, какъ учрежденіе, преимущественно предназначенное для болѣе свободнаго и успѣшнаго хода промышленности, посредствомъ застрахованія векселей требуетъ соглашенія выгодъ участниковъ въ устройствѣ кредитнаго учрежденія съ выгодами народно-экономическими. Въ этомъ отношеніи банки государственные, или товарищества взаимнаго страхованія векселей имѣютъ неоспоримыя преимущества предъ публичными банками, составленными на акціяхъ. Послѣдніе иногда имѣютъ гораздо болѣе въ виду акціонеровъ, чѣмъ народно—экономическіе интересы. Замѣчательно, что дивидендъ, розданный банкомъ Франціи въ 1847 году, въ эпоху коммерческаго кризиса, составлялъ 177 фр. на акцію или 17,7 процентовъ на ея первоначальную цѣну!

II. *О земледѣльческомъ кредитѣ.*

Въ кредитѣ съ реализаціею полною въ короткій срокъ капиталы только потому приносятъ процентъ, что монета въ настоящее время, имѣетъ большое участіе въ кре-

дитныхъ оборотахъ, и что рискъ, соединенный съ частнымъ кредитомъ, заставляетъ предпочитать посредничество банка, съ какимъ бы характеромъ оно ни существовало.

Поэтому естественно, что сбереженные и свободные капиталы, не находящіе прибыльнаго употребленія въ ежедневныхъ оборотахъ, охотно отдаются на кредитъ въ руки земледѣльцевъ, мануфактуристовъ, купцовъ или правительства, для превращенія въ капиталы постоянные, для образованія новыхъ промышленныхъ силъ химическихъ, механическихъ, умственныхъ и. т. д. Такимъ образомъ капиталы обращающіеся принимаютъ видъ орудныхъ затраченныхъ. Они не находятся уже въ распоряженіи капиталиста, и не могутъ быть реализированы внезапно, а допускаютъ реализацію медленную, постепенную, по мѣрѣ возстановленія обращающагося капитала производительною дѣятельностію должника. Капиталистъ, нерасполагающій болѣе своимъ капиталомъ требуетъ плату за пользованіе имъ, или опредѣленный $\frac{0}{0}$.

Приступая къ изложенію формъ кредита гипотекарнаго, мы ограничимся главною, именно представляющеюся намъ въ видѣ кредита земледѣльческаго—(credit territorial, crédit foncier).

Землевладѣлецъ, который нуждается въ средствахъ для постройки разныхъ хозяйственныхъ заведеній, для удобренія почвы, и пр. старается занять капиталъ на

долгій срокъ, разсчитывая на медленную выручку, при постепенномъ возрастаніи доходовъ, благодаря сдѣланнымъ улучшеніямъ. Сдѣлка, которая возникаетъ изъ такой потребности, и представляетъ самую грубую не развитую форму кредита земледѣльческаго — состоитъ въ займѣ, сдѣланномъ земледѣльцемъ у капиталиста, подъ залогъ недвижимаго имѣнія на нѣсколько лѣтъ, съ обязательствомъ ежегоднаго платежа извѣстныхъ процентовъ, а по истеченіи срока займа—уплаты самаго капитала.

При такомъ устройствѣ земледѣльческаго кредита, когда онъ имѣетъ характеръ частныхъ сдѣлокъ между отдѣльными, изолированными лицами, когда между землевладѣльцами и капиталистами нѣтъ посредника, который облегчалъ бы кредитныя операціи, землевладѣлецъ невсегда можетъ найти капиталъ свободный, ищущій производительнаго назначенія, капиталистъ не всегда можетъ найти выгодное помѣщеніе для своего капитала.

Гарантія, состоящая въ недвижимомъ имуществѣ, неисключаетъ довольно значительнаго риска, а слѣдовательно и премія застрахованія должна быть велика. Быть можетъ имѣніе уже заложено, а капиталистъ разсматриваетъ его какъ свободное, какъ обезпеченіе капитала, передаваемаго имъ на кредитъ. Конечно это можетъ случиться только въ томъ случаѣ, когда законы гражданскіе недаютъ полной гласности состоянію закладываемыхъ имѣній. Но рискъ будетъ великъ и тогда,

когда послѣднее обстоятельство, несмотря на всѣ препятствія, будетъ устранено (неотнимая впрочемъ у земледѣльца возможности дѣлать займы въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ его мѣста жительства): потому что вѣритель неимѣетъ надежнаго ручательства въ томъ, что уплата послѣдуетъ въ извѣстный опредѣленный срокъ, и что должникъ свято выполнитъ принятое на себя обязательство. Если должникъ окажется неисправнымъ: то всѣ разсчеты вѣрителя, основанные на точномъ исполненіи договора, должны рушиться, и ему предстоитъ тяжба, которая требуетъ новыхъ пожертвованій и обѣщаетъ только отдаленную, быть можетъ неполную уплату. Требованія, выражая суммы большія и неровныя, которыя не могутъ быть дробимы по частямъ, составляютъ орудіе неудобное для обращенія имуществъ. Передача закладныхъ изъ рукъ въ руки, необходимая какъ для обмѣна капитала затраченнаго на капиталъ свободный, такъ и для другихъ оборотовъ,—затрудняется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда третье лицо, желающее пріобрѣсть требованіе, не можетъ удостовѣриться въ состоятельности должника–земледѣльца.

При такомъ устройствѣ кредита и землевладѣлецъ, воспользовавшійся занятымъ капиталомъ, также терпитъ важныя невыгоды. Онъ стѣсненъ и въ распоряженіи своею собственностію, и самою формою уплаты. Если землевладѣлецъ пожелаетъ продать заложенное имѣніе;

то очень легко можетъ случиться, что вѣритель не захочетъ перевести долгъ на покупщика, честность и аккуратность котораго ему неизвѣстны. Это обстоятельство ограничиваетъ число покупщиковъ только тѣми, которые въ состояніи уплатить цѣнность имѣнія и долги на немъ лежащіе — слѣдовательно одними богатыми капиталистами, располагающими значительною наличностію, или лицами, которымъ легко воспользоваться кредитомъ.

Наконецъ реализація внезапная, по истеченіи отдаленнаго срока, требуетъ со стороны землевладѣльца храненія мертваго непроизводительнаго капитала въ теченіи долгаго времени. Конечно онъ можетъ употреблять понемногу накопляемый капиталъ въ предпріятіяхъ такого рода, изъ которыхъ выручка незатруднительна; но это можетъ заставить земледѣльца обратиться къ спекуляціямъ, несвойственнымъ его занятіямъ, или для которыхъ ему недостаетъ времени.

Всѣ эти недостатки частнаго земледѣльческаго кредита вызываютъ ранѣе или позже потребность въ устройствѣ особыхъ кредитныхъ учрежденій, которыя принимаютъ на себя роль посредниковъ — какъ при передачѣ капиталовъ, отдаваемыхъ на кредитъ, такъ и при реализаціи кредита, опредѣляя самый порядокъ возврата капитала и платежа процентовъ. Но кромѣ этого земледѣльческій банкъ оказываетъ слѣдующія услуги: онъ даетъ требованіямъ, возникшимъ изъ кредита, надежную

гарантію, однообразную форму, облегчающую ихъ обращеніе; онъ способствуетъ переходу имѣній, обремененныхъ долгомъ изъ однихъ рукъ въ другія; наконецъ онъ принимаетъ роль страховщика цѣнности, переданной кредитомъ, и уменьшаетъ премію застрахованія.

Земледѣльческій банкъ имѣетъ иногда значеніе центральнаго учрежденія, куда поступаютъ всѣ свободные капиталы, которые ищутъ производительнаго затраченія въ земледѣліи, и откуда земледѣльцы могутъ получить на кредитъ капиталъ, въ извѣстной степени соотвѣтствующій цѣнности недвижимой собственности. Вкладчики, отдавая свои капиталы въ банкъ, получаютъ билеты на сумму вклада или облигаціи, имѣющія установленную цѣнность, напр. 100, 200, 300 руб. сер. и пр. Эти облигаціи и билеты замѣняютъ частныя кредитныя требованія, обезпеченныя закладомъ извѣстнаго недвижимаго имущества; они приносятъ вѣрителямъ опредѣленный процентъ и реализируются въ установленномъ порядкѣ; или же, будучи безсрочными, обмѣниваются въ случаѣ нужды на свободный капиталъ, который ищетъ помѣщенія. Замѣтимъ наконецъ, что банкъ можетъ непринимать вкладовъ, и что переходъ капиталовъ къ землевладѣльцамъ можетъ совершаться прямо изъ рукъ капиталистовъ. Банкъ, по предъявленному требованію на ссуду отъ землевладѣльца, можетъ—или выпустить опредѣленное количество облигацій, приносящихъ непре-

рывный процентъ, и вырученныя за нихъ суммы отдать въ ссуду; или же отдать прямо опредѣленное количество облигацій поземельному владѣльцу, сообразно съ цѣнностію его имущества, предоставляя ему самому обмѣнять ихъ на деньги, или произвесть ими уплату по сдѣланнымъ закупкамъ произведеній. Такимъ образомъ должниками вкладчиковъ, или вѣрителей, являются не отдѣльныя лица,—а лицо собирательное: всѣ земледѣльцы, взятые въ совокупности, и представляемые банкомъ.

Капиталы, поступившіе въ банкъ, раздаются въ ссуду землевладѣльцамъ подъ закладъ недвижимыхъ имѣній. Величина ссудъ соразмѣряется съ цѣнностію имущества, которая опредѣляется—или на основаніи кадастра имѣній, или на основаніи извѣстныхъ внѣшнихъ признаковъ, или же каждый разъ посредствомъ цѣновщиковъ, назначаемыхъ отъ банка. Впрочемъ ссуда обыкновенно равняется только $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{3}$ цѣнности имущества, и это дѣлается для того, чтобы гарантія была надежнѣе.

Землевладѣлецъ, получившій ссуду, обязывается уплачивать за пользованіе капиталомъ опредѣленный процентъ, въ которомъ заключается и премія застрахованія. Вмѣстѣ съ этимъ уплачивается также извѣстная доля капитала для погашенія долга, выраженная тоже процентами. Процентъ, платимый банку за пользованіе капиталомъ, обыкновенно бываетъ выше того, который

дается отъ банка вкладчикамъ, и эта разность, составляющая доходъ кредитнаго учрежденія, заключаетъ въ себѣ: премію для застрахованія капиталовъ, переданныхъ на кредитъ; средства для покрытія издержекъ по содержанію и устройству банка; а иногда сверхъ всего особый налогъ, если часть банковыхъ доходовъ поступаетъ въ казну.

Долгъ, какъ мы замѣтили, погашается посредствомъ ежегодной уплаты извѣстной доли капитала, выраженной обыкновенно въ сотыхъ доляхъ, или процентами. Такъ долгъ погашается въ 28 лѣтъ ежегодной уплатой $2\frac{0}{0}$ капитала (Царство Польское); однимъ процентомъ въ 41 годъ (Познань); $\frac{1}{2}\frac{0}{0}$ погашаютъ долгъ въ 56 лѣтъ *). Эта операція уплаты долга называется погашеніемъ посредствомъ сложныхъ процентовъ. Для того, чтобы понять ея сущность недолжно забывать, что во все время существованія долга, до окончанія реализаціи, проценты уплачиваются съ полной долговой суммы, не смотря на то, что послѣдняя постепенно уменьшается посредствомъ погашенія.

Такъ напр. занято 10,000 руб. по $5\frac{0}{0}$; $2\frac{0}{0}$ назначаются кромѣ того на погашеніе долга. Заемщикъ платитъ до окончанія реализаціи ежегодно по 700 руб., т. е. 500 руб., $\frac{0}{0}$ и 200 руб., капитала. Понятно,

---

*) Wolowsky. De l'organisation du crédit foncier.—Paris. 1848.

что во второй годъ остается уже не 10,000 р. долга, а 9,800, и хотя говорится, что на погашеніе употребляется только $2\frac{0}{0}$ ежегодно; но во второй годъ употреблено будетъ гораздо болѣе: потому что съ остающагося долга будетъ слѣдовать процентовъ не 500 р., а 490 р., слѣдовательно на погашеніе будетъ употреблено не 200 р., а 210; не $2\frac{0}{0}$, а $2\frac{1}{10}$ %.

Итакъ, если говорится, что долгъ погашается въ 28-лѣтъ 56-процентами, назначая по $2\frac{0}{0}$ на погашеніе; то это не болѣе какъ игра словъ: долгъ погашается уплатою полнаго долга. При назначеніи ежегодно опредѣленной суммы, напр. 70 р. для платежа $\frac{0}{0}$ и для погашенія долга въ 10,000 руб., постепенно уплачивается большее и большее количество долга; потому что вмѣстѣ съ уплатою капитала, уменьшается и сумма слѣдующихъ процентовъ.

Суммы, поступающія въ банкъ какъ реализація кредита, могутъ быть употреблены—или для выкупа банковыхъ билетовъ и облигацій, или для новыхъ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній. Порядокъ уплаты по существующимъ требованіямъ—билетамъ на вклады и облигаціямъ банка, по которымъ не обѣщается срочнаго платежа, можетъ быть установленъ различнымъ образомъ. Можно предоставить владѣльцамъ банковыхъ билетовъ, или облигацій земледѣльческаго банка право требовать уплаты по предъявленію въ извѣстный срокъ, назначен-

ный обыкновенно для того, чтобы банкъ имѣлъ время собрать достаточный капиталъ. Это послѣднее ограниченіе необходимо; иначе, если бы значительное количество вкладовъ потребовалось обратно: то банкъ, неимѣлъ бы возможности уплатить ихъ; потому что реализація занятаго капитала совершается медленно, по мѣрѣ того какъ образуется капиталъ свободный въ рукахъ должниковъ. Другой методъ реализаціи относится собственно къ облигаціямъ. Капиталы, поступившіе въ видѣ уплаты въ кредитныя учрежденія предназначаются для извлеченія изъ обращенія облигацій, которыя выкупаются по жребію.

Мы старались изложить какъ можно точнѣе существующій механизмъ земледѣльческаго кредита, устроеннаго при помощи банковъ. Разсмотримъ какія выгоды достаются подъ вліяніемъ такого устройства.

При господствѣ частнаго кредита, когда заемъ капитала подъ залогъ недвижимаго имущества былъ дѣломъ частнымъ, сдѣлкою двухъ изолированныхъ лицъ: тогда легко могло случиться, что нѣкоторые капиталы нена-ходили прибыльнаго помѣщенія въ земледѣліи,—землевладѣлецъ, мало извѣстный капиталистамъ, невсегда могъ сдѣлать заемъ. Посредничество банка уничтожило эти препятствія. Банкъ, открывая свои кладовыя капиталамъ ищущимъ производительнаго назначенія, гораздо скорѣе удовлетворяетъ требованіямъ землевладѣльцевъ, образо-

вавъ средоточіе, куда стекаются всѣ капиталы, составляющіе предложеніе, и удовлетворяющіе запросу поземельныхъ владѣльцевъ. И въ томъ случаѣ, когда банкъ не принимаетъ вкладовъ, но принимаетъ на себя одну негоціацію облигацій, и тогда онъ открываетъ обширный рынокъ, на которомъ переходъ капиталовъ на кредитъ гораздо легче и свободнѣе.

Далѣе, при изолированномъ состояніи землевладѣльцевъ и капиталистовъ, проценты (плата за пользованіе капиталомъ) были далеко неодинаковы, иногда тягостны для землевладѣльца, иногда невыгодны для капиталиста. При помощи банка—этого рынка для капиталовъ, установляется соперничествомъ между всѣми капиталистами, обнаруживающими предложеніе, и всѣми земледѣльцами, предъявляющими запросъ на капиталы,-однообразный процентъ, подобный рыночной цѣнѣ произведеній. Это установленіе однообразнаго процента равно выгодно и для вѣрителей, и для должниковъ.

Несмотря на то, что въ земледѣльческомъ кредитѣ гарантія, по большей части бываетъ надежна; однакоже премія застрахованія необходима, для вознагражденія потерь случайныхъ, для покрытія убытковъ въ случаѣ несвоевременной уплаты. Банкъ земледѣльческій дѣйствуетъ различнымъ образомъ на уменьшеніе преміи застрахованія, усиливая надежность гарантіи. Онъ имѣетъ болѣе средствъ, нежели частное лицо соразмѣрить ссуды

съ цѣнностію закладываемыхъ имѣній, особенно въ томъ случаѣ, когда кредитъ земледѣльческій тѣсно связанъ съ финансовою системою государства. Оцѣнка имѣній можетъ быть основана на кадастрѣ. Далѣе банкъ усиливаетъ гарантію тѣмъ, что при посредствѣ его образуется родъ круговой поруки между всѣми должниками. Это бываетъ наиболѣе очевиднымъ, когда банкъ земледѣльческій основанъ обществомъ землевладѣльцевъ, которые закладываютъ свои имѣнія, и принимаютъ на себя обязанность уплачивать долгъ и проценты по облигаціямъ, выпущеннымъ отъ имени банка, т. е. совокупности землевледѣльцевъ заложившихъ имѣнія. Въ случаѣ несостоятельности одного должника, банкъ, располагая фондомъ застрахованія, (постепенно образующимся изъ премій) не перестаетъ платить процентовъ и исполнять всѣхъ обязательствъ относительно вѣрителей, принимая съ своей стороны мѣры для вознагражденія убытковъ, изъ имѣнія, служащаго обезпеченіемъ. Такимъ образомъ, при круговой порукѣ должниковъ, при большемъ числѣ страховщиковъ, наконецъ, при несомнѣнности въ платежѣ процентовъ и реализаціи—премія застрахованія дѣлается ничтожною. По свидѣтельству г. Воловскаго, хорошее устройство земледѣльческаго кредита во Франціи уменьшилобы сумму процентовъ по гипотекарнымъ займамъ 200 милліонами франковъ!—Это сбереженіе былобы, по преимуществу, результатомъ уменьшенія преміи застрахованія.

Этимъ неограничиваются выгоды, доставляемыя земледѣльческими банками. Земледѣльческій банкъ замѣняетъ частное заемное письмо, обезпеченное залогомъ извѣстнаго недвижимаго имущества,—билетомъ банка или облигаціею, обезпеченною имуществомъ всѣхъ должниковъ землевладѣльцевъ, взятыхъ въ совокупности, требованіемъ застрахованнымъ банкомъ, слѣдовательно имѣющимъ цѣнность постоянную и отличающимся иногда безсрочностію. Всѣ эти обстоятельства имѣютъ большое вліяніе на легкій и свободный переходъ требованій изъ рукъ въ руки, т. е. на самый переходъ капиталовъ, на превращеніе свободныхъ въ затраченные и на оборотъ. Вѣрителю, имѣющему дѣло съ должникомъ надежнымъ, состоятельнымъ, легко выручить свой затраченный капиталъ, и дать ему другое производительное назначеніе. Каждый капиталистъ, который обладаетъ непроизводительнымъ свободнымъ капиталомъ, согласится пріобрѣсть требованіе или облигацію земледѣльческаго банка. Въ слѣдствіе этого количество капиталовъ праздныхъ уменьшается: каждый, во время недѣятельности, находитъ для себя производительное назначеніе.

Вмѣстѣ съ этимъ должникъ, или владѣлецъ недвижимаго имѣнія, получаетъ большую свободу въ распоряженіи своею собственностію. Банкъ, имѣя болѣе средствъ для выручки долга, установивъ опредѣленный порядокъ платежей, назначивъ пени, въ случаѣ умыш-

ленной неисправности, и пр., гораздо менѣе, нежели частный вѣритель заботится о моральныхъ качествахъ должника. Поэтому банкъ, скорѣе нежели частный вѣритель, можетъ согласиться на продажу недвижимаго имущества, обремененнаго долгомъ,—обстоятельство довольно важное: потому что отъ свободы обращающихся имуществъ зависитъ и степень ихъ производительности.

Наконецъ, установляя постепенный порядокъ реализаціи, земледѣльческій банкъ приводитъ ее въ равновѣсіе съ медленнымъ возстановленіемъ капитала обращающагося, превращеннаго въ постоянный путемъ производства. Уплачивая ежегодно небольшую часть капитала: $\frac{1}{200}$; $\frac{1}{100}$; или $\frac{1}{50}$ т. е. $\frac{1}{2}\,\%$, $1\,\%$ или $2\,\%$, но не болѣе, должникъ неимѣетъ нужды копить значительной суммы къ сроку платежа, держать ее непроизводительною въ своихъ рукахъ, или искать для нея употребленія, допускающаго внезапную выручку. Самая уплата можетъ быть назначена въ сроки наиболѣе выгодные для землевладѣльца, т. е. тогда, когда онъ получаетъ доходъ. Независимо отъ постепеннаго погашенія, землевладѣльцу предоставляется право уплатить заранѣе свой долгъ вполнѣ или отчасти, для того чтобы сократить срокъ уплаты, или для того, чтобы уменьшить сумму ежегоднаго платежа. Облегчая реализацію кредита для земледѣльца, банкъ можетъ доставить важныя выгоды вѣрителямъ, обѣщая при соблюденіи извѣстныхъ условій,

возвратъ капитала по предъявленію билета или облигаціи. Конечно, право это должно быть ограничено, потому что внезапная реализація всѣхъ затраченныхъ капиталовъ невозможна; однакоже, назначивъ различные сроки для возврата, смотря по величинѣ капиталовъ, цѣль эта можетъ быть достигнута, какъ доказываетъ примѣръ нашего Заемнаго Банка. Какъ бы нибыло ограничено право обратнаго полученія капитала по предъявленіи билета или облигаціи, — оно чрезвычайно важно; потому что имъ никогда нельзя пользоваться при частныхъ займахъ: никто не согласится на условіе, по которому вѣритель можетъ требовать капиталъ обратно во всякое время. Впрочемъ эта особенность несоставляетъ необходимой принадлежности земледѣльческаго кредита, и можетъ имѣть полную силу только во времена постепеннаго прилива капиталовъ. Интересы вѣрителей достигаются вполнѣ, если требованія ихъ могутъ свободно переходить изъ рукъ въ руки, и если банкъ назначаетъ для выкупа облигацій опредѣленный порядокъ, предоставляя однакоже желающимъ право отказаться отъ реализаціи, и получить вмѣсто денегъ новое требованіе.

Разсмотрѣвъ выгоды, доставляемыя земледѣльческими банками и хорошимъ устройствомъ кредита земледѣльческаго, обратимъ вниманіе на нѣкоторыя различія, встрѣчающіяся въ этомъ устройствѣ, и на начала, положенныя въ ихъ основаніе.

Переходъ капиталовъ на кредитъ представляетъ намъ двѣ системы: 1) систему вкладовъ, 2) выпускъ облигацій. Первая принимаетъ за основу операцій предложеніе капиталовъ, вторая запросъ землевладѣльцевъ *). Капиталы, поступающіе въ банкъ въ видѣ вкладовъ, составляютъ предложеніе въ кредитѣ. Вклады могутъ или превышать запросъ, или соотвѣтствовать ему, или быть недостаточными, для удовлетворенія требованіямъ землевладѣльцевъ. Каждое изъ трехъ отношеній зависитъ не только отъ количества капиталовъ; но также и отъ соразмѣрности между предложеніемъ послѣднихъ и процентами, которые платитъ банкъ по вкладамъ. Проценты эти составляютъ что то въ видѣ таксы, назначенной за пользованіе капиталомъ. Если предложеніе и запросъ уравновѣшиваются другъ съ другомъ; то это можно разсматривать какъ признакъ совпаденія процентовъ, назначенныхъ по таксѣ, съ ихъ рыночною величиною — такое положеніе наиболѣе выгодно и для вѣрителей, и для заемщиковъ, и для банка. Если предложеніе превышаетъ запросъ; то, при неизмѣняемости процентовъ, при невозможности ограничить поступленіе вкладовъ, банкъ будетъ терпѣть убытокъ. Для вознагражденія этаго убытка, онъ долженъ назначить немного

---

*) Системы эти имѣютъ относительное достоинство. — Выборъ той или другой зависитъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ.

высшій процентъ за пользованіе капиталомъ,—онъ долженъ сдѣлать это для того, чтобы платить проценты за капиталы праздные, которые остаются непроизводительными въ кладовыхъ банка. Возвышеніе процентовъ возможно: потому что, по частнымъ гипотекарнымъ займамъ, плата за пользованіе въ сложности съ премією застрахованія составляетъ процентъ болѣе значительный, нежели требуемый банкомъ, въ самыя благопріятныя для землевладѣльцевъ времена. Если процентъ платимый банкомъ малъ, и предложеніе капиталовъ такъ слабо, что они неудовлетворяютъ запросу землевладѣльцевъ: то послѣдніе обратятся, по необходимости, къ частнымъ займамъ, невыгоды которыхъ мы уже вычислили. Тогда банкъ долженъ возвысить, платимые имъ проценты для того, чтобы усилить приливъ вкладовъ избѣгая подвижности процентовъ; — частое возвышеніе, или пониженіе ихъ можетъ удерживать вкладчиковъ отъ отдачи капиталовъ въ банкъ. Поэтому система вкладовъ обыкновенно имѣетъ въ виду интересы предложенія, гарантируя капиталу постоянно прибыльное помѣщеніе.

Отдача капиталовъ на кредитъ, посредствомъ выпуска облигацій земледѣльческаго банка, основана на запросѣ. Запросъ можетъ быть сосредоточенъ въ однихъ рукахъ, когда банкъ самъ занимается выпускомъ облигацій; или же облигаціи отдаются землевладѣльцамъ, которые сбываютъ ихъ, находясь въ свободномъ сопер-

ничествѣ съ капиталистами. Въ первомъ случаѣ система кредита будетъ въ интересѣ запроса; во второмъ случаѣ все зависитъ отъ отношеній въ соперничествѣ: выгода будетъ или на сторонѣ землевладѣльцевъ, или на сторонѣ капиталовъ, или же интересы обоихъ сторонъ уравновѣсятся.

Разсмотримъ какимъ образомъ происходитъ на практикѣ преобладаніе интересовъ отдѣльныхъ сторонъ, или уравновѣшеніе ихъ другъ съ другомъ.

Процентъ, платимый банкомъ по облигаціямъ, неизмѣняется безпрерывно, а опредѣляется относительно ихъ нарицательной цѣны, напр. $4\frac{0}{0}$ или 4 рубля съ облигаціи, выданной на 100 рублей. Но рыночная цѣна облигаціи можетъ возрастать и упадать, смотря по большему или меньшему количеству свободныхъ капиталовъ, которые составляютъ предложеніе. Такимъ образомъ измѣняемость $\frac{0}{0}$ немѣшаетъ сбыту облигацій; при недостаткѣ капиталовъ онѣ продаются ниже номинальной цѣны, по которой обѣщается реализація, и на оборотъ. Однакоже это уклоненіе отъ номинальной цѣны не будетъ велико, если процентъ опредѣляется согласно съ рыночною цѣною за пользованіе капиталами, если облигація находитъ обширный рынокъ для продажи, и если реализація подчинена извѣстнымъ условіямъ. Для сбыта облигацій должна сушествовать биржа, куда бы могли свободно притекать всѣ капиталы, ищущіе помѣщенія;

гдѣ бы свободно обнаруживался запросъ землевладѣльцевъ. Для того чтобы продажная цѣна облигаціи какъ можно ближе подходила къ ея нарицательной цѣнѣ, по которой она реализируется, совѣтуютъ ввести опредѣленный порядокъ выкупа облигацій по жребію. Ожиданіе, что облигація можетъ быть извлечена изъ обращенія, по мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ, поддерживаетъ ихъ цѣну. Намъ кажется, что этотъ лотерейный выкупъ не составляетъ необходимости. Если только уплата должна послѣдовать въ опредѣленный срокъ сполна: то нѣтъ причины полагать, что землевладѣлецъ можетъ терпѣть убытокъ при сбытѣ облигацій.

При разсмотрѣніи различныхъ способовъ передачи капиталовъ, необходимо обратить вниманіе на то: въ какомъ случаѣ обращеніе поглощаетъ большую массу непроизводительнаго денежнаго капитала?

При системѣ вкладовъ и ссудъ, кредитные обороты производятся по большей части деньгами. При выпускѣ облигацій, поступающихъ прямо въ руки землевладѣльцевъ, облигаціи нерѣдко обмѣниваются непосредственно на капиталы: слѣдовательно количество монеты, необходимой для обращенія, можетъ быть менѣе.—Правда, облигаціи болѣе способныя къ обращенію, продаваемыя иногда съ уступкою, могутъ произвесть биржевую игру и привлечь большую массу капиталовъ для непроизводительныхъ оборотовъ; между тѣмъ какъ билеты банка,

выданные по вкладамъ, довольно неподвижны. Впрочемъ этого избѣжать не трудно. Облигаціи, имѣющія цѣнность довольно постоянную, въ слѣдствіе хорошаго устройства кредита и надежной гарантіи, едва могутъ подвергнуться большимъ измѣненіямъ въ курсѣ, и сдѣлаться предметомъ спекулятивной продажи. Что же касается большей обращаемости облигацій, то это свойство недолжно быть разсматриваемо какъ недостатокъ; потому что имъ условливается и производительное употребленіе свободныхъ капиталовъ, и превращеніе затраченныхъ въ свободные. Послѣ сказаннаго нами о требованіяхъ выпускаемыхъ банками, нѣчего говорить о различіи между билетами банка на вклады и облигаціями.—И такъ мы займемся только разсмотрѣніемъ вопроса: должны ли быть выпускаемы облигаціи на большія или малыя суммы, для того чтобы облегчить и капитализацію, и пользованіе кредитомъ, и непрерывное производительное употребленіе капитала.

Облигаціи, выпускаемыя на слишкомъ большія суммы, представляютъ важныя невыгоды. Сбытъ ихъ ограничивается закупкою немногихъ капиталистовъ, располагающихъ большими свободными капиталистами. Отъ этого могутъ терпѣть и землевладѣльцы и мелкіе капиталисты: для послѣднихъ затрудняется капитализація, если банкъ не прибѣгнетъ къ системѣ вкладовъ; для первыхъ—пользованіе кредитомъ, въ особенности непосредственнымъ.

Эти соображенія заставляютъ насъ отдать преимущество облигаціямъ на болѣе мелкіе суммы: потому что онѣ увеличиваютъ предложеніе капиталовъ, выгодное для землевладѣльцевъ, усиливаютъ запросъ въ интересѣ капиталистовъ, развиваютъ охоту къ сбереженію, и облегчаютъ пользованіе кредитомъ. Облигаціи и билеты банка выпускаются или на имя извѣстнаго лица, или на имя неизвѣстнаго. Послѣдніе имѣютъ большую подвижность; чтоже касается поддѣлки, то противъ ней могутъ быть приняты успѣшныя мѣры; если устройство кредита земледѣльческаго тѣсно связано съ податною системою въ земледѣльческой промышленности.

Мы указали на преимущества реализаціи постепенной, установляемой банкомъ, предъ полною и внезапною уплатою долга. Но методы реализаціи и выкупа требованій, какъ мы видѣли, бываютъ различны. Для погашенія долга назначается большій или меньшій процентъ; выкупъ требованій состоитъ въ уплатѣ или по предъявленію, или въ установленномъ порядкѣ, или по жребію; наконецъ допускается отсрочка въ реализаціи, посредствомъ новыхъ дополнительныхъ займовъ, такъ что сумма облигацій не уменьшается, и ихъ можно разсматривать какъ долговыя безсрочныя требованія. Назначеніе большаго или меньшаго процента для реализаціи кредита должно быть поставлено въ зависимость отъ быстроты возстановленія обращающагося капитала, переданнаго кредитомъ.

Такъ какъ желаніе освободить имѣніе отъ долговъ составляетъ довольно сильное побужденіе для скорѣйшей реализаціи; то можно предоставить землевладѣльцу право назначить срокъ уплаты. Право это должно быть однакоже ограничено: потому что цѣнность переданнаго капитала, въ теченіи продолжительнаго времени, можетъ измѣниться.

Что касается реализаціи и выкупа требованій; то мы уже замѣтили, что платежъ по предъявленію, очень выгодный для капиталистовъ, возможенъ только съ извѣстными ограниченіями; извлеченіе облигацій по жребію представляетъ также важные недостатки, и сколько первый способъ (если онъ только возможенъ), выгоденъ для капиталистовъ; столькоже второй представляетъ для нихъ невыгодъ: потому что владѣлецъ облигацій рискуетъ получить обратно намѣренно-затраченный капиталъ.

Поэтому, едвали нелучше опредѣлить для извлеченія облигацій изъ обращенія срокъ соразмѣрный съ продолжительностію займовъ, предоставляя владѣльцамъ облигацій право обмѣнивать подлежащія погашенію на новыя.

Съ другой стороны необходимо допустить обновленіе займовъ. Каждому землевладѣльцу можетъ быть открытъ въ банкѣ кредитъ на извѣстную сумму, которою онъ можетъ воспользоваться вполнѣ или отчасти. Землевладѣльцу, погасившему часть долга, должно быть пред-

ставлено право на полученіе извѣстнаго количества облигацій, пропорціонально уплаченной суммѣ. Если при сбытѣ облигацій онъ будетъ терпѣть убытокъ; то это совершенно справедливо: потому что капиталы стоятъ дороже, и отсрочка въ уплатѣ была бы невыгодна для капиталиста владѣльца требованія.

Наконецъ, хотя устройство кредитныхъ учрежденій несоставляетъ предмета нашихъ изслѣдованій; но мы не можемъ незамѣтить, что соединеніе управленія земледѣльческаго банка съ управленіемъ, завѣдывающимъ податями съ земледѣлія, ихъ вычисленіемъ, поступленіемъ, и пр. представляетъ очень важныя выгоды. Земледѣльческій кадастръ можетъ служить основою для опредѣленія величины кредита, открываемаго частнымъ землевладѣльцамъ. Взыманіе податей можетъ быть соединено съ уплатою процентовъ за пользованіе капиталомъ, и для погашенія долга. Вредныя послѣдствія избытка капиталовъ, служащихъ для погашенія, избытка или недостатка вкладовъ — устраняются связію банка съ другими финансовыми учрежденіями, напр. съ погасительною кассою государственныхъ долговъ, и пр. Лучшимъ доказательствомъ выгодъ, доставляемыхъ такою связью, служатъ кредитныя учрежденія нашего отечества, въ которыхъ этимъ путемъ избѣгаются невыгоды, вытекающія изъ самаго существа той или другой формы кредита.

III. *О государственномъ кредитѣ.*

Въ настоящее время, въ устроенномъ финансовомъ хозяйствѣ, преобладаютъ только двѣ формы займовъ государственныхъ: долгъ текучій (dette flottante) — срочный, и долгъ отвердѣлый (dette consolidée) — безсрочный. Первый заключается посредствомъ выпуска билетовъ государственнаго казначейства на опредѣленный короткій срокъ; второй посредствомъ выпуска облигацій, приносящихъ непрерывный доходъ (rente perpetuelle), на неопредѣленное время. Всѣ прочія формы государственныхъ долговъ неболѣе какъ исключенія, лишенныя хозяйственнаго значенія.

Долгъ текучій мы отнесли къ кредиту съ реализаціею въ короткій срокъ; заемъ предназначается въ такомъ случаѣ для возстановленія временно нарушеннаго равновѣсія между доходами и расходами, или для покрытія непредвидѣннаго дефицита. Билеты государственнаго казначейства, или облигаціи по текучимъ долгамъ, извлекаются изъ обращенія въ скоромъ времени, по мѣрѣ поступленія доходовъ, или же превращаются въ облигаціи, приносящія непрерывный процентъ, если дефицитъ постоянно увеличивается.

Капиталы, поставляемые въ распоряженіе правительства текучимъ долгомъ, немогутъ быть разсматри-

ваемы, какъ затраченные на долго, или обращенные въ капиталы постоянные. Послѣднее назначеніе они получаютъ въ государственныхъ безсрочныхъ займахъ, или въ срочныхъ на долгое время. Займы, заключенные на продолжительный срокъ, по большей части оставлены: потому что въ государственномъ кредитѣ обязательная реализація соединена съ важными потерями для народнаго хозяйства. Итакъ, въ настоящемъ случаѣ, мы будемъ говорить объ однихъ безсрочныхъ займахъ.

Разсматривая эту форму кредита государственнаго, изложимъ прежде всего условія, отъ которыхъ зависитъ довѣріе, а потомъ механизмъ кредитныхъ операцій, именно: 1) методъ перехода капиталовъ, отдаваемыхъ на кредитъ, изъ рукъ капиталистовъ — вѣрителей въ руки должника — государства; 2) отношеніе между заняттымъ капиталомъ и платимыми процентами; 3) формы требованій, возникшихъ изъ кредита и ихъ обращаемость; 4) методы реализаціи кредита. Механизмъ государственнаго кредита мы не можемъ разсматривать отвлеченно, отдѣльно отъ тѣхъ началъ или точнѣе разсчетовъ, на которыхъ онъ устроенъ, безъ объясненія ихъ смысла: потому что въ противномъ случаѣ этотъ миханизмъ могъ бы показаться намъ не понятнымъ.

Довѣріе, которое полагается въ основаніе государственнаго кредита, его условія какъ нравственныя, такъ и экономическія представляютъ замѣчательныя осо-

бенности, которыя не могутъ быть оставлены безъ вниманія. Для того чтобы отнять сущность довѣрія въ государственномъ кредитѣ, необходимо бросить взглядъ на порядокъ образованія кредныхъ отношеній, и объяснить въ чемъ состоитъ участіе правительства въ этомъ дѣлѣ.

Въ государственныхъ займахъ правительство является посредникомъ между капиталистами вѣрителями и тѣми лицами, на которыхъ возлагается реализація кредита и платежъ процентовъ. Эти послѣднія состоятъ изъ плательщиковъ податей, а слѣдовательно изъ всей совокупности подданныхъ, неисключая отечественныхъ вѣрителей. Такимъ образомъ въ государственномъ кредитѣ образуются извѣстныя отношенія: во первыхъ между капиталистами, добровольно отдавшими капиталы, и плательщиками податей; во вторыхъ между правительствомъ и вѣрителями съ одной стороны, правительствомъ и должниками съ другой. Такъ какъ капиталы, отданные на кредитъ, получаютъ назначеніе по распоряженію правительства, которое установляется самый методъ реализаціи и выполняетъ ее: то понятно почему посредничество правительства въ государственномъ кредитѣ имѣетъ рѣшительное вліяніе на характеръ хозяйственныхъ отношеній, возникающихъ изъ государственнаго кредита и на довѣріе, отъ котораго онъ зависитъ.

Условія довѣрія, какъ нравственныя такъ и эконо-

мическія, заключаются и въ дѣятельности подданныхъ, и въ дѣятельности правительства. Чѣмъ полнѣе сознаетъ народъ обязанность платить подати, необходимыя для достиженія высшихъ государственныхъ интересовъ — самостоятельности, безопасности, благосостоянія, просвѣщенія, правды, и проч.; чѣмъ совѣстливѣе выполняется эта обязанность плательщиками податей; чѣмъ достаточнѣе подданные; чѣмъ болѣе они могутъ платить, не уменьшая производства; чѣмъ они дѣятельнѣе и промышленнѣе: тѣмъ легче пользованіе государственнымъ кредитомъ. Съ другой стороны, чѣмъ долговѣчнѣе порядокъ жизни общественной; чѣмъ добросовѣстнѣе правительство въ выполненіи принятыхъ обязательствъ; чѣмъ лучше установленъ порядокъ реализаціи, платежа процентовъ; чѣмъ болѣе государственные займы содѣйствуютъ достиженію высшихъ общественныхъ интересовъ; въ особенности чѣмъ болѣе они содѣйствуютъ распространенію общественнаго благосостоянія, консолидированію занятыхъ капиталовъ въ большихъ общеполезныхъ предпріятіяхъ, доступныхъ общественному пользованію: тѣмъ прочнѣе довѣріе, на которомъ основанъ государственный кредитъ. Какъ тѣ, такъ и другія условія, содѣйствуя обширному и прибыльному производству, увеличиваютъ количество капиталовъ свободныхъ, которые охотно помѣщаются въ облигаціяхъ государственныхъ займовъ, облегчаютъ пере-

ходъ облигацій изъ рукъ въ руки, поддерживаютъ ихъ цѣнность, и въ тоже время низкій процентъ, уменьшающій тягость займа и облачающій его погашеніе, при непрерывномъ возрастаніи народнаго богатства и податей.

Заемъ можетъ быть заключенъ государствомъ двояким образомъ: или посредствомъ приглашенія всѣхъ капиталистовъ къ участію въ займѣ, или чрезъ посредство банкирскихъ домовъ. Въ первомъ случаѣ правительство объявляетъ условія займа, цѣну, по которой оно будетъ выпускать облигаціи, проценты, назначаемые съ номинальной суммы облигаціи, и условія реализаціи. Каждый капиталистъ, желающій имѣть участіе въ займѣ, подписывается на опредѣленную сумму (т. е. обязывается поставить извѣстный капиталъ, на условіяхъ, объявленныхъ правительствомъ); если же общее количество подписанныхъ, т. е. предложенныхъ капиталовъ превышаетъ объявленный заемъ: то правительство дѣлаетъ обыкновенно сбавку въ надписанныхъ суммахъ, а на остальное выдаются подписчикамъ облигаціи государственныхъ займовъ, приносящія непрерывный доходъ. Во второмъ случаѣ одинъ или нѣсколько банкировъ заключаютъ договоръ съ правительствомъ, и обязываются поставить опредѣленное количество капиталовъ, принимая облигаціи государственныхъ займовъ, приносящія назначенный правительствомъ процентъ, и платя за нихъ условленную цѣну. Банкиры принимаютъ на себя роль

посредниковъ между мелкими капиталистами и правительствомъ, продавая полученныя отъ него облигаціи на биржѣ. При этой операціи они разсчитываютъ продать облигаціи дороже (противъ цѣны за которую они ихъ получили) однимъ или нѣсколькими процентами, и такимъ образомъ выручаютъ иногда, кромѣ платы за комисію, прибыль, зависящую отъ силы предложенія капиталовъ. Выгоды, доставляемыя правительству тѣмъ или другимъ способомъ заключенія займа, зависятъ отъ обстоятельствъ.

Мы замѣтили, что правительство, при заключеніи займа, условливается на счетъ отношенія между долговою суммою и количествомъ платимыхъ процентовъ. Процентъ обыкновенно назначается съ номинальной (нарицательной) цѣны облигаціи, со 100; но облигація продается по большей части выше, или ниже съ нарицательной цѣны; такъ что дѣйствительный процентъ, съ отданнаго въ заемъ капитала, не всегда бываетъ равенъ, означенному въ облигаціи. Отношеніе процентовъ къ капитальной суммѣ бываетъ троякое: или правительство обѣщаетъ извѣстный процентъ съ тѣмъ, чтобы полная домовая сумма, надписанная въ облигаціи, была внесена въ казну; напр. оно выдаетъ облигаціи на 100 руб. получаетъ 100, и обязывается непрерывно платить по 4 руб. въ годъ, или по 4%. Или же оно выдаетъ облигацію на бо̀льшую сумму, и получаетъ мень-

шую, но за то платитъ меньшій процентъ; напр. оно даетъ облигацію на 100 р., т. е. признаетъ себя должникомъ 100 руб., получая не 100, а 75 руб. и платитъ $3\frac{0}{0}$. Въ сущности оно платитъ и въ настоящемъ случаѣ $4\frac{0}{0}$, но если оно получитъ за 100 не 75, а 80, обѣщая $3\frac{0}{0}$; то процентъ дѣйствительно будетъ не много менѣе $4\frac{0}{0}$. Или же наконецъ правительство можетъ получить большую сумму противъ той, на которую выдана облигація, платя нѣсколько высшій процентъ.

Очевидно, что при неизмѣняемости процентовъ, реальная цѣна облигацій измѣняется, смотря по количеству свободныхъ капиталовъ, ищущихъ помѣщенія въ государственныхъ займахъ. При изобиліи капиталовъ и всеобщемъ пониженіи процентовъ, цѣна облигацій возвышается; потому что доходъ ими приносимый, остается неизмѣннымъ; такъ, если ходячіе проценты упадутъ съ $4\frac{0}{0}$ на $3\frac{0}{0}$; то цѣна трехъ-процентной облигаціи, выпущенной по 75 р. за 100, можетъ возвыситься до полной номинальной суммы, т. е. до 100.

Надписывая облигаціи на большую или меньшую сумму, противъ дѣйствительно полученной, правительство обѣщаетъ выкупать облигаціи не по нарицательной цѣнѣ; но по рыночной, по курсу установляещемуся на биржѣ, впрочемъ не выше нарицательной.

Выпускъ облигацій съ надписаніемъ на большую сумму, противъ дѣйствительно поступившей въ казну,

составляетъ въ настоящее время главную преобладающую форму въ государственныхъ займахъ. Причина этому заключается въ слѣдующемъ: а) надписывая большую номинальную сумму, оно можетъ здѣлать сбереженіе въ процентахъ; b) если же цѣна облигацій возвысится, то правительство имѣетъ надежду понизить платимые проценты. На этомъ основывается весь финансовый разсчетъ экономистовъ теоретиковъ. Сбереженіе въ процентахъ считалось особенно выгоднымъ, какъ средство для погашенія самаго долга, если обратить его въ фондъ, служащій для непрерывнаго выкупа облигацій: такъ, если за 4%, или за 4 руб. ежегоднаго платежа процентовъ можно получить 100 руб., а за 3% или 3 руб. 76 или 77 рублей, признавая себя въ томъ и другомъ случаѣ должникомъ 100 руб.; то послѣдній заемъ считался обыкновенно болѣе выгоднымъ: потому что процентъ нѣсколько менѣе. Въ подобной сдѣлкѣ вѣритель имѣетъ въ виду то, что возвышеніе курса облигацій, напр. отъ 76 до 80 вознаградить ему уступку въ процентахъ увеличеніемъ капитальной суммы; должникъ же разсчитываетъ на пониженіе процентовъ по государственнымъ долгамъ—(conversion de la rente).

Возвышеніе рыночной цѣны облигаціи обыкновенно бываетъ признакомъ цвѣтущаго состоянія государственнаго кредита, когда правительство можетъ разсчитывать на новый, болѣе выгодный заемъ для погашенія предъ-

идущаго. Такимъ образомъ, накопивъ достаточный капиталъ, оно можетъ предложить вѣрителямъ: или уплату облигацій по биржевой цѣнѣ, не выше надписанной суммы, т. е. нарицательной суммы цѣны; или обмѣнъ на новыя облигаціи, соотвѣтственно ихъ рыночной цѣнѣ, но приносящія меньшій процентъ. Капиталисты обыкновенно соглашаются на послѣднее, если не имѣютъ возможности тотчасъ употребить въ дѣло освобождающіеся капиталы.

Очевидно, что выгода можетъ быть или на сторонѣ вѣрителя, или на сторонѣ должника. Вѣритель останется въ выигрышѣ въ томъ случаѣ, если облигаціи быстро возвысятся въ цѣнѣ, и если правительству не-удастся пониженіе процентовъ, платимыхъ по облигаціямъ. Для того чтобы обезпечить себя противъ этой потери, вѣрители иногда выговарываютъ въ числѣ условій займа неуплатимость его въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ.

Напротивъ того должникъ останется въ выигрышѣ, при медленномъ возвышеніи курса облигацій, или если пониженіе процентовъ, сдѣлавшееся необходимымъ, было успѣшнымъ. Но за то, если эта операція неудалась, потому что вѣрители потребовали уплаты, и если правительство было вынуждено оставить облигаціи съ прежнимъ процентомъ: то должники потерпятъ убытокъ, потому что правительство заготовляло совершенно напрасно

значительный капиталъ, для удовлетворенія вѣрителей, которые несогласились на пониженіе.

Все даетъ намъ право полагать, что выгоды, доставляемыя надписаніемъ большей суммы и платежемъ меньшихъ процентовъ, не всегда существуютъ на самомъ дѣлѣ. Мы будемъ имѣть случай убѣдиться въ этомъ, говоря о погашеніи, или о реализаціи; въ настоящемъ случаѣ ограничимся нѣсколькими выводами, слѣдующими изъ предъидущаго. Сбереженіе, сдѣланное на процентахъ съ тою цѣлію, чтобы уплачивать долгъ, существуетъ скорѣе въ соображеніи экономистовъ, чѣмъ въ самой дѣйствительности. Трудно предположить, чтобы капиталистъ, ради обѣщанія уплаты большей долговой суммы въ неопредѣленный срокъ, согласился на уступку въ процентахъ. Онъ сдѣлаетъ ее если разсчитываетъ на возвышеніе курса облигаціи, а это можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда процентъ, платимый по облигаціямъ, довольно высокъ. Возвышеніе курса уничтожаетъ эту мнимую кратковременную выгоду, обременяя государство быстро возрастающимъ долгомъ. Самое назначеніе сбереженія для погашенія долга—призракъ, созданный теоріею накопленія сложныхъ ироцентовъ.

По формѣ, требованія, возникающія въ государственныхъ безсрочныхъ займахъ, очень мало отличаются отъ облигацій земледѣльческаго банка. Требованія мо-

гутъ состоять: или въ облигаціяхъ бланковыхъ, безъ имени вѣрителя, или съ означеніемъ какъ перваго пріобрѣтателя облигаціи, такъ и послѣдующихъ. Въ первомъ случаѣ передача облигацій изъ рукъ въ руки совершается безъ всякихъ формальностей; во второмъ переходъ этотъ отмѣчается обыкновенно въ государственной долговой книгѣ. Безъ сомнѣнія бланковыя облигаціи обладаютъ высшею степенью обращаемости.

Передача облигацій изъ рукъ въ руки можетъ имѣть различный характеръ: 1) дѣйствительной продажи; 2) займа капитала подъ залогъ облигаціи; 3) пари. Строгое отличіе передачи облигацій съ тою или другою цѣлію представляетъ на практикѣ важныя затрудненія: потому что подъ видомъ одного договора можетъ скрываться совершенно другая сдѣлка.

Дѣйствительная продажа можетъ состоять: или въ покупкѣ облигацій на наличныя деньги, или въ продажѣ съ обязанностію уплатить долгъ — или цѣну облигаціи въ извѣстный опредѣленный срокъ. Безпрерывныя колебанія въ продажной цѣнѣ облигацій родили необходимость въ особенномъ договорѣ, прекращающемъ первоначальное условіе продажи. Какъ покупщикъ, такъ и продавецъ могутъ отказаться отъ исполненія договора, подъ условіемъ платежа опредѣленной преміи: первый — если облигація упадаетъ, второй — если она возвысится въ цѣнѣ.

Займы подъ залогъ облигацій называются (договоромъ съ возвратомъ), продажею съ возвратомъ—marchés à report. Владѣлецъ облигаціи уступаетъ ее на извѣстный срокъ другому лицу, отъ котораго получаетъ капиталъ, платя за него опредѣленное вознагражденіе. По истеченіи срока договора, капиталистъ вѣритель возвращаетъ облигацію ея прежнему владѣльцу, который отдаетъ обратно занятой капиталъ. Этотъ договоръ доставляетъ капиталисту возможность затратить капиталъ на короткое время и получить доходъ, а владѣльцу облигаціи получить на время капиталъ, необходимый для его промышленной дѣятельности.

Кромѣ этихъ двухъ договоровъ, которые имѣютъ свое основаніе въ двоякомъ пользованіи капиталами, встрѣчаются еще другія сдѣлки безъ хозяйственнаго значенія, и составляющія родъ азартной игры. Положимъ, что курсъ трехъ-процентныхъ облигацій равенъ 56 франкамъ; A разсчитываетъ на повышеніе курса, B на пониженіе. Они держатъ другъ съ другомъ закладъ или пари, именно: A обѣщается заплатить за облигаціи, которыя B обязывается поставить къ извѣстному сроку, по 56 франковъ. Ни тотъ, ни другой не заключаютъ дѣйствительнаго договора продажи или временнаго займа—они могутъ даже не имѣть въ наличности облигацій; но даютъ сдѣлкѣ только видъ дѣйствительнаго договора, особенно если законъ запрещаетъ бир-

жевую игру. Впрочемъ пари ограничивается иногда однимъ словеснымъ условіемъ, которое остается внѣ вліянія закона. Въ слѣдствіе этого условія В не поставляетъ лицу А облигацій по 56 фр., а платитъ ему только разность между 56 и возвысившимся курсомъ съ извѣстнаго числа облигацій.

Подобнаго рода сдѣлки вызываютъ съ одной стороны стремленіе спекуляторовъ возвысить курсъ облигацій, съ другой понизить его; одни стараются усилить довѣріе, на которомъ основанъ кредитъ, распуская слухи, дѣйствующіе на возвышеніе курса; другіе стараются ослабить довѣріе подобнымъ же образомъ, истолковывая извѣстныя событія въ своемъ интересѣ. Спекуляторы употребляютъ въ дѣло и капиталы, для того, чтобы произвесть искуственный запросъ на фонды, или искуственное предложеніе, превышающее существующую потребность въ затраченіи капиталовъ или въ освобожденіи ихъ. Биржевая игра возникаетъ изъ колебанія въ курсѣ облигацій, которое въ свою очередь зависитъ отъ самаго устройства кредита государственнаго, и отъ тѣхъ началъ, на которыхъ онъ основанъ, въ особенности же отъ тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между вѣрителями и государствомъ. Не смотря на однообразное устройство кредита государственнаго въ большей части европейскихъ государствъ,—облигаціи государственнаго безсрочнаго долга Россіи почти неподлежатъ

колебаніямъ, курсъ фондовъ Франціи измѣняется безпрерывно.

Хотя преимущество безсрочныхъ долговъ и облигацій, приносящихъ непрерывный доходъ, предъ другими формами государственнаго кредита доказано на дѣлѣ; но это вовсе неисключаетъ реализаціи кредита; только въ кредитѣ государственномъ, подъ вліяніемъ другихъ отношеній, реализація нерѣдко принимаетъ характеръ отличный отъ того, который существуетъ въ сдѣлкахъ между частными лицами. Въ настоящее время, реализація кредита по безрочнымъ займамъ представляетъ двѣ главныя формы: погашеніе постоянное, назначеніемъ опредѣленной суммы, для ежегоднаго выкупа облигацій, и погашеніе случайное, остатками доходовъ государственныхъ отъ расходовъ.

Мѣсто, на которое возлагается постепенное погашеніе долга, называется погасительною кассою.

Погасительныя кассы обязаны своимъ существованіемъ теоріи сложныхъ процентовъ и убѣжденію, что сбереженіе въ процентахъ, при подписаніи большей поминальной суммы долга (т. е. когда правительство признаетъ себя должникомъ большаго капитала, нежели оно получило); облегчаетъ его уплату. Для реализаціи по каждому долгу полагали достаточнымъ назначить ежегодно опредѣленную сумму для погашенія, напр. одинъ милліонъ. Выкупая каждый годъ на этотъ милліонъ

опредѣленное количество облигацій, и причисляя слѣдующіе по выкупленнымъ облигаціямъ проценты къ капиталамъ погасительной кассы, надѣялись погасить въ теченіи 36 лѣтъ долгъ въ 133 милліона. Безъ сомнѣнія, для того чтобы достичь такого результата, необходимо—и самые капиталы погасительной кассы, и ежегодно назначенный милліонъ для погашенія, считать неприкосновенными. Если государственные доходы оказывались недостаточными для покрытія расходовъ; то полагали болѣе выгоднымъ сдѣлать новый заемъ, нежели коснуться фондовъ, назначенныхъ для погашенія стараго. Наконецъ надѣялись найдти и самый капиталъ для постепеннаго погашенія въ сбереженіи процентовъ, при надписаніи высшей поминальной суммы. По мнѣнію Лафита, четырехъ процентный заемъ съ надписаніемъ $133\frac{1}{2}$ милліона за 100 милліоновъ, (т. е. состоящій въ выпускѣ облигацій на $133\frac{1}{3}$ мил., при поступленіи 100 мил. въ казну, и при платежѣ 4-хъ милл. въ видѣ процентовъ) имѣетъ преимущество предъ займомъ пяти процентнымъ съ полученіемъ 100 за 100: потому что сбереженіе одного милліона на процентахъ можетъ быть обращено въ фондъ для погашенія долга. Конечно отъ возвышенія курса облигацій долгъ можетъ увеличиваться; но тутъ дѣлается снова разсчетъ на пониженіе процентовъ, и слѣдовательно на новое сбереженіе, которое въ свою очередь можетъ увеличить силу

погашенія. Такимъ образомъ пришли къ заключенію, что погасительная касса уменьшаетъ государственный долгъ, облегчаетъ дальнѣйшее пользованіе кредитомъ, и обезпечиваетъ вѣрителямъ государства реализацію требованій, которыя находятся въ ихъ рукахъ. Кромѣ этого, по мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ, погасительная касса противодѣйствуетъ ажіотажу и, поддерживая курсъ облигацій, охраняетъ интересы вѣрителей. Покупая облигаціи, которыя ходятъ ниже пàри, она поддерживаетъ ихъ цѣнность, и тѣмъ самымъ останавливаетъ продѣлки спекуляторовъ.

Неотвергая важныхъ выгодъ, которыя можетъ доставлять погасительная касса, какъ установленіе финансовое, замѣтимъ, что въ дѣлѣ погашенія она установляетъ только особенный порядокъ уплаты долга, что долгъ непогашается самъ собою накопленіемъ сложныхъ процентовъ, и что строгое погашеніе рождаетъ иногда необходимость въ новыхъ, болѣе тягостныхъ займахъ; если государственные доходы недостаточны для такой уплаты. Дѣйствіе погасительныхъ кассъ тоже самое, что и постепенное погашеніе въ кредитѣ земледѣльческомъ — это разсрочка въ платежѣ долга, стремленіе сдѣлать безсрочный долгъ срочнымъ.

Невыгоды строгой реализаціи объяснить нетрудно. Фондъ, ежегодно употребляемый для выкупа облигацій, и проценты съ выкупленныхъ облигацій, предназначаемые для

погашенія, должны быть взяты изъ государственныхъ доходовъ, изъ налоговъ — единственнаго источника погашенія.

Если для погашенія десяти процентнаго долга въ 10 милліоновъ назначается ежегодно милліонъ для погашенія, и милліонъ для платежа процентовъ: то во второй годъ, когда будетъ выкуплено облигацій на одинъ милліонъ; милліонъ, назначенный для платежа процентовъ, будетъ распредѣленъ между частными владѣльцами облигацій и погасительною кассою;—первые получатъ 900,000, вторая 100,000 въ качествѣ процентовъ. Такимъ образомъ погасительная касса есть идеальный вѣритель государства, который составляетъ съ нимъ одно и тоже, получаетъ отъ правительства ежегодно опредѣленный капиталъ, и покупаетъ на него облигаціи, приносящія доходъ (проценты). Этотъ доходъ и ежегодно назначенный фондъ служатъ для дальнѣйшаго выкупа облигацій; такъ что наконецъ въ рукахъ этого идеальнаго вѣрителя должны сосредоточиться всѣ облигаціи государственнаго займа. На дѣлѣ, облигація, пріобрѣтенная погасительною кассою, есть долгъ дѣйствительно уплаченный правительствомъ: но посредствомъ фикціи эта облигація разсматривается какъ существующая и обязывающая правительство уплачивать слѣдующіе по ней проценты. Очевидно, что эти проценты могутъ быть употреблены только для дальнѣйшей реализаціи, для уплаты долга потому что вѣрителя, кото-

рому они слѣдуютъ, несуществуетъ. Итакъ, ассигнуя опредѣленныя суммы и для уплаты долга, и для уплаты процентовъ—правительство назначаетъ подъ видомъ процентовъ капиталъ для погашенія: потому что, по мѣрѣ выкупа облигацій, сумма, предназначенная для платежа процентовъ, будетъ болѣе и болѣе превышать дѣйствительное количество процентовъ, слѣдующихъ истиннымъ вѣрителямъ, къ которымъ не можетъ быть отнесена погасительная касса. На этой фикціи Прайсъ основалъ теорію погашенія государственныхъ долговъ, посредствомъ сложныхъ процентовъ.

При такой системѣ реализаціи, когда безсрочный долгъ обращается въ срочный, встрѣчаются важныя неудобства. Издержки, при заключеніи новаго займа, необходимаго для погашенія стараго, какъ справедливо замѣтили авторы «De l'amortissement», могутъ быть значительнѣе выгодъ, доставляемыхъ выкупомъ старыхъ облигацій.

Разсчетъ въ сбереженіи процентовъ, при надписаніи высшей поминальной суммы, невсегда бываетъ вѣренъ; кромѣ того, въ этомъ случаѣ по словамъ Кокслена, установляется отношеніе между правительствомъ и частными лицами совершенно противное дѣйствительно существующему. Скорѣе отъ государства можно ожидать разсчетовъ на отдаленное будущее, нежели отъ частнаго лица; между тѣмъ, при надписаніи большей

поминальной суммы, и платежѣ будто бы меньшихъ процентовъ, разсчитывается на то, что частное лицо жертвуетъ интересами настоящаго ради выгодъ будущаго. Наконецъ странно начинать уплату долга тогда, когда еще нѣтъ остатковъ отъ расходовъ—свободнаго капитала для реализаціи. Вліяніе погасительной кассы на поддержаніе курса облигацій, особенно въ томъ случаѣ, когда для операціи погашенія дѣлается новый заемъ, не имѣетъ никакого значенія. Цѣна облигаціи зависитъ между прочимъ отъ отношенія существующаго между величиною предложенія облигацій, и свободными капиталами, которые стараются поступить въ число затраченныхъ. Если дѣлается новый заемъ для погашенія стараго; то предложеніе облигацій или неизмѣнится, или увеличится, а слѣдовательно отношеніе въ соперничествѣ останется тоже. Увѣренность нѣкоторыхъ вѣрителей въ томъ, что правительство уплатитъ извѣстную часть государственнаго долга въ извѣстный срокъ не имѣетъ вліянія на курсъ публичныхъ фондовъ: 1) потому, что вѣрители безпрерывно измѣняются; 2) потому, что довѣріе въ государственномъ кредитѣ не основывается на срочной уплатѣ долга. Должникъ, который добровольно навязываетъ на себя обязательство срочнаго платежа, и платитъ во чтобы то ни стало, разстраивая этимъ свои матеріальныя средства, едвали поддержитъ свой кредитъ.

Эти причины были поводомъ къ уничтоженію погасительныхъ кассъ, или покрайней мѣрѣ къ измѣненію ихъ характера; такъ что въ настоящее время онѣ предназначаются не для строгаго погашенія, а вообще для операцій финансовыхъ, по уплатѣ долговъ государственныхъ; уплата же производится по большей части изъ остатковъ отъ доходовъ, и то не всегда. Избытокъ доходовъ употребляется для уменьшенія податей, если это обѣщаетъ большія экономическія выгоды.

Мы старались объяснить механизмъ государственнаго кредита, и указать на преимущества того или другаго порядка въ кредитныхъ сдѣлкахъ. Изложеніе наше будетъ далеко не полно, если мы необъяснимъ нѣкоторыхъ фактовъ, по видимому мало согласныхъ съ общими началами; если не укажемъ на то въ чемъ состоитъ истинное развитіе кредита государственнаго.

Обратимъ вниманіе на два главные предмета: 1) на отношеніе между капитальною суммою и процентами, въ связи съ ажіотажемъ, который возникаетъ изъ колебанія фондовъ, и во 2-хъ на реализацію.

Мы видѣли, въ чемъ состоятъ невыгоды въ надписаніи большей или меньшей поминальной суммы, противъ дѣйствительно получаемой. Однакоже отношеніе между дѣйствительно занятою суммою и процентами, платимыми съ номинальной, имѣетъ основаніе раціональное. Назначеніе однообразнаго процента по государственнымъ

долгамъ очень важно въ административномъ отношеніи. Уступка въ капитальной суммѣ противъ подписываемой даетъ возможность выражать количество платимыхъ процентовъ въ самыхъ мелкихъ доляхъ. Обѣ эти цѣли могутъ быть достигнуты другимъ путемъ: стоитъ уничтожить надписаніе высшей поминальной суммы противъ дѣйствительно получаемой, и обѣщать выкупъ облигацій по той цѣнѣ, по которой онѣ были выпущены, считая одни проценты со ста. Такъ напр. правительство заключаетъ трехпроцентный заемъ, выдаетъ облигаціи на 82 руб., получаетъ 82 и обязывается уплатить тотъ капиталъ, который оно получило. Только процентъ считается со 100, т. е. три рубля на облигацію, въ 82.

Такія условія вмѣстѣ съ пониженіемъ процентовъ, опредѣленнымъ закономъ, въ случаѣ возвышенія цѣны облигацій, могли бы поддерживать постоянство въ курсѣ и прекратить ажіотажъ. Для пониженія $\frac{0}{0}$ можно прибѣгнуть къ средству очень простому: установить 3 или болѣе разрядовъ облигацій, приносящихъ $3\frac{0}{0}$, $2\frac{1}{2}\frac{0}{0}$, $2\frac{1}{4}\frac{0}{0}$, и пр. трехпроцентныхъ въ 82 руб.; $2\frac{1}{2}\frac{0}{0}$ въ $98\frac{2}{5}$ руб. и пр., и т. д., объявивъ заранѣе, что если $3\frac{0}{0}$ облигаціи достигнутъ $98\frac{2}{5}$ р., то онѣ обращаются въ $2\frac{1}{2}$ процентныя, и т. д.; или же владѣльцы требованій могутъ получить обратно занятый у нихъ капиталъ.

Гораздо важнѣе вопросъ о реализаціи. Въ теоріи мы указали необходимость реализаціи кредита: безъ

этого условія кредитъ перестаетъ быть видомъ мѣны. Однакоже безсрочный долгъ по видимому исключаетъ реализацію. Какъ объяснить это противорѣчіе? Отвергать ли существованіе безсрочныхъ долговъ на томъ основаніи, что они по большей части заключались во время сушествованія погасительныхъ кассъ, которыя обращали ихъ въ срочные? Но съ этимъ едва ли кто согласится. Изслѣдованія объ отношеніяхъ, существующихъ въ государственномъ кредитѣ, объясняютъ намъ очень удовлетворительно безсрочность долговъ.

Въ государственномъ кредитѣ отношенія между вѣрителями—капиталистами, должниками—податными сословіями и посредникомъ—правительствомъ имѣютъ не частный, а государственный характеръ. Эти отношенія возникаютъ не между двумя классами лицъ, а между цѣлымъ обществомъ и частными лицами—вѣрителями. Для послѣднихъ важно не только вознагражденіе, получаемое ими за капиталъ отданный на кредитъ, и состоящее въ процентахъ, въ реализаціи и проч.; но также и самое употребленіе переданныхъ цѣнностей. Капиталъ можетъ получить производительное назначеніе, обращаясь въ постоянный, служа для образованія производительныхъ силъ,—для постройки желѣзной дороги, канала, и пр. Въ такомъ случаѣ цѣнность, отданная на кредитъ, существуетъ, но только въ другой формѣ, и представляется облигаціями. Напротивъ того непро-

изводительное потребленіе займа уничтожаетъ капиталъ, переданный кредитомъ; выпущенныя облигаціи могутъ представлять цѣнность мнимую, если налоги недоставляютъ надлежащаго обезпеченія.

Всякое производительное употребленіе капитала — обращеніе его въ постоянный, можетъ быть разсматриваемо какъ реализація; если только равновѣсіе между капиталами постоянными и обращающимися ненарушено, и если послѣдніе неистощены чрезмѣрнымъ консолидированіемъ. Капиталъ вѣрителя, обращенный въ желѣзную дорогу, каналъ, или другую производительную силу существуетъ на дѣлѣ, и доходъ вѣрителя есть часть дохода, приносимаго силою производительною. Вѣрители могутъ быть разсматриваемы какъ лица, имѣющія право, если не на капиталъ консолидированный; то покрайней мѣрѣ на часть дохода имъ приносимаго, это какъ бы право пользованія, но неисключительное, а ограниченное интересомъ цѣлаго общества. Погашеніе долга въ настоящемъ случаѣ будетъ состоять только въ освобожденіи собственности государственной отъ правъ частныхъ лицъ на участіе въ доходѣ, который она доставляетъ. Это освобожденіе достигается посредствомъ возвращенія вѣрителямъ капитала, имъ принадлежащаго, изъ податей или изъ дохода, приносимаго капиталомъ консолидированнымъ; если доходъ превышаетъ процентъ, платимый владѣльцамъ облигацій. Безъ сомнѣнія уплата

долга выгодна только въ томъ случаѣ, когда освобожденіе государственной собственности отъ правъ частныхъ лицъ на ея доходы, можетъ быть совершено безъ особаго пожертвованія со стороны плательщиковъ податей; когда капиталы обращающіеся, накопившіеся въ ихъ рукахъ довольно изобильны, когда интересы государственнаго благосостоянія требуютъ финансовыхъ операцій подобнаго рода. Впрочемъ, въ реализаціи нѣтъ ничего настоятельнаго—нѣчего опасаться упадка облигацій, если консолидированіе капиталовъ не было слишкомъ быстро: цѣнность ихъ будетъ поддерживаема обиліемъ свободныхъ капиталовъ, обязанныхъ своимъ образованіемъ содѣйствію этихъ учрежденій, и хозяйственной дѣятельности человѣка.

Но и при непроизводительномъ употребленіи капиталовъ, когда заемъ сдѣланъ для удовлетворенія потребности настоятельной, не содѣйствующей прямымъ непосредственнымъ образомъ усиленію производства, едва-ли существуетъ необходимость въ срочной и постепенной реализаціи долга. Положимъ, что капиталы заняты для военныхъ издержекъ—въ интересѣ самостоятельности, политическаго значенія государства. Какой результатъ достигается постепеннымъ погашеніемъ долга? Уплата не всегда будетъ согласна съ интересами цѣлаго общества, плательщиковъ податей, вѣрителей. Выручая капиталъ, для погашенія посредствомъ увеличенія

налоговъ, можно коснуться производительнаго капитала, и ограничить промышленную дѣятельность. Умеьшеніе производства будетъ ощутительно и для казны, и для самыхъ вѣрителей: для казны—отъ убыли въ доходахъ не прямыхъ, при уменьшившемся потребленіи (слѣдствіе уменьшенія производства и доходовъ); для вѣрителей—потому что всѣ произведенія возвысятся въ цѣнѣ. Независимо отъ этого, вѣрители очень мало выиграютъ отъ уплаты слѣдующаго имъ капитала. Капиталъ затраченный, приносящій процентъ, сдѣлается въ ихъ рукахъ свободнымъ, и они должны будутъ искать для него снова помѣщенія или въ частныхъ предпріятіяхъ, или въ новыхъ государственныхъ облиціяхъ. Конечно, уменьшеніе народнаго капитала усилитъ запросъ на капиталы, и быть можетъ возвысившійся процентъ вознаградитъ отдѣльнымъ лицамъ понесенную ими потерю; тѣмъ не менѣе она будетъ велика для цѣлаго народнаго хозяйства, которое потерпитъ отъ того, что капиталы, извлеченные изъ рукъ податныхъ сословій, останутся нѣкоторое время безъ употребленія, пока путемъ кредита не перейдутъ снова къ производителямъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что реализація можетъ быть выгодна только тогда, когда процентъ, платимый съ капитала слишкомъ великъ; когда доходы превышаютъ расходы; когда въ рукахъ правительства образовался капиталъ свободный, и погашеніе не тре-

бyетъ намѣреннаго перемѣщенія капиталовъ, дѣлающаго ихъ непроизводительными. Но и въ послѣднемъ случаѣ гораздо лучше отмѣнить мелкіе налоги, тягостные въ народно экономическомъ отношеніи, чѣмъ разсчитывать на постоянный остатокъ въ доходахъ, служащій для погашенія долга. Уничтоженіе налоговъ, которые приносятъ незначительный доходъ, и соединены съ большими формальностями, обременительными для плательщиковъ,—увеличитъ народное богатство, благосостояніе, а слѣдовательно подѣйствуетъ и на государственный кредитъ, поддержаніемъ курса облигацій, при изобиліи свободныхъ капиталовъ. Наконецъ, отмѣною мелкихъ налоговъ, можно достичь болѣе соразмѣрнаго распредѣленія, которое установляетъ большее равновѣсіе между потребностями и доходами потребителей.

Тѣмъ не менѣе святость исполненія обѣщаній и выгоды, доставляемыя обществу, постепеннымъ, необременительнымъ освобожденіемъ отъ долговъ, требуютъ заботиться объ уплатѣ; если только она можетъ быть произведена безъ особенныхъ потерь для народнаго хозяйства. Уплата долговъ облегчаетъ дальнѣйшее пользованіе государственнымъ кредитомъ, освобождаетъ производительныя силы государства отъ непрерывнаго платежа процентовъ по занятому капиталу, и слѣдовательно уменьшаетъ количество самыхъ податей.

Итакъ, какое бы употребленіе ни получилъ капи-

талъ, переданный кредитомъ — производительное ли или непроизводительное, реализація срочная не составляетъ необходимости, она противна не только интересамъ должника, цѣлаго общества; но также и интересамъ вѣрителей. Въ первомъ случаѣ реализація состоитъ въ самомъ употребленіи капитала, въ его консолидированіи; во второмъ — реализація необходима; но только не обязательная, а свободная, не нарушающая правильнаго развитія хозяйственныхъ отношеній, непрепятствующая производительности. Трудъ, составляющій гарантію этого рода займовъ, долженъ стремиться къ освобожденію отъ принятаго обязательства; но это освобожденіе должно быть медленнымъ, и не ослаблять его дѣятельности.

Говоря о займахъ государственныхъ, мы имѣли въ виду одни внутреннiе займы, сдѣланные у отечественныхъ капиталистовъ. Внѣшніе займы не измѣняютъ сущности нашихъ основныхъ положеній. Внѣшній заемъ заключается тогда, когда капиталъ иностранный можетъ быть занятъ съ условіемъ платежа меньшихъ процентовъ. Занятый, и потомъ консолидированный капиталъ, также хорошо обезпечиваетъ иностранныхъ вѣрителей какъ и внутреннихъ. Капиталъ, неполучившій строго производительнаго назначенія, можетъ быть уплаченъ только тогда, когда правительство находитъ это выгоднымъ для государства; потому что срочная реализація исключена изъ условія займа.

Изъ сказаннаго нами легко замѣтить, какъ важна спеціализація займовъ, какъ важно отличать займы, назначенные для производительныхъ цѣлей, отъ непроизводительныхъ. Извѣстность относительно назначенія займовъ, и количества капиталовъ употребленныхъ для той или другой цѣли, можетъ имѣть большое вліяніе на пониженіе процентовъ. Если вѣритель знаетъ, что капиталъ, полученный отъ него на кредить, будетъ употребленъ на желѣзную дорогу: то онъ будетъ довольствоваться меньшимъ доходомъ, находя свой капиталъ гарантированнымъ вполнѣ, не только моральными качествами правительства и производительными силами народа; но и существованіемъ извѣстнаго консолидированнаго фонда, доставляющаго доходъ. Сумма займовъ, не имѣющихъ этого назначенія, представится тогда менѣе значительною, и вѣритель будетъ всегда въ состояніи обсудить въ какой степени надежна гарантія кредита, состоящая въ производительности народнаго труда.

ГЛАВА III.

Экономическое значеніе кредита.

Мы признали, что кредитъ есть видъ мѣны, непрерывно развивавшейся въ жизни общественной. Итакъ, экономическое значеніе кредита заключается въ тѣхъ результатахъ, которые достигаются при его содѣйствіи въ народномъ хозяйствѣ, и которые могутъ быть уяснены сравненіемъ ихъ съ результатами естественной или денежной мѣны, требующей немедленнаго вознагражденія.

Производство, основанное на естественной или на денежной мѣнѣ, опирается, главнымъ образомъ, на обладаніе цѣнностями. При отсутствіи кредита, тѣ только лица могутъ заниматься промышленностію, которыя обладаютъ капиталами и, при помощи ихъ, находятъ возможность соединить всѣ три производительныя силы для достиженія хозяйственныхъ цѣлей.

Производительность труда въ такомъ случаѣ зависитъ отъ существующаго запроса со стороны капитала. Трудъ тогда только найдетъ полезное для него употребленіе, когда есть требованіе (на трудъ) со стороны владѣльца цѣнностей; а это требованіе ограничи-

вается въ свою очередь запросомъ со стороны потребителей на произведенія капиталиста—предпринимателя, или иначе—величиною доходовъ частныхъ лицъ. Но, при отсутствіи кредита, капиталы остаются неподвижными, въ рукахъ владѣльцевъ, и потому очень часто недѣятельными, непроизводительными. Капиталистъ не всегда имѣетъ побужденіе и желаніе употребить ихъ, занимаясь лично производствомъ. Это влечетъ за собою недѣятельность труда, уменьшеніе доходовъ частныхъ лицъ, запроса на произведенія и сбыта: слѣдовательно замедляетъ распространеніе благосостоянія, и образованіе частной собственности въ рукахъ недостаточныхъ сословій.

Кредитъ уничтожаетъ эти оковы, налагаемыя на производство, неподвижностію капиталовъ и недѣятельностію труда. Поземельный владѣлецъ, предприниматель, получивъ капиталы подъ условіемъ будущаго вознагражденія, имѣютъ возможность усилить запросъ на трудъ иначе—увеличить предложеніе капитала, и употребить въ дѣло силы природы и силы человѣка, не имѣвшія соотвѣтственнаго назначенія. Наконецъ, по мѣрѣ того какъ гарантія, состоящая въ трудѣ, получаетъ большее и большее значеніе въ народномъ хозяйствѣ, и человѣкъ, располагающій только одними своими личными силами, получаетъ на кредитъ цѣнности, ненаходившія употребленія въ производствѣ — трудъ находитъ занятіе, доходъ частный

увеличивается, средства для пріобрѣтенія имущества становятся обилѣе и разнообразнѣе, въ обществѣ является народонаселеніе достаточное, обладающее частною собственностію; слѣдовательно тѣсно связанное съ интересами государства, въ которомъ оно живетъ, и съ интересами цивилизаціи рода человѣческаго.

Такимъ образомъ мѣна естественная или денежная основывается преимущественно на фактѣ настоящаго владѣнія цѣнностями, и ограничиваетъ производство существующимъ запросомъ, который заключенъ въ тѣсныхъ предѣлахъ. Мѣна кредитная основывается, главнымъ образомъ, на обладаніи личными производительными силами; она производитъ соразмѣрное съ ними распредѣленіе хозяйственныхъ средствъ, и направляетъ производство къ уравновѣшенію его съ потребностями производителей.

Указавъ на отличительное характеристическое значеніе кредита, разовьемъ это общее положеніе въ изслѣдованіяхъ о томъ вліяніи, которое имѣетъ кредитъ на богатство, благосостояніе и трудъ, посредствомъ: 1) распредѣленія производительныхъ силъ, въ особенности капиталовъ; 2) умноженія капиталовъ и увеличенія доходовъ; 3) замѣна монеты и денегъ кредитными оборотными знаками.

I. *Вліяніе кредита на распредѣленіе производительныхъ силъ.*

Кредитомъ условливается сосредоточеніе и разсѣяніе производительныхъ силъ, въ особенности же обращающихся капиталовъ, согласно съ требованіями производства, направленнаго къ достиженію благосостоянія. Это имѣетъ большое сходство съ раздѣленіемъ труда, когда каждый человѣкъ беретъ на себя занятіе соразмѣрное съ его силами и способностями, когда для легкой работы употребляется меньшая сила, для тяжелой большая. Сосредоточеніе и разсѣяніе производительныхъ силъ достигается при содѣйствіи кредитныхъ учрежденій, принимающихъ вклады и дѣлающихъ ссуды, посредствомъ различнаго рода промышленныхъ товариществъ, государственнаго кредита, и. т. д.

Мелкіе капиталы, находящіеся въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, обыкновенно бываютъ безсильны, слабы. Банкъ, скопляетъ ихъ въ большія массы, принимая въ видѣ мелкихъ вкладовъ, и дѣлая большія ссуды. Промышленныя товарищества достигаютъ той же самой цѣли посредствомъ выпуска акцій, государство — выпускомъ облигацій. Такимъ образомъ сосредоточиваются огромныя средства, которыми условливается выполненіе большихъ общеполезныхъ предпріятій, и притомъ самымъ эконо-

мическимъ образомъ, въ слѣдствіе лучшаго раздѣленія труда, замѣна рукъ человѣческихъ машинами, и проч. Желѣзныя дороги, каналы, общественныя зданія, пароходство, успѣхи торговли и мануфактуръ, распространеніе европейской цивилизаціи за предѣлы Европы— обязаны, главнымъ образомъ, своимъ существованіемъ кредиту. Эти хозяйственныя учрежденія, имѣющія общественный характеръ, даже тогда, когда они основаны частными лицами, должны быть разсматриваемы не только какъ прибыльная спекуляція; но какъ предпріятіе, споспѣшествующее благосостоянію цѣлаго государства. Каждому предоставляется пользованіе желѣзною дорогою, каналомъ; каждый въ сферѣ своего частнаго хозяйства, выигриваетъ какъ производитель и какъ потребитель. Какъ производитель—потому, что желѣзная дорога облегчаетъ для него закупку и сбытъ произведеній, даетъ возможность соразмѣрять производство съ запросомъ, который лучше можетъ быть узнанъ; какъ потребитель— онъ выигрываетъ отъ дешевизны, составляющей результатъ пониженія въ платѣ за провозъ произведеній, онъ выигрываетъ въ экономіи и въ лучшемъ порядкѣ производства.

Не только капиталы, но и силы труда могутъ быть сосредоточены посредствомъ кредита въ одно цѣлое, и содѣйствовать достиженію хозяйственныхъ цѣлей.

Отдача труда на кредитъ до настоящаго времени

представляется болѣе въ формѣ обычая, освященнаго правами; нежели въ формѣ хозяйственнаго порядка, произведеннаго дѣятельностію сознательною. Такъ, въ большей части Россіи, не только на югѣ, но даже за Ураломъ, господствуетъ въ земледѣльческой промышленности обычай, извѣстный подъ названіемъ толоки. На толоку сзываются жители села для косовицы, уборки хлѣба и др. работъ—къ извѣстному хозяину, который за это ничего не платитъ, а даетъ одно угощеніе—въ южной Россіи обыкновенно водку. Но, пользуясь услугами другаго, земледѣлецъ получаетъ трудъ не иначе какъ на кредитъ; потому что и самъ обязанъ выйти на толоку, въ противномъ случаѣ къ нему не пришли бы на работу. Этимъ условливается выгодное и успѣшное отправленіе занятій. Такъ напр. косовица требуетъ скораго, быстраго окончанія дѣла. Чѣмъ скорѣе скошено сѣно, тѣмъ оно ровнѣе высохнетъ; для уборки надо выбрать ясный день—по этому сегодня Иванъ работаетъ съ Петромъ и Ѳедоромъ у Павла, завтра три послѣдніе у Ивана, и т. д.

Обычай, господствующій въ сѣверной Америкѣ подъ названіемъ пчелы, представляетъ чрезвычайно любопытный фактъ кредита, разсказанный Филаретомъ Шалемъ.

На границахъ Аркаизаса или Эллинойса, въ глубокихъ неизвѣданныхъ пустыняхъ, у подошвы скалистыхъ горъ случается видѣть въ прекрасный лѣтній день пріі-

ѣздъ семейства, котораго вся движимость заключается въ повозкѣ, которую тащитъ не большая лошадка; семейство состоитъ изъ мужа и жены, иногда также изъ одного или двухъ дѣтей. Отецъ избираетъ мѣсто для жилища. Вотъ лугъ, зеленая дубовая роща и рѣка въ сосѣдствѣ; но какъ быть? У него нѣтъ орудій для того, чтобы построить бревенчатую избу, ему нужны—время, работники и много денегъ. У него только свои руки, да руки жены, быть можетъ еще Іонаѳана и Самуила, двухъ малолѣтнихъ сыновей. Старые settlers, жители сосѣднихъ лѣсовъ, которые давно уже построили свои log-house и отуземились, идутъ на встрѣчу къ новымъ пришельцамъ не только ради привѣта; но и ради помощи. Нѣтъ пышной обстановки, приготовленій, шума, пустыхъ рѣчей: подражаютъ пчеламъ; работаютъ для новаго пришельца. Эта дѣйствительная братская услуга вскорѣ приноситъ свои плоды. Дубы падаютъ, обтесываются, домъ выростаетъ. Надобна кровля для овина—60 рукъ помогаютъ. Жилище устроено. Жатва,—надо молотить рожь на гумнѣ—товарищи сбѣгаются снова; трудъ недѣли оканчивается въ одинъ день; то, что требовало бы мѣсяцевъ отъ работника одинокаго, совершается въ мгновеніе ока. Новый settler возвратитъ другимъ полученное отъ нихъ, и если прійдутъ новые; то прежніе поступятъ съ ними такимъ же точно образомъ. Занимаютъ

лошадь у сосѣда и возвращаютъ ее; даютъ въ заемъ свой плугъ и требуютъ обратно; всѣ помогаютъ всѣмъ, нищета не касается никого *).

Эта взаимная помощь, тоже что взаимный кредитъ между купцами, правда не въ столь точныхъ и строгихъ формахъ; но съ тѣмъ же характеромъ, съ тѣми же признаками, только относится болѣе къ труду, нежели къ капиталу.

Кредитъ дѣйствуетъ также и на разсѣяніе капиталовъ, на распредѣленіе ихъ соразмѣрно съ личными производительными силами. Капиталъ, накопленный частнымъ лицомъ, не получающій, по какой либо причинѣ, употребленія посредствомъ кредита, дробится на доли, переходитъ въ руки частныхъ лицъ, и полагаетъ основаніе отдѣльнымъ промышленнымъ предпріятіямъ, — съ одной стороны доставляя доходъ владѣльцу, съ другой, доставляя поприще для дѣятельности лицъ, обладающихъ познаніемъ, искуствомъ, физическою силою, и пр. Наконецъ сила потребностей послѣднихъ, при хорошемъ устройствѣ промышленномъ, можетъ измѣнить направленіе капиталовъ, и обратить ихъ къ отраслямъ наиболѣе выгоднымъ въ народно-экономическомъ отношеніи.

Кредитъ содѣйствуетъ распредѣленію хозяйственныхъ силъ между различными отраслями промышленно-

---

*) Revue des deux Mondes 1850. 15 Mai. Les Américains etc....

сти. Благодаря кредиту, праздные, свободные капиталы устремляются туда, гдѣ запросъ на нихъ бываетъ сильнѣе, гдѣ они доставятъ наибольшія хозяйственныя выгоды. Кредитъ производитъ это распредѣленіе между отдѣльными государствами. Посредствомъ вексельныхъ оборотовъ, акцій, облигацій, и т. д. капиталы легко перемѣщаюся изъ одного государства въ другое, изъ странъ, гдѣ они менѣе производительны, въ другія, гдѣ ощущается въ нихъ большая потребность. Одно государство дѣлаетъ нерѣдко у другаго огромныя закупки на кредитъ, платя векселями и снабжая капиталами производителей. Тѣже самые результаты достигаются посредствомъ сбыта на иностранныхъ рынкахъ облигацій по государственнымъ и другимъ публичнымъ займамъ, акцій промышленныхъ и торговыхъ компаній. Многія изъ самыхъ важныхъ хозяйственныхъ предпріятій въ Сѣверо-американскихъ штатахъ обязаны своимъ существованіемъ англійскимъ капиталамъ, которые находили выгодное помѣщеніе въ Сѣверо-американскихъ акціяхъ, желѣзныхъ дорогахъ, каналахъ, и пр. Посредствомъ кредита отвращаются промышленныя потрясенія, производимыя временнымъ нарушеніемъ торговаго баланса, и слѣдующимъ за тѣмъ недостаткомъ въ орудіяхъ обращенія.

Допуская, что существуетъ стремленіе къ уравновѣшенію между цѣною привозныхъ иностранныхъ произведеній, и цѣною отпускныхъ отечественныхъ товаровъ,

мы не можемъ однакоже отрицать нарушенія этого равновѣсія въ годы неурожайные, въ государствахъ недостаточно снабженныхъ собственными земледѣльческими произведеніями. Коммерческіе кризисы на Западѣ служатъ подтвержденіемъ этой истины. Уплата разности, въ цѣнѣ между привозомъ и отпускомъ товаровъ, лишаетъ иногда государство значительной части монетнаго капитала, служащаго для обращенія. И только кредитъ, отсрочивая наличные платежи, замѣняя металлическія орудія обращенія кредитными, избавляетъ государство отъ большихъ экономическихъ бѣдствій. Банкъ Франціи обязанъ своимъ существованіемъ оказанному нашимъ Правительствомъ кредиту, который остановилъ временный отливъ монеты изъ Франціи, и неизбѣжное банкротство множества торговыхъ домовъ.

II. *Вліяніе кредита на умноженіе капиталовъ и увеличеніе доходовъ.*

Характеризуя кредитную мѣну, мы отнесли къ ея экономическимъ послѣдствіямъ — умноженіе капиталовъ. Умноженіе это не должно понимать какъ результатъ силы сверхъ-естественной, какъ что-то непостижимое, внезапное; оно есть слѣдствіе: 1) призванія недѣятель-

ныхъ капиталовъ къ производству и усиленія дѣятельности всѣхъ производительныхъ силъ; 2) установленія лучшаго порядка въ накопленіи капиталовъ; 3) сбереженія, происходящаго отъ уменьшенія потребности въ капиталѣ монетномъ.

Призваніе праздныхъ капиталовъ къ производству, мы можемъ разсматривать съ полнымъ правомъ какъ умноженіе капиталовъ. Напрасно говорятъ, что кредитъ, только перемѣщаетъ капиталы изъ рукъ въ руки, что онъ не создаетъ ничего новаго, что онъ располагаетъ однимъ существующимъ. Перемѣщая мертвый капиталъ въ руки производителя, кредитъ создаетъ изъ него дѣйствительно нѣчто новое, именно—силу хозяйственную. Онъ располагаетъ существующимъ; но онъ даетъ ему другое назначеніе, увеличивающее плоды промышленной дѣятельности въ будущемъ. Мертвые, недѣятельные капиталы имѣютъ для народнаго хозяйства то же значеніе, какъ и ископаемыя богатства, заключенныя въ землѣ. Это богатства естественныя, но неупотребленныя въ дѣло; богатства, которыя могутъ оставаться на долго, а быть можетъ и навсегда, безплодными для человѣка.

Для того чтобы понять какимъ образомъ кредитъ умножаетъ капиталы, стоитъ только припомнить то, что мы говорили о кредитѣ коммерческомъ. Безъ кредита произведенія земледѣльца: хлѣбъ, шерсть, ленъ, пенька

могутъ пролежать годъ и болѣе, ожидая закупокъ мануфактуриста, купца, горожанина. Земледѣлецъ долженъ выждать то время, когда покупщики его произведеній выручатъ свои капиталы, необхомые для платежей. Равнымъ образомъ товары мануфактуристовъ или купцовъ будутъ лежать недѣятельными, праздными, при застоѣ въ сбытѣ земледѣльческихъ произведеній. Всѣ эти цѣнности, неполучая хозяйственнаго назначенія, остаются мертвымъ богатствомъ, составляютъ бремя для каждаго производителя и останавливаютъ дѣятельность труда, машинъ и земли. Какъ доходы отдѣльныхъ лицъ, такъ и народное богатство терпятъ отъ промышленнаго оцѣпенія.

Но представимъ себѣ, что земледѣлецъ отдалъ шерсть, пеньку, ленъ мануфактуристу или купцу на кредитъ и получилъ уплату векселями; мануфактуристъ отдалъ купцамъ свои произведенія тоже на кредитъ; купцы оказали кредитъ потребителямъ. Капиталисты, имѣющіе праздные капиталы, обмѣняли ихъ на облигаціи, выпускаемыя земледѣльцами, при помощи земледѣльческихъ банковъ. Какая жизнь, какая дѣятельность пробудятся въ обращеніи! Сколько мертвыхъ капиталовъ оживятъ промышленность! Земледѣлецъ, мануфактуристъ, купецъ,—за данные имъ векселя, могутъ получить произведенія для нихъ необходимыя, праздно-лежащія у производителей; произведенія, которыя безъ

кредита были бы для нихъ недоступны, по причинѣ недостатка въ наличныхъ деньгахъ.

Шерсть, ленъ, пенька перерабатываются мануфактуристами. Сукна и другія издѣлія поступаютъ въ обладаніе потребителей, которые въ свою очередь, благодаря кредиту, имѣютъ возможность производить; а слѣдовательно увеличить свой доходъ, и дѣлать бо̀льшія закупки. Такимъ образомъ, какъ прекрасно замѣтилъ г. Кокленъ, дѣятельность каждаго производителя увеличивается оказаннымъ ему кредитомъ, ни мало не терпя отъ того, что производитель этотъ отдалъ собственныя произведенія на кредитъ. Мануфактуристъ выигрываетъ, получая сырыя произведенія отъ землевладѣльца на кредитъ, и ничего не теряетъ, отдавая собственныя произведенія купцу, подъ условіемъ будущаго вознагражденія.

Но намъ можетъ быть сдѣлано сдѣдующее возраженіе: зачѣмъ увеличивать производство, когда рынокъ заваленъ товарами, которые и безъ того не находятъ сбыта? Произведенія покупаются произведеніями, замѣтилъ Сэ; слѣдовательно, если товары ненаходятъ сбыта, то ихъ слишкомъ много, и усиленная дѣятельность можетъ произвести только большее загроможденіе рынковъ. Если бы это было справедливо, если бы застой въ сбытѣ происходилъ только отъ избытка: то потребности частныя были бы удовлетворены вполнѣ,

и народное благосостояніе находилось бы на высшей сказочной ступени своего развитія. Однакоже несомнѣнно, что потребности опережаютъ производство, что послѣднее едва можетъ слѣдить за ними; слѣдовательно производство не можетъ быть чрезмѣрнымъ. Изобиліе произведеній только мнимое—вездѣ есть огромная масса потребителей, которые нуждаются въ произведеніяхъ, неимѣющихъ сбыта, потребителей, которые не могутъ покупать; потому что ихъ доходы слишкомъ недостаточны, для подобныхъ покупокъ.

Произведенія покупаются произведеніями—это правда; но надо имѣть участіе въ ихъ производствѣ, надо обладать ими, для того чтобы сдѣлать закупку. Для того чтобы производить и получать доходъ, надо имѣть возможность употребить въ дѣло ту хозяйственную силу, которая находится въ нашемъ распоряженіи, и употребить ее наиболѣе прибыльнымъ образомъ. Землевладѣлецъ, обладающій невоздѣланнымъ участкомъ земли, предприниматель, или работникъ-ремесленникъ, обладающій познаніемъ, искуствомъ, физическою силою—получаютъ или капиталъ, или трудъ, или даже землю на кредитъ, употребляютъ въ дѣло свои производительныя силы, остававшіяся праздными, начинаютъ производить, получать доходъ, и дѣлаются потребителями. Такимъ образомъ посредствомъ кредита лица, которыя не получали дохода, или получали гораздо меньшій доходъ,

являются достаточными; люди, которые нуждались въ ежедневно необходимомъ, получаютъ возможность накопить небольшое имущество, пріобрѣсть собственность, сдѣлаться въ хозяйственномъ отношеніи болѣе самостоятельными; а какъ то, такъ и другое служитъ наилучшимъ средствомъ для водворенія гражданскаго порядка, служитъ опорою моральному развитію народа. И эти выгоды достигаются не только безъ ущерба для тѣхъ лицъ, которыя оказывали кредитъ; но съ явною пользою для нихъ: хозяйственныя силы, которыя въ ихъ рукахъ были непроизводительными, приносятъ имъ или процентъ съ капитала, или вознагражденіе за землю, или обезпечиваютъ имъ вознагражденіе въ формѣ труда. Изобиліе капиталовъ понизитъ процентъ; но за то предприниматели будутъ въ состояніи производить несравненно болѣе и въ обширномъ сбытѣ найдутъ полное вознагражденіе. Вотъ почему, получая меньшую долю изъ общей массы произведеній, предприниматели въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ богаче, чѣмъ въ Индіи и Франціи, гдѣ на ихъ долю достается половина. Вотъ почему доходъ, получаемый за каждый рабочій день во Франціи, составляетъ 75 сантимовъ, въ Англіи 1 фр. 45 ст., въ Соединенныхъ Штатахъ 1 фр. 70 сант., и даже 1 фр. 87 сантим. Все это — результаты развитія кредита *).

---

*) Coquelin. Du credit et des banques 1848. p. 165 p. 418.

Къ этимъ выгодамъ присоединяются другія, менѣе замѣтныя для поверхностнаго взгляда; но живо ощущаемыя въ практической жизни. Разносторонность производства, отсутствіе промышленныхъ застоевъ, быстрота сбыта производятъ дешевизну произведеній, отъ которой выигрываютъ всѣ классы народа, а въ томъ числѣ и самые вѣрители.

Образованіе (при помощи кредита) доходовъ и наконецъ собственности въ рукахъ недостаточныхъ классовъ народа, не должно относить къ предположеніямъ несбыточнымъ. Теорія представляетъ намъ логическія доказательства возможности подобнаго результата, дѣйствительная жизнь оправдываетъ теорію на самомъ дѣлѣ. При постепенныхъ экономическихъ успѣхахъ общества, гарантія кредита необходимо должна дѣлаться болѣе и болѣе не матеріальною, и опираться на трудъ, какъ на главную производительную силу. Это слѣдуетъ изъ того, что одна вещественная гарантія заключила бы кредитъ въ тѣсные предѣлы факта современнаго владѣнія цѣнностями; между тѣмъ какъ значеніе кредита именно состоитъ въ томъ, что онъ освобождаетъ производство отъ этихъ границъ. Конечно личный трудъ не можетъ служить достаточною гарантіею, и довѣріе въ такомъ случаѣ нуждается еще въ хозяйственномъ основаніи. Однакоже довѣріе можетъ найдти это основаніе въ самомъ капиталѣ, отданномъ на кредитъ, если онъ

консолидированъ, или въ застрахованіи. Но трудъ собирательный, какъ мы замѣтили выше, самъ по себѣ уже представляетъ надежную гарантію. Круговая порука жителей общины, участниковъ въ товариществѣ, и пр., вполнѣ обезпечиваютъ и процентъ, и реализацію кредита отдѣльными лицами.

Даже въ настоящее время, когда кредитъ съ невещественною гарантіею еще далеко недостигъ своего развитія, сколько частныхъ богатствъ образовалось при его содѣйствіи и помощи! Стоитъ только узнать исторію происхожденія богатствъ частныхъ промышленниковъ, для того чтобы убѣдиться въ томъ, какое значеніе имѣлъ кредитъ гарантированный трудомъ. Сколько ремесленниковъ, сколько купцовъ, составили и составляютъ себѣ въ нашихъ глазахъ самостоятельное, независимое состояніе посредствомъ кредита, который въ началѣ не имѣлъ никакой матеріальной гарантіи, кромѣ развѣ самаго капитала, отданнаго на кредитъ! Наконецъ какой краснорѣчивый фактъ представляетъ кредитъ государственный, гарантированный въ хозяйственномъ отношеніи однимъ народнымъ трудомъ.

Кредитомъ пробуждается усиленная дѣятельность всѣхъ производительныхъ силъ. Трудъ, капиталъ и земля, получая при содѣйствіи кредита, самое лучшее хозяйственное назначеніе, если не въ равной, то въ большей степени умножаютъ капиталы, чѣмъ сбереже-

ніе—результатъ ограниченнаго потребленія. Мы не-думаемъ этимъ отрицать пользу и необходимость сбереженія; но ожидать накопленія капиталовъ только отъ послѣдняго, было бы совершенно ошибочно. Самое сбереженіе увеличиваетъ народное богатство не какъ остатокъ отъ производства, не какъ масса цѣнностей, прилагаемая къ существующимъ; но какъ новый дѣятель, увеличивающій энергію хозяйственныхъ силъ.

Г. Коклент прекрасно объясняетъ какимъ образомъ кредитъ дѣйствуетъ на умноженіе капиталовъ, пробужденіемъ хозяйственной дѣятельности. «Чего недостаетъ нашей сельской промышленности, говоритъ онъ? капитала, но какого? — орудій земледѣльческихъ болѣе могущественныхъ, лучшихъ средствъ для перевоза тяжестей, болѣе обильнаго удобренія, болѣе здороваго и сильнаго скота; въ нѣкоторыхъ случаяхъ домашнихъ животныхъ, въ другихъ лучшихъ сѣмянъ для посѣвовъ, обѣщающихъ обильнѣйшую жатву. Я оставляю въ сторонѣ фермы и гумна, которые однакоже составляютъ важную часть капитала, и буду говорить объ однихъ сырыхъ матеріалахъ и земледѣльческихъ орудіяхъ. Трудно ли найдти во Франціи эти матеріалы и эти орудія? Если ихъ недостаточно, трудно ли ихъ произвести, не сегодня, такъ завтра? У васъ нѣтъ повозокъ и земледѣльческихъ орудій; но сосѣдніе тележники и кузнецы не могутъ ли ихъ сдѣлать? Обременены ли они работою

въ такой степени, что не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ? Къ сожалѣнію, напротивъ; между тѣмъ какъ земледѣльческихъ орудій недостаетъ въ деревняхъ; тѣ, которые дѣлаютъ ихъ, не имѣютъ работы и гуляютъ. Были бы заказы — ихъ исполнятъ немедленно. Не много дерева, не много желѣза; но поболѣе труда, вотъ все, что необходимо — и во всемъ этомъ мы не имѣемъ недостатка. Въ особенности же рабочія руки, ищущія занятій, составляющія главное дѣло въ настоящемъ случаѣ, обилуютъ чрезъ мѣру въ наше время. И такъ земледѣльческій капиталъ существуетъ; земледѣлецъ не имѣетъ только возможности платить наличностію. Онъ нуждается въ этомъ капиталѣ; орудія, рабочій скотъ, сѣмена для посѣвовъ были бы чрезвычайно полезны для его промышленности, онъ извлекъ бы изъ нихъ огромныя выгоды въ будущемъ; но въ настоящее время у него нѣтъ средствъ для того, чтобы сдѣлать закупки и заказы, и онъ долженъ отказаться отъ тѣхъ выгодъ, которыя могъ бы извлечь. Предположимъ, что кредитъ даетъ земледѣльцу возможность заплатить — онъ тотчасъ распредѣлитъ заказы, и капиталъ земледѣльческій явится въ изобиліи.

Знаю, мнѣ скажутъ: вѣдь надоже когда нибудь заплатить, потому что кредитъ не избавляетъ отъ платежа, а только отсрочиваетъ его. Безъ сомнѣнія, но не имѣетъ ли земледѣлецъ въ своихъ житницахъ, въ своихъ по-

ляхъ произведеній, которыя могутъ быть годны для горожанина? Онъ не имѣетъ только случая сбыть ихъ, времени—выручить ихъ цѣнность. Кредитъ даетъ ему это время, кредитъ рождаетъ эти случаи, увеличиваетъ число ихъ; усиливая производительность въ городахъ, онъ увеличиваетъ въ нихъ потребленіе. Впрочемъ, предполагая, что матеріалы и орудія, требуемые земледѣльцемъ, дѣйствительно полезны для него, должно допустить также, что они даютъ ему способы улучшить обработку, и увеличить производство. Употребленіе, которое онъ сдѣлаетъ изъ матеріаловъ, орудій, доставитъ ему возможность платить болѣе, чѣмъ прежде. То, что сказано въ предъидущемъ о земледѣліи, относится ко всѣмъ отраслямъ промышленности.

Вотъ какимъ образомъ дѣйствуетъ кредитъ на усиленіе производителей дѣятельности капиталовъ. Трудъ, оживленный кредитомъ, произвелъ изобиліе капиталовъ въ Сѣверной Америкѣ. Земледѣльцы, постепенно выселяющіеся далѣе и далѣе на западъ, получаютъ на кредитъ земледѣльческія орудія и сѣмена для посѣвовъ, отъ ближайшихъ городскихъ купцовъ, подъ условіемъ реализаціи кредита, послѣ жатвы. Такимъ образомъ населеніе, богатство, цивилизація непрерывно проникаютъ далѣе и далѣе въ пустыни новаго свѣта. Конечно, мы не думаемъ приписывать всѣхъ экономическихъ успѣховъ нашего времени одному пользованію кредитомъ;

мы не отвергаемъ ни важности промышленнаго и технического образованія народа, ни вліянія успѣховъ просвѣщенія и открытій въ области естествознанія, и пр. на народное богатство и благосостояніе; но въ настоящее время мы говоримъ объ одномъ кредитѣ, и безъ сомнѣнія мы не преувеличиваемъ его значенія.

Первоначальное накопленіе имуществъ и образованіе собственности обязаны своимъ быстрымъ развитіемъ участію денегъ въ обращеніи. Деньги дали возможность накопить и сохранить капиталы въ формѣ конкретной; не въ видѣ вещественныхъ произведеній различнаго рода, а въ видѣ силы, располагающей извѣстною массою самыхъ разнообратныхъ цѣнностей—въ видѣ имущества, которое удобно для храненія, для передачи, для обмѣна, и пр. Однакоже, успѣшность сбереженія зависитъ и отъ другихъ условій. Оно будетъ медленно, если лицо сберегающее не можетъ тотчасъ употребить въ дѣло накопленный капиталъ; если сбереженіе слишкомъ незначительно для того, чтобы положить основу промышленному предпріятію; если, при передачѣ капитала на кредитъ, ни самый капиталъ, ни плоды его не обезпечены вполнѣ для вѣрителя.

Кредитъ развитой, распространенный, хорошо устроенный служитъ самымъ сильнымъ побужденіемъ къ сбереженію, къ накопленію капитала, и образованію частной собственности. Кредитныя учрежденія, принимаю-

щія вклады, и платящія вкладчикамъ опредѣленный процентъ, облегчаютъ и для богатаго, и для бѣднаго плодотворное употребленіе сдѣланныхъ сбереженій, уничтожаютъ время ихъ недѣятельности, и служатъ рынкомъ, на которомъ происходитъ предложеніе накопленныхъ капиталовъ, которые могутъ быть отданы на кредитъ. Обѣщая процентъ, кредитныя учрежденія вызываютъ непроизводительные, сбереженные капиталы изъ рукъ владѣльцевъ, даютъ имъ полезное назначеніе, и увеличиваютъ ихъ, приращеніемъ процентовъ.

Наконецъ, уменьшая потребность въ монетѣ, кредитъ содѣйствуетъ — и сбереженію въ издержкахъ для содержанія огромнаго монетнаго капитала, необходимаго для оборотовъ, и болѣе полезному употребленію этого сбереженія въ формѣ капитала вещественнаго. Оставляя на время въ сторонѣ изслѣдованія о томъ: какимъ образомъ кредитъ дѣлаетъ значительную часть монеты излишнею, ограничимся фактами, противъ которыхъ ничего не можетъ возразить самый слѣпой скептицизмъ.

Сравненіе Англіи съ Франціею показываетъ какая огромная экономія достигается при помощи кредита, относительно издержекъ на орудія обращенія. Не смотря на то, что обороты Англіи значительнѣе оборотовъ Франціи, первая употребляетъ монеты на 750 милл. франковъ, вторая на 3500 милл.; это происходитъ отъ того, что кредитъ въ Англіи несравнено болѣе развитъ.

Если бы Франція могла сравниться въ этомъ отношеніи съ Англіею; то она употребляла бы только 750 милл. франк., вмѣсто 3500 милл.; 2750 милл. были бы чистымъ сбереженіемъ, которое увеличило бы народный производительный капиталъ. Считая по $5\frac{0}{0}$ на 100, эти излишніе 2750 милл. франковъ, необходимые только при неразвитости кредита, причиняютъ ежегодной потери на $139\frac{1}{2}$ милл. Но кромѣ этого, чтобы оцѣнить величину потери, слѣдуетъ принять въ разсчетъ и то, что можно было бы пріобрѣсть, при превращеніи денежнаго капитала въ вещественный, дѣятельностію труда, силъ природы, образованіемъ новыхъ капиталовъ, новыхъ богатствъ *).

III. *О замѣнѣ монеты и денегъ кредитными знаками.*

Кредитъ, создавая новыя орудія обращенія, совершенно отличныя отъ денегъ, не только ограничиваетъ ихъ употребленіе и уменьшаетъ издержки мѣны; но также даетъ обращенію другое основаніе. Въ этомъ заключается одна изъ главныхъ причинъ народно-экономическаго значенія кредита.

---

*) Coquelin p. 106 и 353.

Кредитныя орудія обращенія: билеты по банковымъ вкладамъ, облигаціи, акціи, въ особенности же векселя и банковые билеты, замѣняющіе векселя, отличаются отъ другихъ посредниковъ въ мѣнѣ тѣмъ, что они создаются обращеніемъ самыхъ цѣнностей, а не производствомъ, что цѣнность ихъ есть чисто представительная.

Эти особенности кредитныхъ оборотныхъ знаковъ дають имъ важныя преимущества предъ деньгами: 1) они ничего не стоятъ, или по крайней мѣрѣ стоятъ очень мало—и лицу пользующемуся ими, и цѣлому народному хозяйству; 2) обязанные своимъ существованіемъ обращенію, они постоянно находятся въ соотвѣтствіи съ потребностію; 3) вызванныя послѣднею, они существуютъ до тѣхъ поръ, пока кредитная сдѣлка, давшая имъ бытіе, не завершена, пока кредитъ не реализованъ.

Для того, чтобы понять и оцѣнить значеніе кредитныхъ оборотныхъ знаковъ, разсмотримъ какое мѣсто занимаютъ они въ ряду орудій обращенія.

Появленіе денегъ вообще, и въ частности металлическихъ или монеты, представляется совершенно естественнымъ, если обратить вниманіе на препятствія, которыя встрѣчаются при естественной мѣнѣ, и при накопленіи имущества, безъ помощи орудій обращенія. Потребность въ деньгахъ такъ настоятельна, что до тѣхъ поръ, пока монета не сдѣлается главнымъ посредникомъ въ оборотахъ, разные товары, даже предметы не

имѣющіе годности для удовлетворенія потребностямъ, занимаютъ ея мѣсто. Такъ вездѣ, при неразвитомъ состояніи хозяйственныхъ отношеній, для обращенія употребляли куски кожъ, раковины, соль, табакъ, и пр. Но деньги металлическія получили перевѣсъ надъ всѣми другими по причинѣ свойствъ благородныхъ металловъ: рѣдкости, которая обезпечиваетъ ихъ цѣнность; постоянства цѣнности и прочности, которыя дѣлаютъ ихъ хорошимъ залогомъ цѣнности; дѣлимости, которая дѣлаетъ ихъ способными для выраженія большихъ или меньшихъ цѣнъ.

Но, при всѣхъ этихъ достоинствахъ, монета какъ орудіе обращенія, представляетъ важные недостатки:

Во первыхъ—она требуетъ значительныхъ издержекъ. Для того, чтобы обладать этимъ орудіемъ, необходимо пожертвованіе капитала вещественнаго, которое состоитъ въ издержкахъ или на добываніе металловъ, или въ обмѣнѣ произведеній на монету. Но деньги не удовлетворяютъ никакой изъ потребностей частныхъ, они удовлетворяютъ потребности общественной. Монета въ государствѣ есть машина, которая приводитъ имущества въ обращеніе, и такъ: чѣмъ дешевле эта машина, тѣмъ болѣе выиграютъ частныя лица и народное хозяйство. Для того чтобы вымѣнять необходимыя произведенія, частное лицо (точно также какъ и цѣлое народное хозяйство) дѣлаетъ издержку для пріі-

обрѣтенія монеты — оно тратитъ трудъ, капиталъ и силы природы для обладанія этимъ орудіемъ. Для насъ это незамѣтно только потому, что деньги, полученныя нами за вещи, служатъ также и залогомъ, обезпечивающимъ пріобрѣтеніе извѣстной массы цѣнностей, и этотъ характеръ залога часто заставляетъ насъ забывать существенное назначеніе монеты, какъ средства для обмѣна произведеній.

Другой недостатокъ монеты состоитъ въ томъ, что цѣнность ея зависитъ отъ цѣнности вещества, изъ котораго она чеканится. Пока вновь добываемые металлы дешевле монеты, разработка рудниковъ не можетъ прекратиться, и металлы будутъ обращаться въ монету; потому что въ этомъ видѣ они могутъ имѣть сбытъ повсемѣстный, неограниченный. Между тѣмъ пониженіе цѣнности и вещества, изъ котораго сдѣлана монета, и самой монеты можетъ быть вредно для народнаго хозяйства, уменьшая годность металлическихъ денегъ. Въ монетѣ, какъ справедливо замѣтилъ Шитти (Chitti), годность и цѣнность суть понятія тождественныя. Цѣнность вещи предполагаетъ въ ней способность быть предметомъ мѣны, а въ этомъ свойствѣ именно и заключается та польза, которую доставляетъ намъ монета или ея годность. Итакъ: пониженіе цѣнности монеты есть уменьшеніе ея годности.

Дѣйствительно, чѣмъ дешевле монета, тѣмъ болѣе

ея употребляется для совершенія извѣстнаго числа оборотовъ; тѣмъ годность ея менѣе: потому что, какъ орудіе мѣны, она становится болѣе тяжелою и неуклюжею. Вліяніе изобильнаго добыванія металловъ на цѣнность монеты уже было испытано Европою, послѣ открытія Америки и, по свидѣтельству неоспоримыхъ историческихъ фактовъ, произвело сильное экономическое потрясеніе. Однакоже такое увеличеніе количества монеты, независимо отъ потребности въ ней существующей, въ высшей степени ирраціонально. Неизмѣняемость цѣнности денегъ, т. е. соотвѣтствіе ихъ съ потребностію: вотъ свойство, которымъ они должны обладать. Но удовлетворяетъ ли этому требованію монета? Цѣнность ея измѣняется отъ обстоятельствъ случайныхъ; соотвѣтствія между ея количествомъ и потребностію въ орудіяхъ мѣны не существуетъ. Среди промышленнаго потрясенія, вызваннаго въ какомъ либо государствѣ всеобщимъ неурожаемъ, когда и безъ того необходимо пожертвованіе части народнаго капитала (говорю пожертвованіе; потому что для вымѣна хлѣба надо продать другихъ произведеній болѣе, а это возможно только при пониженіи цѣнъ); когда живое, быстрое обращеніе имущества необходимо: монета выходитъ изъ государства; потому что ею всего удобнѣе сдѣлать платежъ, и въ слѣдствіе недостаточности и дороговизны денегъ безпорядокъ экономическій усиливается еще болѣе.

Эти недостатки монеты, какъ орудія обращенія, естественнымъ образомъ должны были заставить экономистовъ вникнуть глубже въ существо и природу денегъ. Родились вопросы: необходимо ли, чтобы деньги чеканились изъ металла, чтобы вещество, изъ котораго онѣ сдѣланы, имѣло цѣнность?

Разсуждая на эту тему, экономисты пришли къ заключенію, что самыя совершенныя деньги должны быть самыя дешевыя, всегда удовлетворяющія существующей въ нихъ потребности, и съ цѣнностію гарантированною. Такихъ свойствъ искали въ деньгахъ бумажныхъ, выпускаемыхъ правительствомъ въ ограниченномъ количествѣ. Слѣдовало только доказать, что цѣнность денегъ независитъ отъ вещества, изъ котораго они сдѣланы; слѣдовало только дать бумажнымъ деньгамъ ту гражданственность, ту всеобщность употребленія, которую имѣетъ монета.

Нельзя не согласиться съ теоретическими основаніями, приводимыми въ пользу положенія, что цѣнность денегъ вообще независитъ отъ вещества, изъ котораго они сдѣланы. На это мы имѣемъ положительныя доказательства: существовали деньги кожанныя, употреблялись какъ деньги раковины, и др. вещи, сами по себѣ неимѣющія годности. Наконецъ, по свидѣтельству одного изъ современныхъ путешественниковъ, Герштеккера—въ Калифорніи краснощекій прусскій талеръ хо-

дитъ за доллеръ, т. е. 90 коп. за 125. Это происходитъ отъ того, что хорошихъ орудій обращенія мало, и цѣнность монеты установливается одною потребностію обращенія, независимо отъ внутренняго достоинства денегъ.

Но обратимся къ доказательствамъ теоретическимъ. Цѣнность каждой вещи (какъ справедливо замѣтилъ Лѐ), зависитъ отъ ея годности и рѣдкости. Цѣнность монеты зависитъ отъ этихъ же самыхъ условій, и благородные металлы, какъ матеріалы для фабрикаціи денегъ имѣютъ только то достоинство, что они гарантируютъ рѣдкость монеты *). Иначе значенія издержки, дѣлаемыя на пріобрѣтеніе денежнаго капитала неимѣютъ. Такимъ образомъ если выпускъ денегъ чѣмъ либо ограниченъ; то чѣмъ менѣе трата капитала обращающагося, для снабженія рынка этимъ товаромъ, тѣмъ болѣе выиграетъ народное хозяйство. По этому, разсматривая понятіе о деньгахъ отвлеченно, мы могли бы сказать, что деньги бумажныя, даже необезпеченныя обмѣномъ на звонкую монету, выпускаемыя правительствомъ соразмѣрно съ потребностію, которой онѣ удовлетворяютъ— деньги самыя совершенныя. Въ нихъ, какъ въ орудіи обращенія, нельзя отрицать годности; онѣ также хорошо могутъ опредѣлять отношенія между цѣнностями какъ

---

*) Впрочемъ мы выдѣли что эта гарантія не всегда надежна.

и монета; гораздо удобнѣе для пересылки, для храненія и т. д.; и если выпускъ ихъ ограниченъ: то самая цѣнность ихъ можетъ быть постояннѣе цѣнности всякихъ другихъ денегъ. Слѣдовательно деньги бумажныя могутъ составлять такой же хорошій залогъ для будущаго обмѣна цѣнностей, какъ и металлическія. То, что въ монетѣ называется valeur intrinsèque — внутренняя цѣнность, стоимость, внутреннее достоинство — зависитъ отъ цѣнности самаго металла, и не составляетъ условія цѣнности денегъ. Это только гарантія противъ чрезмѣрнаго ихъ выпуска. Вещь не потому цѣнна, что она можетъ имѣть нѣсколько назначеній, что матеріалъ, изъ котораго она сдѣлана, можетъ получить разнообразную обдѣлку; но потому, что она годна для удовлетворенія извѣстной потребности. Утверждать, что монета потому имѣетъ цѣнность, что она можетъ быть обращена въ слитки, а потомъ въ домашнюю утварь, имѣющую самостоятельную цѣнность — тоже что утверждать: будто деревянный домъ потому имѣетъ цѣнность, что можетъ быть обращенъ на дрова; что гранитный памятникъ потому имѣетъ цѣнность, что камень можетъ быть употребленъ на фундаментъ дома или на мостовую. Конечно цѣнность можетъ увеличиться, если вещь, при извѣстной обдѣлкѣ, въ одно и тоже время, годна для упортебленій различнаго рода; но деньги метатллическія

не имѣютъ этого свойства. Кусокъ чеканеннаго металла можетъ служить только для обращенія.

Прекрасно доказываетъ эту мысль Шитти *). «Говорятъ что цѣнность монеты зависитъ отъ ея внутренней стоимости (valeur intrinsèque); безъ внутренней стоимости — нѣтъ цѣнности, не можетъ быть монеты. Попробуйте сдѣлать монету изъ кусочковъ глины. Невозможно. Почему? потому, что эти куски не имѣютъ внутренней стоимости. И банковые билеты, хотя они гарантированы капиталомъ банка или кредитными билетами (effets), имѣютъ цѣнность только въ слѣдствіе обѣщанія уплаты монетою, имѣющею внутреннюю стоимость, которой у ней никто не можетъ отнять. Изъ этого выводятъ заключеніе, что только внутренняя стоимость даетъ цѣнность чеканеннымъ кускамъ металла, что только она заставляетъ принимать ихъ какъ монету.

Составимъ себѣ отчетливое понятіе о томъ, что должно разумѣть подъ внутреннею стоимостію? Кажется, что это понятіе означаетъ цѣнность вещества, изъ котораго сдѣлано произведеніе. Если, не смотря на разрушеніе произведенія, или точнѣе, если не смотря на уничтоженіе его годности, вещество, изъ котораго оно сдѣлано, сохраняетъ еще нѣкоторую цѣнность: то говорятъ, что это произведеніе имѣетъ внутреннюю сто-

---

*) Chitti p. 86—86.

имость. И такъ внутренняя стоимость мѣднаго перегонного куба есть цѣнность, которую сохраняетъ мѣдь, даже послѣ того, какъ кубъ перестаетъ быть годнымъ для перегонки. Равнымъ образомъ внутренняя стоимость монеты есть цѣнность, которую она сохраняетъ послѣ сплавленія кусковъ золота и серебра. Напротивъ того— фарфоровая ваза, хронометръ, картина Микель-Анджело не имѣютъ внутренней стоимости, потому что, еслибы эти предметы были разрушены, то не осталось бы ничего цѣннаго, годнаго для обмѣна на другія произведенія. Итакъ внутренняя стоимость, какъ условіе цѣнности вѣщей, — принадлежность случайная. Большая часть произведеній имѣетъ цѣнность, хотя вещество изъ котораго они сдѣланы теряетъ цѣнность въ слѣдъ за уничтоженіемъ ихъ годности. Единственное вліяніе внутренней стоимости состоитъ въ томъ, что цѣнность произведенія, обладающаго этимъ свойствомъ, не можетъ упасть ниже цѣнности матеріала, изъ котораго вещь сдѣлана. Перегонный кубъ никогда не будетъ оцѣниваться ниже цѣнности мѣди, на него употребленной. Равнымъ образомъ золотыя и серебрянныя деньги не будутъ стоить менѣе, нежели золото и серебро, изъ котораго они вычеканены. Но перегонный кубъ и монета имѣютъ свою особую цѣнность—какъ перегонный кубъ, какъ монета—до тѣхъ поръ, пока они сохранятъ свою

годность, пока кубъ будетъ служить для перегонки, монета для оборотовъ.

Однакоже, несмотря на все это, бумажныя деньги невозможны; соглашаясь съ тѣмъ, что внутренняя стоимость монеты не составляетъ безусловной принадлежности денегъ, мы должны замѣтить, что цѣнность денегъ, ничего нестоющихъ, должна быть гарантирована ихъ рѣдкостію — соотвѣтствіемъ ихъ количества съ потребностію. Въ чемъ же будетъ заключаться гарантія цѣнности бумажныхъ денегъ? Какимъ образомъ будетъ установляться равновѣсіе между предложеніемъ и потребностію? Вопросы эти останутся не разрѣшенными, если мы не допустимъ, что только одни правительства будутъ имѣть право выпуска бумажныхъ денегъ, что они будутъ слѣдить за потребностію въ орудіяхъ обращенія, и будутъ выпускать деньги въ количествѣ ограниченномъ, которое обезпечивало бы ихъ цѣнность. Итакъ бумажныхъ денегъ будетъ столько, сколько государствъ, и они никогда не сдѣлаются всеобщимъ орудіемъ обращенія; потому что каждое правительство, руча́сь только за себя, должно, ради интересовъ народнаго благосостоянія, запрещать употребленіе бумажныхъ, иностранныхъ денегъ.

Наконецъ годность денегъ есть чисто общественная, и цѣнность ихъ установляется признаніемъ этой годности въ общежитіи. Введеніе тѣхъ или другихъ ору-

дій обращенія не можетъ быть дѣломъ условія или договора: потому что въ области народнаго хозяйства ни что не дѣлается по предварительному соглашенію, и каждое явленіе составляетъ результатъ причинъ историческихъ. Также точно какъ монета небыла введена въ слѣдствіе взаимнаго соглашенія; также точно и бумажныя деньги не могутъ проникнуть въ обращеніе не только по произволу, но и по договору. Между тѣмъ введеніе бумажныхъ денегъ вмѣсто монеты предполагаетъ договоръ, условіе и при томъ не совершенно свободные.

Лучшимъ подтвержденіемъ нашихъ мыслей могутъ служить мѣры, которыя предложилъ Шитти, для преобразованія денежной системы. Онѣ состоятъ въ слѣдующемъ: 1) выпустить опредѣленное количество бумажныхъ денегъ, соразмѣрно съ цѣнностію обращающейся монеты; 2) назначить сроки, съ которыхъ монета перестаетъ быть законнымъ орудіемъ мѣны, т. е. время, когда вѣрители и должники могутъ отказаться отъ принятія или отъ уплаты долговой суммы монетою; 3) назначить другія сроки для обмѣна монеты на бумажныя деньги и на оборотъ al pari; затѣмъ 4) опредѣлить время, съ котораго бумажныя деньги будутъ обмѣниваться на золото и серебро, съ назначеніемъ ажіо въ пользу денегъ бумажныхъ; 5) наконецъ назначить срокъ для прекращенія обмѣна. Достаточно и этихъ

немногихъ положеній для того, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ насильственна, какъ несправедлива была бы подобная перемѣна. Она насильственна, она несправедлива: потому что обязываетъ частныя лица, принимать деньги бумажныя (не кредитные знаки, обмѣнивающіеся на монету, а цѣнности созданныя монополіею); потому что она требуетъ отъ частныхъ лицъ обмѣна монеты — цѣнности реальной — на деньги, выпущенныя государствомъ по произвольной нарицательной цѣнѣ, зависящей отъ пользованія правомъ выпуска на деньги, цѣнность которыхъ не связана съ цѣнностію оборотовъ вообще.

Недовѣріе, возникшее къ такимъ орудіямъ обращенія, возвысило бы цѣнность произведеній при заказахъ правительства, и могло бы нанести ему огромныя потери. Частныя лица могли бы условливаться между собою относительно того, чѣмъ будетъ произведенъ платежъ, и несмотря на всѣ принудительныя средства, монета снова вошла бы въ обращеніе. Отъ неудавшейся реформы осталось бы одно искуственное потрясеніе. Вынужденный обмѣнъ монеты, заключаетъ въ себѣ не только осужденіе самой системы бумажныхъ денегъ; но также и явную несправедливость противъ частныхъ лицъ. Они гораздо болѣе отдадутъ нежели получатъ.

Хотя внутренняя стоимость не составляетъ необходимой принадлежности орудій обращенія; однакоже монета пріобрѣтена народнымъ трудомъ и составляетъ

результатъ значительнаго матеріальнаго пожертвованія. Частныя лица, обязанныя обмѣнять монету на деньги бумажныя, почти ничего нестоящія въ сравненіи съ ихъ нарицательною цѣнностію, должны отдать ни за что, безъ вознагражденія, капиталъ уцотребленный на добываніе монеты и заключающійся въ ея внутренней стоимости (valeur intrinsèque). Конечно эта внутренняя стоимость не есть необходимое условіе цѣнности денегъ, а случайная форма гарантіи; но все таки она существуетъ какъ цѣнность, принадлежащая владѣльцамъ денегъ. Шитти въ концѣ своей книги довольно наивно опредѣлилъ величину потери, происходящей для частныхъ лицъ, отъ подобной реформы. Въ слѣдствіе преобразованія бельгійской денежной системы, говоритъ онъ, въ казну поступитъ вся монета, находящаяся въ настоящее время въ обращеніи, и которую можно оцѣнить въ 300 милліоновъ франковъ. Белгія нашла бы средство заплатить свои долги и предпринять большія общественныя работы.

Но если бы бумажныя деньги и сдѣлались орудіемъ обращенія; то экономія, достигнутая при помощи ихъ, была бы чисто общественная, а не личная. Производство этихъ денегъ ничего не будетъ стоить для общества; но пользованіе ими, какъ средствами обращенія, будетъ соединено съ большими издержками. Эти деньги будутъ произведеніемъ государственной монополіи, безъ сомнѣнія выгодной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ для об-

щества; но въ тоже самое время возвышающей цѣну орудій обращенія отъ стоимости матеріала — бумаги, до нарицательной цѣнности, по которой бумажныя деньги будутъ выпускаться въ обращеніе. Для пріобрѣтенія денегъ, для пользованія ими, частное лицо по прежнему должно будетъ дѣлать матеріальныя пожертвованія: потому что деньги будутъ имѣть цѣнность самостоятельную, зависящую отъ ограниченнаго предложенія.

Итакъ мы пришли къ тому заключенію, что орудія обращенія безъ внутренней стоимости — самыя лучшія; но въ тоже время мы должны были сознаться въ томъ, что бумажныя деньги, удовлетворяющія одному этому требованію, невозможны. Какимъ же образомъ выйдти изъ этого противорѣчія?

Вопросъ, предложенный нами, давно уже рѣшенъ на практикѣ посредничествомъ кредитныхъ знаковъ — орудій обращенія, сдѣланныхъ изъ бумаги, слѣдовательно самыхъ дешевыхъ; но отличающихся отъ денегъ тѣмъ, что они не нуждаются въ пріобрѣтеніи цѣнности самостоятельной, имѣя значеніе представителей цѣнности. Бумажныя деньги именно потому не могутъ войти въ употребленіе, что имъ стараются придать цѣнность самостоятельную, которую они, если и могутъ получить; то не всегда въ состояніи удержать за собою. Кредитные знаки не нуждаются въ этомъ свойствѣ. Они имѣютъ цѣнность какъ представители реализаціи необходимой,

неизбѣжной, какъ выраженіе требованія дѣйствительнаго, которое необходимо должно быть выполнено.

Одинаковая годность какъ денегъ, такъ и кредитныхъ знаковъ въ оборотахъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ возможности замѣна однихъ другими. Частное лицо цѣнитъ деньги только какъ власть, располагающую капиталами, какъ средство для пріобрѣтенія цѣнностей, личныхъ услугъ, и пр. Такую же власть можетъ передать хорошо обезпеченное требованіе (заемное письмо, вексель, банковый билетъ и пр.) — оно можетъ быть столь же хорошимъ залогомъ для пріобрѣтенія цѣнностей, какъ и деньги металлическія. Поэтому монета и кредитныя требованія, вполнѣ обезпеченныя, находящіяся въ обладаніи частнаго лица, ожидая будущаго употребленія, — будущихъ закупокъ, мало рознятся другъ отъ друга, по значенію, которое имѣютъ для владѣльца. Самая монета имѣетъ характеръ требованія. Лицо, получившее деньги за свои произведенія, не вступаетъ въ непосредственное обладаніе капиталами, въ которыхъ оно нуждается, — или для удовлетворенія своимъ потребностямъ, или для производительныхъ цѣлей: оно получаетъ только средство, для пріобрѣтенія этихъ капиталовъ. Различіе между монетою и кредитными знаками состоитъ въ томъ, что требованія, выраженныя монетою, обезпечиваются цѣнностію матеріала изъ котораго сдѣлана монета; требованіе же, выраженное кредитнымъ зна-

комъ, получаетъ реальность отъ застрахованія, отъ обезпеченія реализаціи кредита; монета выражаетъ власть располагающую извѣстнымъ капиталомъ посредствомъ товара, кредитный знакъ — посредствомъ гарантіи и застрахованія.

Но это различіе касается только монеты и кредитныхъ знаковъ какъ орудій обращенія, разсматриваемыхъ независимо отъ ихъ народно-экономическаго значенія. Въ послѣднемъ отношеніи различіе болѣе рѣзко.

Деньги получаютъ цѣнность отъ годности и отъ рѣдкости, и составляютъ преимущественно результатъ обладанія цѣнностями. Кредитные знаки имѣютъ цѣнность, какъ представители предметовъ мѣны, отданныхъ на кредитъ, реализація которыхъ обезпечена гарантіею и застрахованіемъ; они составляютъ результатъ обращенія имуществъ. Это послѣднее свойство составляетъ ихъ главное, характеристическое отличіе: является потребность въ переходѣ имуществъ — являются тотчасъ и орудія обращенія, состоящія въ кредитныхъ знакахъ. Съ деньгами этого не бываетъ; они должны быть сначала пріобрѣтены, находиться въ обладаніи человѣка. Я хочу сбыть шерсть, отдаю ее на кредитъ, и получаю вексель, который можно обратить въ билеты крупные и мелкіе. Все равно будто бы покупщикъ шерсти самъ уплачиваетъ банковыми билетами. Это орудіе оборотовъ не есть особый видъ накопленнаго капитала въ рукахъ пла-

тельщика; (деньги) но есть результатъ обращенія, вызваннаго кредитомъ. Хозяйственная основа довѣрія—гарантія и застрахованіе поставили въ распоряженіе плательщика билеты, на которые онъ сдѣлалъ покупку на кредитъ.

Такимъ образомъ, благодаря кредиту, переходъ цѣнностей различнаго рода создаетъ орудія обращенія: облигаціи, акціи, векселя, банковые билеты, принимающія денежную оцѣнку, но исключающіе употребленіе денегъ; потому что гораздо выгоднѣе заплатить векселями, билетами и пр., которые сами по себѣ ничего не стоятъ, чѣмъ монетою, или даже бумажными деньгами, которыя можно пріобрѣсть только пожертвованіемъ извѣстнаго капитала. Вотъ еще одна изъ причинъ, которыя заставляютъ полагать, что кредиту предстоитъ въ будущемъ постоянное развитіе; такъ что мѣна, по большей части, будетъ производится на кредитъ. Явленіе это мы можемъ замѣтить уже въ дѣйствительности: платежи обыкновенно производятся не наличностію, но кредитными знаками, выпущенными частными лицами,—или государствомъ, если частный кредитъ недовольно развитъ. Мы можемъ смѣло сказать, что со временемъ большая часть оборотовъ должны не только принять за посредниковъ кредитные знаки; но сдѣлаться чисто кредитными — этого требуетъ естественный успѣхъ народнаго хозяйства. Не только въ отношеніяхъ между промыш-

ленниками; но также между производителями и потребителями, между участниками въ вещественной и духовной дѣятельности мѣна должна сдѣлаться кредитною.

Такимъ образомъ кредитомъ и орудіями обращенія, обязанными ему своимъ происхожденіемъ, достигается болѣе простой, легкій и дешевый обмѣнъ произведеній и личныхъ услугъ. Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ.

Многіе экономисты старались объяснить сравненіемъ легкость перехода цѣнностей посредствомъ кредита. «Монета, которая обращается въ государствѣ, говоритъ Смитъ, и которою распредѣляются между потребителями произведенія земли и труда, составляетъ мертвый капиталъ. Эта драгоцѣнная часть народнаго капитала ничего не производитъ. Хорошо устроенный банкъ, замѣняя бумажными знаками большую часть золота и серебра, даетъ средство обратить значительную часть этого мертваго капитала въ дѣятельный, производительный, который что нибудь произведетъ для страны. Золото и серебро, обращающіяся въ государствѣ, съ полнымъ правомъ можно сравнить съ дорогою, которая служа для перевоза, для доставки хлѣба и припасовъ на рынокъ, сама по себѣ не производитъ ни зерна хлѣба, ни былины травы. Хорошо устроенный банкъ, если только можно употребить эту смѣлую метафору, открываетъ большой воздушный путь, даетъ государству возмож-

ность обратить значительную часть этихъ большихъ дорогъ въ пастбища и въ хорошія пахатныя земли, и увеличить такимъ образомъ въ сильной степени ежегодное количество произведеній своихъ земель и своего труда. Надо однакоже согласиться съ тѣмъ, что хотя торговля и промышленность страны могутъ подняться выше при помощи бумажныхъ денегъ (!); но за то, держась такъ сказать на этихъ крыльяхъ Икара, онѣ движутся не съ такою безопасностію какъ тогда, когда онѣ идутъ по твердому пути золота и серебра» *).

Это блестящее сравненіе, на которое быть можетъ навело Смита чтеніе Лò, развито далѣе Кокленомъ. Выгоды этого воздушнаго пути, по его словамъ, состоятъ не только въ сбереженіи земли, занимаемой дорогою; но главнымъ образомъ, въ отсутствіи тренія. Къ издержкамъ перевоза по нашимъ земнымъ путямъ сообщенія относится не только капиталъ, состоящій въ землѣ употребленной на дорогу, не только капиталъ, иногда очень значительный истраченный на ихъ постройку; но преимущественно расходъ на силу, необходимую для движенія. Чѣмъ болѣе надо будетъ употребить силы, тѣмъ значительнѣе будетъ расходъ, а потребность въ этой силѣ возрастаетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ тренія. Издержки на эту силу такъ велики, что

---

*) Collection des écon. Smith, p. 394.

во всѣхъ новѣйшихъ усовершенствованіяхъ путей сообщенія, уменьшеніе тренія составляло одну изъ главныхъ задачь, которую старались разрѣшить инженеры. На простой неровной дорогѣ, особенно во время грязи, треніе не обыкновенно велико, и необходима огромная движущая сила для того, чтобы одолѣть это препятствіе; треніе менѣе на дорогахъ шоссейныхъ, еще менѣе по каналамъ и желѣзнымъ дорогамъ *).

Треніе по воздушному пути было бы сравнительно почти незамѣтнымъ. Кредитъ, открывая эту новую воздушную дорогу, не только даетъ возможность употребить производительно земли, занимаемыя обыкновенными путями сообщенія; но въ тоже время, уничтожая треніе, уменьшаетъ потребность въ силѣ, необходимой для перевоза и для движенія.

Сущность этого тренія, и уничтоженіе его кредитомъ не были однакоже достаточно и вѣрно объяснены Кокленомъ. Треніе состоитъ въ трудности пользованія денежными орудіями обращенія, въ тѣхъ невыго-

---

*) По свидѣтельству Мишеля Шевалье, для того чтобы везти тягость въ 100 фунтовъ по обыкновенной дорогѣ, необходима сила, равная той, которая можетъ удержать тяжесть отъ 3-хъ до 6 фунтовъ, повѣшенныхъ на нити; для движенія тѣхъ же 100 фунт. по шоссе — необходима сила отъ 2 до $2^{1}/_{2}$ фунт., а по желѣзной дорогѣ— сила равная $^{35}/_{100}$ фунта, т. е. $^{1}/_{15}$ силы необходимой для движенія по по обыкновенной дорогѣ.

дахъ, которыя представляютъ ихъ цѣнность, тяжело-вѣсность, и пр.

Мы можемъ дополнить этотъ рядъ сравненій. Кредитъ не только проводитъ воздушный путь, не только уничтожаетъ треніе, неизбѣжное при денежныхъ оборотахъ; но, вытѣсняя деньги изъ обращенія, онъ замѣняетъ тяжелыя, дорогія и неуклюжія повозки, на которыхъ доставлялись произведенія — монету, крыльями Икара, бумажными кредитными знаками. Но главное дѣло состоитъ въ силѣ, которая движетъ ими. Эта сила пробуждается кредитомъ въ самой цѣнности, которая ищетъ сбыта или перемѣщенія; эта сила возникаетъ сама собою, при извѣстныхъ условіяхъ, при извѣстномъ порядкѣ хозяйственныхъ отношеній. Словомъ посредствомъ кредита достигается то, что въ обыкновенномъ перевозѣ произведеній, состояло бы въ движеніи товара посредствомъ его собственной тяжести, въ которой пробуждается эта движущая сила, въ слѣдствіе того, что тяжесть поставлена въ извѣстное отношеніе къ другимъ механическимъ силамъ природы.

Послѣ всего сказаннаго нами, слѣдуетъ ли опасаться чрезмѣрнаго умноженія кредитныхъ знаковъ и упадка ихъ цѣнности, если только кредитныя учрежденія имѣютъ раціональную основу? Возникая изъ обращенія, соотвѣтствуя запросу, могутъ ли банковыя билеты превышать потребность и понизиться въ цѣнѣ? При хоро-

шемъ устройствѣ кредита, векселя, возникающіе изъ мнимыхъ сдѣлокъ, становятся почти невозможными; потому что при учетѣ, банкъ потребовалъ бы слишкомъ большой преміи застрахованія. Несостоятельность банковъ рѣдко бываетъ результатомъ чрезмѣрнаго выпуска банковыхъ билетовъ, замѣняющихъ векселя, и частныхъ банкротствъ; а скорѣе — слѣдствіемъ часто не выполнимаго обѣщанія уплачивать монетою банковые билеты по предъявленію, и слѣдствіемъ выпуска банковыхъ билетовъ (уплачиваемыхъ монетою по предъявленію) подъ залогъ акцій и облигацій, допускающихъ медленное погашеніе. Обѣщая немедленную монетную реализацію своихъ билетовъ (выпущенныхъ подъ учетъ векселей, или подъ залогъ акцій), банкъ, по какой то непонятной близорукости, принимаетъ на себя неисполнимое обязательство. Не имѣя собственнаго капитала, онъ обѣщаетъ реализацію, которая должна послѣдовать черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, или даже черезъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и вовсе не будетъ имѣть мѣста, по крайней мѣрѣ въ формѣ капитала обращающагося. Конечно банкъ при этомъ извлекаетъ для себя огромныя выгоды: выпуская билеты подъ залогъ публичныхъ фондовъ, онъ присваиваетъ себѣ доходы съ капиталовъ затраченныхъ, и доставляетъ возможность располагать капиталами свободными, которыхъ онъ не имѣетъ. Но справедливо ли это?

Несмотря на всѣ злоупотребленія, чрезмѣрное умноженіе кредитныхъ знаковъ составляетъ рѣдкое исключеніе, если только выпускъ ихъ имѣетъ хозяйственную основу. Въ странахъ европейскихъ, гдѣ наиболѣе развитъ кредитъ, какъ напр. въ Шотландіи, количество банковыхъ билетовъ совсѣмъ не велико: въ 1826 г. ихъ обращалось на 3,309,082 фунт. стер., и монеты на 500 тыс. фунт. стер. Въ Англіи находится въ обращеніи банковыхъ билетовъ на 750 мил. франковъ, и монеты на такую же сумму.

Изслѣдованія Carey'a, приведенныя у г. Коклена, доказываютъ, что причины паденія цѣнности кредитныхъ знаковъ въ Сѣверной Америкѣ заключались скорѣе въ неустройствѣ кредитной системы, чѣмъ въ шаткой хозяйственной основѣ кредита. Лучшею повѣркою прочности кредита могутъ служить потери, понесенныя банками отъ несостоятельности частныхъ лицъ, и понесенныя частными лицами отъ несостоятельности банковъ. Такія потери для банковъ американскихъ составляли: 0— въ Начезѣ, $^1/_{100}\%$ въ Родъ-Эйлендѣ, и вообще рѣдко выше 1%, съ капитала составлявшаго предметъ операцій въ теченіи года *). Убытки, причиненные частнымъ лицамъ отъ несостоятельности банковъ, столь же ничтожны. Для миссисипскихъ банковъ они составляли въ періодъ вре-

*) Coquelin p. 378 и слѣд.

мени отъ 1811 до 1836 года $^{2}/_{1000}$ % на сумму оборотовъ. Вообще, въ девяти западныхъ штатахъ сумма потерь не превышала $^{1}/_{400}$ % на сумму оборотовъ или одного доллера на 40,000, или $^{1}/_{2}$% относительно банковыхъ капиталовъ. На югѣ и на востокѣ, гдѣ населеніе менѣе сжато и обороты не такъ велики, убытки гораздо значительнѣе *).

Мы не отвергаемъ, что послѣднія цифры представляютъ данныя довольно отвлеченныя. Потеря была бы не велика для частныхъ лицъ, если бы она распредѣлялась пропорціонально между всѣми пользовавшимися посредничествомъ банка; но на дѣлѣ она падала только на тѣхъ, которыя имѣли съ банкомъ счеты, во время его несостоятельности. Тѣмъ не менѣе эти данныя убѣждаютъ насъ въ томъ, что причины паденія цѣнности кредитныхъ знаковъ должно искать въ методѣ банковой реализаціи, въ замѣнѣ публичными фондами банковыхъ билетовъ, а не въ какомъ то неизбѣжномъ умноженіи кредитныхъ знаковъ, въ слѣдствіе распространенія кредита.

---

*) Coquelin p. 387 и слѣд.

ГЛАВА IV.

Исторія теоретическихъ изслѣдованій о кредитѣ.

Понятіе о сущности кредита и его экономическомъ значеніи установились не вдругъ; мы можемъ слѣдить за образованіемъ ихъ въ исторіи изслѣдованій о кредитѣ.

Теорія кредита развивалась подъ вліяніемъ двухъ главныхъ обстоятельствъ: во 1-хъ основныхъ идей, господствовавшей экономической школы; во 2-хъ подъ вліяніемъ дѣятельности, существовавшихъ кредитныхъ учрежденій.

Первую, болѣе полную теорію мы находимъ въ эпоху господства меркантилизма; въ ней преобладаетъ идея государственно-экономическая; къ представителямъ этого направленія относятся Ло и Пинто. Реакцію противъ меркантилизма составляютъ школы свободы промышленности, въ которыхъ за основу экономическаго устройства принимается частный интересъ, ничѣмъ нестѣсненный въ обнаруженіи своей дѣятельности. Но Смитъ, и первые его послѣдователи, въ теоріи кредита немогли отрѣшиться отъ государственно-экономическаго взгляда;

мы находимъ его: и въ отвлеченно-идеальномъ направленіи Прайса и графа Мордвинова, и въ направленіи реальномъ — Смита, Рикардо, отчасти Сисмонди, Рау, Лотца, и др. Въ послѣднемъ направленіи за основу оцѣнки кредита — принимается дѣятельность существующихъ кредитныхъ учрежденій; фактъ очень часто разсматривается какъ отвлеченный принципъ. Наконецъ, нѣкоторые изъ послѣдователей Смита (въ особенности Шторхъ и Коклень) вносятъ въ теорію кредита основныя идеи смитовой школы — начала частнаго интереса и свободы промышленности, и стараются развить общія положенія болѣе раціональнымъ образомъ. Между тѣмъ, недостатки экономическаго порядка, основаннаго на началахъ неограниченной свободы промышленности, вызываютъ съ одной стороны скептическій, все отрицающій анализъ Сисмонди; съ другой — попытку Цѣшковскаго построить систему кредита на началахъ зиждущихъ, а не отрицательныхъ. Система Цѣшковскаго имѣетъ тоже значеніе въ теоріи кредита, какое занимаетъ протекціонизмъ въ торговой политикѣ.

Мы указали на главные моменты въ исторіи изслѣдованій о кридитѣ, обратимся къ изложенію болѣе подробному; въ немъ представится намъ съ большою ясностію, какъ послѣдовательно и логически изъ одного направленія развивалось другое.

I. *Меркантильное направленіе Ло и Пинто.*

Государственно-экономическое начало, составлявшее основу хозяйственнаго устройства въ началѣ новой исторіи, отразилось въ сочиненіяхъ меркантилистовъ. Государство утвердилось преобладаніемъ надъ анархіею феодальною, и надъ стремленіемъ общинъ къ изолированной самостоятельной жизни. Оно одно сколько нибудь связывало разрозненные частные интересы, и поэтому естественно было видѣть основу хозяйственной дѣятельности въ государственно-экономическомъ покровительствѣ, а не въ усиліяхъ и стремленіяхъ частныхъ лицъ, не доросшихъ до промышленной самостоятельности. Всѣ обширныя хозяйственныя предпріятія и положительныя постановленія XVI, XVII и даже отчасти XVIII вѣка: привиллегированныя торговыя и промышленныя компаніи, системы таможенныхъ пошлинъ, колоніи, законы о мореплаваніи, и пр. имѣютъ одинъ и тотъ же государственный характеръ. Въ связи съ этимъ господствующимъ началомъ, развилась въ наукѣ экономической мысль о деньгахъ — или какъ о богатствѣ по преимуществу, или какъ о главномъ средствѣ для увеличенія богатства и благосостоянія, ускореніемъ оборотовъ. Но во время Ло предразсудки въ пользу денегъ металлическихъ исчезли; поэтому выпускъ кредитныхъ знаковъ представился ему лучшимъ средствомъ для увеличенія количества орудій обращенія.

Каждое государство, по мнѣнію Лò, должно имѣть извѣстное количество денегъ, пропорціональное народонаселенію. Тамъ, гдѣ денегъ мало, издаются законы для того, чтобы облегчить ихъ обращеніе, и поощрить подданныхъ къ труду и торговлѣ; но это имѣетъ обыкновенно малый успѣхъ. Милліонъ можетъ занять въ производствѣ число народа, соотвѣтствующее этой суммѣ; но одна и таже монета неможетъ служить въ различныхъ мѣстахъ въ одно и тоже время, и такъ: необходимо большее количество монеты, для того чтобы занять большее число людей *).

Для того чтобы обезпечить снабженіе внутренняго рынка деньгами, и отвратить вредныя послѣдствія невыгоднаго торговаго баланса, который влечетъ за собою огромныя потери для народнаго хозяйства, — Лò предлагаетъ замѣнить деньги металлическія бумажными, гарантированными землею. Такія деньги, обладая всѣми свойствами, которыми условливается ихъ годность, будутъ имѣть преимущество предъ другими. Цѣнность земли болѣе обезпечена, нежели цѣнность другихъ предметовъ: потому что количество земли всегда остается одно и тоже, и земля не можетъ потерять своего употребленія, подобно прочимъ произведеніямъ, которыя могутъ замѣнить другъ друга. Въ самомъ дѣлѣ всякая вещь есть

---

*) Law. Collection des économistes. p. 549.

произведеніе земли, и дѣйствительно, какого бы рода ни были добываемыя произведенія, земля должна сохранить свою цѣнность. Цѣнность бумажныхъ денегъ, обезпеченныхъ землею, не будетъ измѣняться подобно цѣнности монеты; потому что количество такихъ денегъ будетъ соотвѣтствовать запросу *). Деньги бумажныя должны быть выпускаемы: или подъ залогъ земледѣльческихъ имѣній, или въ видѣ платы за земли, уступаемыя правительству, въ рукахъ котораго находится кредитная система **). Такимъ образомъ съ понятіемъ о бумажной денежной системѣ соединялась темная, неразвитая идея о государственной экономіи, поглощающей частную. Наконецъ, отъ предположенія къ предположенію, Ло приходитъ къ основанію денежной системы на цѣнности земледѣльческихъ произведеній ***).

Съ этими понятіями о деньгахъ тѣсно связана у Ло теорія кредита. Кредитъ, по его мнѣнію, создается билетами, гарантированными землею, или, какъ Ло доказывалъ въ послѣдствіи, производительными силами государства.

Для того чтобы дать занятіе работникамъ, говоритъ онъ, для того чтобы они имѣли возможность тру-

---

*) Ib. p. 528—529.

**) Ib. p. 524.

***) Ib. 533.

диться на кредитъ, необходимо, чтобы кредитъ обладалъ достаточнымъ количествомъ орудій обращенія. Въ этой гипотезѣ кредитъ есть монета, и имѣетъ одинаковое съ нею вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю торговлю *). Но вся монета (точно также какъ и пути сообщенія) принадлежитъ государству для того, чтобы составлять достояніе всѣхъ и каждаго. Государство имѣетъ право установлять пользованіе монетою, возвышать и понижать ея цѣнность, согласно съ потребностями общества или торговли; замѣнять монету билетами,— одни пути другими, болѣе выгодными для государства. До тѣхъ поръ, пока монета носитъ изображеніе государя, или штемпель государственный, лица, которыя прячутъ такія деньги (разсматривая ихъ однакоже какъ орудіе обращенія) могутъ быть принуждены отдать ихъ: потому что не дѣлаютъ изъ монеты употребленія, для котораго она предназначена **). Такимъ образомъ, какъ выпускъ монеты, такъ и кредитныхъ знаковъ принадлежитъ правительству, и только одинъ государь можетъ имѣть истинный кредитъ; кредитъ частныхъ купцовъ не болѣе какъ тѣнь кредита государственнаго ***).

Государство пользуется кредитомъ, предоставляя

---

*) Ib. 472

**) Ib. p. 663—675.

***) Ib. p. 637. p. 652—653.

его промышленной компаніи, въ которой сосредоточиваются мало по малу кредитные знаки всѣхъ частныхъ лицъ. Въ государствѣ образуется одно общество купцовъ, котораго кассу составляетъ королевскій банкъ. Банкъ этотъ есть сердце, куда притекаетъ вся монета для того, чтобы возвратиться снова въ обращеніе. Тѣ, которые хотѣли бы удержать деньги у себя, походятъ на оконечности тѣла, задерживающія движеніе крови, оживляющей и питающей организмъ; они вскорѣ уничтожили бы начало жизни въ сердцѣ, въ другихъ частяхъ тѣла и въ себѣ. Деньги принадлежатъ частному человѣку только потому, что они даютъ ему средство удовлетворить его потребностямъ, его желаніемъ, затѣмъ употребленіе денегъ принадлежитъ обществу, и частное лицо не можетъ лишить этого права своихъ согражданъ, не сдѣлавъ несправедливости общественной, государственнаго преступленія *).

Вотъ основныя теоретическія понятія Лò. Въ практическомъ примѣненіи, они получили слѣдующую форму.

Государство доставляетъ частнымъ лицамъ пользованіе кредитомъ, посредствомъ продажи акцій промышленныхъ компаній, и дѣлаетъ ихъ такимъ образомъ участниками въ обширныхъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ. Этой цѣли Лò старался достичь учрежденіемъ Банка

---

*) Ib. p. 656.

Королевскаго и Компаніи Западной (Compagnie d'Occident), въ составъ которой вошли въ послѣдствіи другія промышленныя компаніи: Сенегальская, Китайская, Восточной Индіи, и образовали съ ней одно цѣлое, подъ названіемъ Индѣйской. Компанія эта, для поддержанія своего кредита, взяла на себя откупа по сбору нѣкоторыхъ государственныхъ доходовъ. Но акціи представляли только затраченный капиталъ, онѣ не были орудіями обращенія, которыя приводили бы въ движеніе и акціи, и другія богатства. Эти орудія состояли въ кредитныхъ знакахъ — въ билетахъ, цѣнность которыхъ обезпечивалась гарантіею самыхъ акцій. По крайней мѣрѣ мы должны допустить это заключеніе, принимая въ соображеніе сказанное Лò о билетахъ, обезпеченныхъ землею, которымъ онъ отдаетъ преимущество предъ монетою.

Итакъ Лò допускалъ два разряда кредитныхъ знаковъ: акціи и билеты. Ему казалось, что ни тѣ, ни другіе не нуждаются въ обмѣнѣ на монету. Акціи по его мнѣнію суть капиталы въ собственномъ смыслѣ, слѣдовательно: желаніе реализировать ихъ въ формѣ монеты столь же безсмысленно, какъ и желаніе обратить въ наличныя металлическія деньги всѣ строенія, находящіяся въ Парижѣ, или земли цѣлой Франціи. Для первой цѣли было бы недостаточно всей французской монеты; для второй — золота перуанскихъ рудниковъ. Этими доказательствами Лò старался остановить всеобщее стремленіе

къ обмѣну акцій на монету обнаружившееся уже во время упадка его системы. Что касается втораго разряда кредитныхъ знаковъ — билетовъ; то, считая ихъ тождественными съ монетою, гарантированными огромною массою производительныхъ силъ, Ло не могъ допустить паденія ихъ цѣнности. Государство, по его мнѣнію, имѣетъ право и возможность замѣнить ими монету, и этимъ путемъ оно увеличиваетъ общественное благосостояніе, доставляя занятіе труду. Но всего замѣчательнѣе тѣ практическіе результаты, которыхъ надѣялся достичь Ло примѣненіемъ своей системы. Смѣшивая орудія обращенія съ капиталомъ, онъ надѣялся понизить процентъ, не посредствомъ закона положительнаго; но изобиліемъ орудій обращенія созданныхъ кредитомъ *). По его мнѣнію высокій процентъ, или иначе дороговизна денегъ, есть вѣрный признакъ что государство бѣднѣетъ. Желательно, говоритъ онъ, чтобы деньги доставались даромъ **); система дѣйствительно привела къ этой цѣли, потому что никто не чувствуетъ нужды занимать деньги: они сдѣлались столь обильными, обращеніе ихъ столь легкимъ, что пріобрѣтеніе ихъ ничего не стоитъ. Между тѣмъ капиталисты ничего не потеряли: потому

---

*) Ib. p. 622. 630.

**) Ib. p. 651.

что государь предоставилъ имъ въ торговлѣ источникъ богатства болѣе вѣрный, чѣмъ капитальная рента *).

Вотъ главныя мысли Ло о деньгахъ, о кредитѣ и объ экономическомъ значеніи послѣдняго. Меркантильныя начала, подъ вліяніемъ которыхъ писалъ Ло, блестящіе парадоксы, придуманные имъ для защиты своей системы, нерѣдко сталкиваются у него возвышенною и свѣтлою идеею. По этому въ сочиненіяхъ его можно найдти множество противорѣчій: то ясный и вѣрный взглядъ на деньги и на капиталъ, то отчетливый перечень условій кредита, то сбивчивое смѣшеніе понятій и меркантилистическій софизмъ.

Для того чтобы обличить ложную сторону его теоріи, слѣдуетъ подвергнуть анализу основное хозяйственное начало меркантильной системы — мысль объ увеличеніи богатства оживленнымъ обращеніемъ имуществъ, посредствомъ умноженія орудій обращенія. Но быстрота обращенія не зависитъ — ни отъ количества денегъ, ни отъ количества кредитныхъ билетовъ. Большее число оборотовъ, при одинаковой быстротѣ обращенія, можетъ родить потребность въ большемъ количествѣ денегъ, кредитныхъ бумагъ, и пр.; но не на оборотъ. Цѣль и назначеніе орудій обращенія состоитъ въ совершеніи операціи мѣны, слѣдовательно скорость, съ которою со-

---

*) Ib. p. 669—670.

вершается мѣна, составляетъ главную причину большаго или меньшаго запроса на деньги. Быстрота оборотовъ зависитъ не отъ количества денегъ и кредитныхъ знаковъ, а—во первыхъ отъ внѣшнихъ матеріальныхъ условій, напр. отъ хорошихъ путей сообщенія, отъ легкости пользованія ими, и пр.; во вторыхъ—отъ условій, заключающихся въ самомъ существѣ хозяйственныхъ отношеній: отъ свободы промышленности, отъ величины и быстроты сбыта, который соразмѣряется съ величиною доходовъ потребителей, т. е.: съ результатами, достигаемыми каждымъ участникомъ въ производствѣ. Кредитъ, какъ видъ мѣны, имѣетъ великое, неоспоримое вліяніе на доходы и на сбытъ; но безъ сомнѣнія кредитные знаки могутъ быть разсматриваемы не какъ источникъ этого вліянія, а какъ одно внѣшнее означеніе уже совершившейся сдѣлки.

Равнымъ образомъ и быстрое обращеніе не творитъ еще ни богатства, ни благосостоянія. Какъ часто обращеніе бываетъ безплоднымъ и состоитъ въ одномъ перемѣщеніи имущества безъ хозяйственной цѣли. Обращеніе, вызванное ажіотажемъ во время господства Системы, служитъ лучшимъ доказательствомъ этой истины. Равнымъ образомъ, и во множествѣ другихъ случаевъ, число и значительность оборотовъ не могутъ быть приняты за признакъ обогащенія.

Итакъ мысль Лò объ ускореніи обращенія и уве-

личеніи богатства, посредствомъ выпуска билетовъ обезпеченныхъ землею, или даже производительными силами государства, лишены основанія. Но заблужденія его простираются далѣе; онъ смѣшиваетъ съ деньгами, придуманные имъ кредитные знаки, неимѣющіе достаточной гарантіи, и разсматриваетъ ихъ какъ средство для пониженія %. Однакоже деньги и кредитные знаки не одно и тоже, — деньги имѣютъ цѣнность самостоятельную, зависящую отъ годности ихъ въ обращеніи; цѣнность же кредитныхъ знаковъ зависитъ отъ гарантіи и застрахованія. Гарантируя билеты землею, Ло незамѣтилъ, что цѣнность послѣдней зависитъ отъ массы капиталовъ обращающихся — чѣмъ изобильнѣе послѣдніе, тѣмъ земля дороже и на оборотъ: слѣдовательно земля есть одна изъ самыхъ ненадежныхъ гарантій для билетовъ, потому что цѣнность ея непостоянна. Если за основу выпуска билетовъ принять цѣну земли, выраженную самими билетами; то безсомнѣнія выпускъ послѣднихъ не будетъ имѣть никакихъ границъ. Съ увеличеніемъ количества билетовъ, цѣна земли будетъ непрерывно возрастать, и можетъ служить поводомъ къ новымъ выпускамъ, которые могутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока монета не вступитъ въ соперничество съ билетами, не доведетъ ихъ цѣнность до нуля, и не вытѣснитъ ихъ изъ обращенія. Постоянное возвышеніе цѣнности акцій было,

какъ кажется, причиною почему Лò рѣшился на такое неограниченное умноженіе кредитныхъ знаковъ.

Разсматривая проценты, какъ плату за пользованіе деньгами (или кредитными билетами), которая умень-шается вмѣстѣ съ изобиліемъ орудій обращенія, Лò забывалъ, что деньги занимаются не для денегъ, а для пріобрѣтенія капитала; что процентъ за пользованіе ими есть плата за пользованіе капиталомъ, которымъ рас-полагаетъ эта власть. Искуственное умноженіе орудій обращенія, которыхъ нельзя даже назвать деньгами, не увеличиваетъ предложенія капиталовъ, а потому не можетъ ни понизить процентовъ, ни предоставить большей власти на имущества; власть эта ограничена количествомъ цѣнностей, которыя могутъ подлежать ея распоряженію. Правда, что внезапное изобиліе кредит-ныхъ знаковъ, имѣющихъ свойства денегъ до тѣхъ поръ, пока цѣнность ихъ будетъ совпадать вмѣстѣ съ цѣнностію монеты, производитъ кратковременное пони-женіе процентовъ; легкость пріобрѣтенія власти, распо-лагающей богатствомъ, рождаетъ дешевизну пользованія ею; но это не можетъ продолжаться долго: съ одной стороны возвышеніе цѣнъ произведеній, съ другой па-деніе цѣнности кредитныхъ знаковъ относительно монеты, возстановляютъ немедленно прежній процентъ.

Въ противуположность этимъ невѣрнымъ понятіямъ о деньгахъ, кредитныхъ знакахъ и о капиталѣ, мы на-

ходимъ у Ло совершенно здравыя идеи — и объ отношеніи орудій обращенія къ капиталу, и объ увеличеніи количества денегъ. «Истинныя богатства говоритъ онъ, въ одномъ мѣстѣ *) состоятъ въ жизненныхъ припасахъ и товарахъ. Золото, серебро, мѣдь, билеты, раковины, употребляемыя на нѣкоторыхъ берегахъ Африки, не болѣе какъ представительныя богатства — знаки, служащіе для передачи богатствъ реальныхъ». Потомъ, въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія, онъ замѣчаетъ, что монета, со времени открытія Америки, понизилась въ цѣнѣ; потому что предложеніе превышало запросъ, и совѣтуетъ введеніе кредитныхъ билетовъ, обезпеченныхъ землею — именно потому, что цѣнность ихъ будетъ возрастать. Какъ согласить эти мысли съ желаніемъ изобилія денегъ, съ мечтою объ ихъ дешевизнѣ?

Другое важное заблужденіе Ло состояло въ томъ, что онъ принялъ за кредитъ его внѣшнее означеніе, и, отождествляя кредитные знаки съ монетою, смотрѣлъ на государство, выпускающее орудіе обращенія, какъ на источникъ кредита. Подъ вліяніемъ этихъ понятій, всѣ хозяйственныя отношенія представляются ему въ извращенномъ видѣ. Кредитъ перестаетъ быть частною сдѣлкою, возникающею изъ промышленной дѣятельности частнаго лица — онъ дѣлается мѣрою административною. Ору-

*) Ib. p. 673.

дія обращенія, выпущенныя правительствомъ для содѣйствія общественному благу, даютъ государству неограниченное право распоряжаться ими, даже и тогда когда они вошли въ составъ частнаго имущества,—требовать употребленія ихъ, хотя бы частное лицо того не желало.—Однимъ словомъ, частный интересъ является совершенно безправнымъ предъ общественною цѣлію, предположенною финансовою администраціею.

Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы смотрѣть на орудія обращенія, какъ на результатъ потребности, создаваемой мѣною между частными лицами,—на кредитные знаки, какъ на результатъ мѣны по довѣрію къ будущему вознагражденію; Ло видитъ въ нихъ средство для того, чтобы вызвать мѣну, ускорить обращеніе, увеличить дешевизну капитала, усилить производство. Вмѣсто того, чтобы искать гарантіи для кредитныхъ знаковъ въ трудѣ и имуществѣ частныхъ лицъ, въ частномъ хозяйствѣ; онъ ищетъ этой гарантіи въ той власти, которая принадлежитъ государству на частное имущество и на трудъ народный; вмѣсто того чтобы основывать благосостояніе и могущество общества на хозяйственной дѣятельности частныхъ лицъ, и искать средствъ для обогащенія государства въ оживленіи частной промышленности, въ пробужденіи энергіи труда и другихъ экономическихъ силъ, подъ вліяніемъ частныхъ интересовъ, связанныхъ между собою обоюдными выго-

дами: Лò ищетъ ихъ въ дѣятельности государственной. И на ряду съ этимъ ложнымъ государственно-экономическимъ взглядомъ, мы находимъ исчисленіе дѣйствительныхъ условій, отъ которыхъ зависитъ кредитъ *) — ясныя понятія о его строго-реальномъ, частно-экономическомъ основаніи.

Лò принялъ за основу своей системы единство интересовъ всѣхъ акціонеровъ и владѣльцевъ билетовъ, обезпечивая цѣнность послѣднихъ не одною землею; но производительными силами государства. Идея блестящая; но какъ приведена она въ исполненіе! Кредитные знаки обязаны существованіемъ не дѣйствительнымъ хозяйственнымъ сдѣлкамъ, а одной дѣятельности типографскихъ станковъ; капиталы, вырученные продажею акцій, не составляли собственности промышленнаго товарищества, или обезпечивающаго фонда, а орудіе операцій финансовыхъ. Акціи выпускались въ обращеніе, гарантія для нихъ пріискивалась въ послѣдствіи, и состояла не въ дѣйствительномъ производствѣ, а въ откупномъ содержаніи доходовъ государственныхъ. Какое жалкое средство, какая смѣшная мистификація! Государство само брало въ откупное содержаніе собственные доходы! Въ хозяйственномъ отношеніи компаніи Западная и другія были ми-

---

*) Ib. p. 658.

ражемъ чудесъ Миссисипи, обольстившимъ воображеніе спекуляторовъ улицы Кенканпуа.

Идея Лò тогда только имѣла бы смыслъ, если бы промышленныя компаніи, образованныя имъ, были или результатомъ частной предпріимчивости, или покрайней мѣрѣ были бы основаны на ней; если бы онѣ, возникая подъ защитою правительства, были бы результатомъ сознанія дѣйствительныхъ промышленныхъ выгодъ и хозяйственнаго разсчета; если бы цѣнность акцій обезпечивалась на дѣлѣ плодотворною дѣятельностію труда. Недостатокъ гарантіи для акцій и билетовъ, отсутствіе вещественной реализаціи кредитныхъ знаковъ — вызвали естественное стремленіе къ реализаціи въ формѣ монетной. Напрасно Лò доказывалъ, что акціи составляютъ дѣйствительное богатство, что всеобщее стремленіе обратить ихъ въ металлическія деньги также безсмысленно, какъ желаніе обратить всѣ парижскіе домы въ монетный фондъ; акціонеры поняли, что ихъ требованія совершенно безнадежны. Съ паденіемъ цѣнности акцій, безъ сомнѣнія должна была упасть и цѣнность билетовъ; но, и независимо отъ этой причины, увеличеніе числа билетовъ быстро уменьшало ихъ годность, между тѣмъ какъ годность монеты, основанная на рѣдкости, оставалась одна и таже. Это обстоятельство должно было вызвать обмѣнъ билетовъ на монету, что по номинальной цѣнѣ было рѣшительно невозможно; по-

тому что общая цѣнность билетовъ далеко превышала цѣнность металлическихъ денегъ на всемъ земномъ шарѣ.

Лò не исчерпалъ экономическаго значенія кредита, съ точки зрѣнія меркантилизма. Логичность этой системы требовала, чтобы государство само явилось творцомъ частнаго богатства и частныхъ доходовъ; эту роль даетъ ему Пинто. Уже Лò замѣтилъ, что выпущенныя имъ акціи составляютъ богатство реальное, —Пинто развиваетъ эту мысль.

По его мнѣнію, такъ называемые публичные фонды: облигаціи государственныхъ займовъ, банковыя акціи, акціи привиллегированныхъ компаній, и пр.; но въ особенности облигаціи государственныхъ займовъ, принадлежатъ къ числу дѣйствительныхъ богатствъ: отвергать эту истину тоже, что утверждать будто хлѣбъ и вода единственныя имущества, — все же остальное условная роскошь. Золото и серебро не доставляютъ никакихъ вещественныхъ и дѣйствительныхъ выгодъ въ сравненіи съ публичными фондами, которые увеличиваютъ количество денегъ обращеніемъ, и представляютъ ихъ посредствомъ кредита *). Фонды, по мнѣнію автора, созданы потребностію обращенія — когда деньгамъ надо было дать большее число представителей, когда деньги сдѣ-

---

*) Traité de la circulation et du crédit. Стр. 155—163.

лались слишкомъ изобильными, слишкомъ обыкновенными послѣ открытія Америки. Фонды даютъ возможность вбирать и выжимать деньги какъ губка *). Главная выгода, доставляемая фондами, состоитъ въ томъ, что они приводятъ деньги и кредитные билеты, замѣняющіе деньги, въ быстрѣйшее обращеніе, и поэтому ихъ можно только отчасти разсматривать какъ деньги, роль которыхъ они исполняютъ въ оборотахъ **). Тѣмъ не менѣе публичные фонды не составляютъ денегъ въ собственномъ смыслѣ; но увеличиваютъ ихъ числительное количество (augmentent le numéraire): они составляютъ какъ бы недвижимое имущество, подобно землѣ или дому, и приносятъ проценты, не требуя ни починки, ни обработки. Проценты эти не истребляются; подобно плодамъ земли они вѣчны неразрушаемы и умножаются въ рукахъ, чрезъ которыя проходятъ, помощію кредита и обращенія ***). Подати, которыя взымаются правительствомъ, для платежа процентовъ, возвращаются снова народу: это какъ будто переходъ имущества изъ правой руки въ лѣвую. Государство возвращаетъ народу, взятыя съ него подати, и новое распредѣленіе не уменьшаетъ выгодъ, доставляемыхъ совокупностію дохода ****). Магическая сила

---

*) Тамъ же стр. 59.

**) Тамъ же стр. 148.

***) Тамъ же стр. 47, 48 и 155.

****) Тамъ же стр. 60.

кредита и обращенія создаетъ эти богатства постепенно, при помощи одной и той же суммы денегъ *). Вотъ почему издерживаются въ Парижѣ и Лондонѣ суммы, которыя превышаютъ всѣ деньги, находящіеся въ Европѣ; вотъ почему правительство можетъ взымать столько податей, не раззоряя народа. Кредитъ и обращеніе все умножаютъ, оживляютъ, приводятъ въ дѣйствіе, оплодотворяютъ, производятъ, воспроизводятъ **).

Посредствомъ каждаго займа, по которому платежъ процентовъ надлежащимъ образомъ обезпеченъ, правительство создаетъ новый искуственный капиталъ ***), почти несуществующій для него (потому что капиталъ этотъ не можетъ быть потребованъ обратно) и, въ тоже время, очень полезный для частныхъ лицъ, обогащенныхъ этимъ капиталомъ ****).

Творческая сила кредита заключается какъ бы въ немъ самомъ. Государство заняло 12 милліоновъ у подданныхъ; издержавъ ихъ оно обогатило частныхъ лицъ, которыя снова могутъ дать въ заемъ. Такимъ образомъ: 1) государственные займы увеличиваютъ числительное

---

*) Тамъ же стр. 47 и 48.

**) Tout se multiplie, se vivifie, agit, enfante, produit, se reproduit par le crédit et la circulation.

***) Тамъ же стр. 44.

****) Тамъ же стр. 104.

количество денегъ *); 2) государственные займы дѣлаются одними и тѣми же деньгами; 3) старые займы облегчаютъ заключеніе новыхъ; 4) займы обогащаютъ государство **). Безъ публичныхъ фондовъ 130 мил. числительнаго денежнаго капитала были бы потеряны для Англіи. Въ чемъ состоялъ бы этотъ капиталъ? Въ земляхъ ли, въ корабляхъ и торговлѣ; но цѣнность земель, мореплаваніе и торговля не могутъ увеличиться безъ увеличенія населенія.

Однакоже, для поддержанія цѣнности фондовъ, авторъ считаетъ необходимымъ и ажіотажъ, въ которомъ онъ видитъ жизнь обращенія, возможность сбывать свои фонды, пріобрѣтать новые по желанію, и помощь при новыхъ займахъ. Далѣе, онъ полагаетъ, что самый выпускъ фондовъ долженъ быть ограниченъ, съ одной стороны ради количества платимыхъ процентовъ, взымаемыхъ въ видѣ податей; съ другой—массою фондовъ; которые могутъ находиться въ обращеніи, не подвергаясь колебанію въ своей цѣнности. Послѣднее происходитъ не столько отъ недостатка кредита, сколько отъ измѣненія отношеній между запросомъ и предложеніемъ. Количество фондовъ можетъ превышать деньги въ три

---

*) Этимъ выраженіемъ можно, покрайней мѣрѣ отчасти, передать понятіе, которое соединяетъ авторъ съ словомъ numéraire.

**) Тамъ же стр. 45.

раза; но тѣмъ не менѣе есть граница, которую нельзя переступить. Публичные фонды—это осуществленная алхимія, но ненадо разбивать атанара. Для того чтобы опредѣлить границу для выпуска фондовъ надобно обращать вниманіе: 1) на массу золота и серебра, прибывающаго и выходящаго изъ государства; 2) на распространеніе торговли; 3) на народонаселеніе и земледѣліе, которыя составляютъ естественную силу каждаго государства. Наконецъ авторъ считаетъ необходимымъ учрежденіе погасительной кассы, дѣйствующей на уменьшеніе долговъ накопленіемъ сложныхъ процентовъ, для того чтобы имѣть возможность дѣлать долги во время войны и въ случаѣ крайности. Однакоже извѣстное количество долга всегда должно быть сохранено *).

Обратимся теперь къ разбору мыслей Пинто о кредитѣ. Это рядъ самыхъ грубыхъ софизмовъ и парадоксовъ, между которыми только изрѣдка проглядываетъ свѣтлая мысль.

Публичные фонды несоставляютъ богатства сами по себѣ, а должны быть разсматриваемы какъ представители цѣнностей съ гарантіею, болѣе или мѣнѣе надежною, приносящіе доходъ вѣрителю, затратившему свой капиталъ. Это становится очевиднымъ, если обратимъ вниманіе на то, что облигаціи государственныхъ зай-

---

*) Тамъ же стр. 67—70, 96.

мовъ, акціи, и пр. только передаютъ цѣнности въ руки правительства, компаній частныхъ лицъ и пр., (и если имѣютъ цѣнность, то потому только, что или реализація ихъ возможна, или, что переданный ими капиталъ затраченъ и доставляетъ доходъ); что публичные фонды, неимѣющіе никакой гарантіи, не болѣе какъ мнимое богатство, которое легко можетъ обратиться въ нуль;— богатство, отъ котораго останутся одни представительные знаки, неимѣющіе другой цѣнности, кромѣ цѣнности матеріала, изъ котораго они приготовлены. На это есть замѣчательный намекъ у самаго Пинто, когда онъ называетъ фонды публичные капиталомъ, несуществующимъ для должника; но которымъ обогатились кредиторы. Слѣдовало бы сказать противное, что должникъ обогатился капиталомъ, а кредиторъ получилъ только право на проценты съ переданнаго капитала. Капиталъ можно только въ томъ случаѣ назвать достояніемъ кредитора, когда гарантія кредита надежна. Собственно владѣлецъ публичныхъ фондовъ не пріобрѣлъ новыхъ богатствъ, а только надежду на производительное употребленіе, или реализацію своего капитала.

Видѣть въ кредитѣ магическую, воспроизводящую силу; утверждать, что займы облегчаютъ займы, — все это парадоксы, которые теряютъ смыслъ, если мы обратимъ вниманіе на капиталы, находящіеся въ обращеніи, а не на деньги — орудіе обращенія; если припомнимъ,

что деньги занимаются не ради денегъ, а ради капиталовъ, которые поставляются деньгами въ распоряженіе лица дѣлающаго заемъ; что чрезмѣрное потребленіе, неизбѣжное при займахъ непроизводительныхъ, уменьшая капиталы, лишитъ возвожности занимать. Деньги, возвращающіеся отъ должника въ руки кредитора, когда первый дѣлаетъ у втораго закупку произведеній, не могутъ быть снова отданы въ заемъ тѣмъ же лицомъ: потому что оно нуждается въ этихъ деньгахъ, какъ въ средствахъ, служащихъ для пріобрѣтенія вещей, удовлетворяющихъ его потребностямъ. Отдавая деньги, оно отдавало бы средства пропитанія. Итакъ одинъ заемъ не-только не облегчаетъ другой; но дѣлаетъ его невозможнымъ. Равнымъ образомъ и доходъ, доставляемый фондами, уплачивается или изъ податей, или изъ доходовъ банка, или другаго установленія.

Доходъ этотъ составляетъ плодъ производительности труда и капитала, а не производительности акціи или облигаціи. Если производство прійдетъ въ упадокъ— этотъ доходъ, который Пинто называетъ неизмѣннымъ, вѣчнымъ сдѣлается ничтожнымъ. Но Пинто отрицаетъ значеніе производительной дѣятельности труда и допускаетъ, что праздный человѣкъ доставляетъ пользу народному хозяйству.

Онъ говоритъ, что платя проценты по облигаціямъ государственныхъ займовъ, государство возвращаетъ част-

нымъ лицамъ одною рукою то, что оно беретъ у нихъ другою въ видѣ податей. Неговоря о томъ, что лица, платящія подать и получающія % съ облигацій, не одни и тѣже (а фактъ распредѣленія имѣетъ огромное вліяніе на богатство и благосостояніе народа); мы должны замѣтить, что здѣсь не одно простое возвращеніе платимой подати. Допустимъ, что владѣлецъ фонда и плательщикъ подати одно и тоже лицо. Владѣлецъ фонда передалъ капиталъ и получилъ облигацію; онъ долженъ имѣть другой капиталъ, для того чтобы платить подать, которая возвращается ему какъ процентъ за первый капиталъ. Въ какой степени онъ выйграетъ отъ передачи капитала посредствомъ кредита—это зависитъ отъ хозяйственнаго употребленія займа. Легко можетъ случиться, что заемъ, сдѣланный у владѣльца фондовъ, доставитъ важныя выгоды и государственному хозяйству, и самому кредитору; но доходъ, получаемый съ облигаціи, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваемъ какъ произведеніе самаго фонда, а какъ плодъ труда, полученный при содѣйствіи другихъ производительныхъ капиталовъ.

Сквозь тьму софизмовъ проглядываетъ иногда у Пинто свѣтъ не вполнѣ сознанной имъ идеи. Такъ напр. удачнымъ образнымъ выраженіемъ: «фонды вбираютъ и выжимаютъ деньги какъ губка», указываетъ онъ на возможность превращенія капитала затраченнаго въ сво-

бодный; но развитіе этой мысли и окончательный выводъ оставлены имъ въ сторонѣ.

Лò и Пинто, восполняя другъ друга, представляютъ намъ полную теорію кредита съ меркантильной точки зрѣнія. Ихъ мысли нашли отголосокъ у большей части современныхъ экономистовъ: у Мелона, Дюто, Дженовези, и другихъ.

Мелонъ, который писалъ послѣ Лò, говоритъ: «единственное различіе между монетою и кредитомъ состоитъ въ томъ, что монета основана на всеобщемъ соглашеніи, кредитъ на соглашеніи болѣе ограниченномъ *). Основу кредита составляетъ довѣріе, образующееся въ публичныхъ сдѣлкахъ. Вмѣстѣ съ кредитомъ является изобиліе денегъ и другихъ орудій обращенія; даже кредитные знаки, близкіе къ погашенію, замѣняютъ монету. Государственные займы, по словамъ Мелона, обогащаютъ государство, это долгъ правой руки лѣвой **).

Дюто ограничивается однимъ повтореніемъ мыслей Лò ***).

Теоретическія изслѣдованія меркантилистовъ о кредитѣ имѣютъ всѣ признаки юношескаго возраста науки; они проникнуты искреннимъ вѣрованіемъ въ чудесное,

---

*) Coll. des écon. Mélon. p. 781.

**) Ib. p. 801—802.

***) Coll. des écon. Dutôt. p. 905 **и слѣд.**

въ магическую силу кредита. Мелонъ, разсказывая исторію Системы Лò въ формѣ аллегоріи, называетъ индѣйскую компанію Панимой, дочерью брамина Эльнаи (Лò), посвященной въ тайныя науки. Панима дѣлается супругою Ауренко, князя Формозскаго (Регента), она начертываетъ нѣсколько магическихъ словъ и богатства притекаютъ въ изобиліи. По словамъ Пинто, кредитъ есть осуществленная алхимія.

II. *Школа свободы промышленности и частнаго интереса.*

Идея государственно-экономическая, понимаемая слишкомъ отвлеченно, немогла не разойтись съ идеею частнаго интереса и благосостоянія, основаннаго на личномъ трудѣ. Доведенная до крайности, она впадала въ противорѣчіе съ послѣдними. То, что казалось выгоднымъ для государства, считали закономъ для частныхъ лицъ, хотя бы отдѣльные интересы и самое государство могли дѣйствительно пострадать. Понятіе о государствѣ въ меркантилизмѣ, не возвысилось до сознанія единства выгодъ всѣхъ и каждаго.

Въ слѣдствіе этого, въ наукѣ обнаружилась сильная реакція противъ предъидущаго направленія. Физіократы перенесли идею о богатствѣ въ самую противуположную сферу. Меркантилисты понимали его въ кон-

кретной формѣ—въ видѣ силы, располагающей капиталами, въ деньгахъ и другихъ орудіяхъ обращенія; физіократы искали его въ сырыхъ земледѣльческихъ произведеніяхъ; первые видѣли причину народнаго богатства и довольства въ оживленномъ обращеніи, произведенномъ изобиліемъ денегъ и кредитныхъ знаковъ; вторые въ успѣхахъ земледѣльческой промышленности. Меркантилизмъ держался начала государственно-экономическаго, и полагалъ его въ основу устройства народнаго хозяйства; напротивъ того физіократизмъ превозгласилъ начало свободы промышленности, правда еще неразвитое вполнѣ и раціонально; но прямо противуположное предъидущему.

У Смита одностороннее понятіе физіократовъ о богатствѣ является въ очищенной формѣ: богатство состоитъ въ изобиліи всѣхъ произведеній годныхъ для удовлетворенія потребностямъ человѣка, въ капиталѣ вообще, а не въ однихъ деньгахъ или въ земледѣльческихъ произведеніяхъ. Главный источникъ богатства и благосостоянія—трудъ человѣка. Въ основаніе экономическаго устройства полагается частный интересъ и его свободное обнаруженіе.

Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ понятій, теорія кредита должна была перейти изъ сферы государственно-экономической въ частно-экономическую, изъ области денегъ и орудій обращенія, въ область капитала и труда.

Но этотъ переходъ совершился довольно медленно, — прежнее направленіе изчезло не вдругъ; оно обнаружилось въ утопической теоріи Прайса и графа Мордвинова, въ реально описательной — Смита и большей части его послѣдователей. Только въ настоящее время удалось г. Коклену выработать теорію кредита въ духѣ началъ свободы промышленности и частнаго интереса.

1. Прайсъ, графъ Мордвиновъ.

Ло мечталъ о дешевизнѣ капитала; но въ тоже время разсматривалъ акціи Индѣйской компаніи, какъ дѣйствительныя богатства. Пинто, увлеченный этимъ мнимымъ открытіемъ, развиваетъ его до крайнихъ послѣдствій. Доходность публичныхъ фондовъ представляется ему, какъ источникъ обогащенія для частныхъ лицъ. Такимъ образомъ проложенъ былъ путь къ теоріи накопленія капиталовъ посредствомъ процентовъ. Хотя Смитъ, и большая часть экономистовъ конца XVIII и начала XIX вѣка признавали трудъ главнымъ источникомъ богатствъ; но дѣятельность труда была поставлена въ совершенную зависимость отъ накопленія капитала — основная идея школы была затемнена, и не могла войти въ сознаніе.

Въ это время, когда государственные займы достигли значительнаго развитія, когда въ теоріи капиталъ занялъ почетное мѣсто, и когда признавали безусловно

его доходность; тогда естественно было придти къ убѣжденію, что капиталы возрастаютъ отъ накопленія сложныхъ процентовъ, т. е. отъ постояннаго присоединенія процентовъ къ первоначальному фонду. Эта мысль нашла поборниковъ въ лицѣ Прайса и графа Мордвинова. Мы займемся разборомъ сочиненія послѣдняго автора; потому что онъ преимущественно имѣетъ въ виду народно-экономическое значеніе кредита.

Побуждаемый благороднымъ, патріотическимъ чувствомъ, графъ Мордвиновъ смотрѣлъ на кредитъ какъ на средство не только для оживленія обращенія капиталовъ; но также и для содѣйствія промышленности, и для реформы всей финансовой системы. Авторъ надѣялся достичь этихъ результатовъ, образовать капиталы при помощи накопленія сложныхъ процентовъ *). Доходъ съ одного изъ этихъ капиталовъ долженъ былъ служить для замѣна податей; доходъ съ другаго для покрытія военныхъ издержекъ; особые капиталы предназначались для споспѣшествованія отдѣльнымъ отраслямъ производства. Назначивъ ежегодный сборъ по одному милліону въ теченіи 50 лѣтъ, и полагая доходъ съ капиталовъ въ 10% мы получимъ, по прошествіи

---

*) Адмирала Мордвинова. Разсужденіе о пользахъ, могущихъ послѣдовать отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ. 1824. 30—31.

означеннаго времени, 1,281,301,813 р.—капиталъ, образовавшійся отъ ежегодныхъ вкладовъ, и отъ накопленія сложныхъ процентовъ. По истеченіи 60 лѣтъ капиталъ возрастаетъ до 3,339,305,319, а доходъ имъ приносимый, до 333,930,513. Этимъ доходомъ, по мнѣнію автора, можетъ быть замѣнена сложная податная система, и будетъ достаточно одной всеобщей подати съ доходовъ *). Такимъ же образомъ, увеличивая государственныя подати однимъ процентомъ на 48 лѣтъ, и, полагая общую сумму доходовъ въ 300 мил., получимъ, въ теченіи 48 лѣтъ, по 3 мил. ежегодно, что составитъ, посредствомъ накопленія сложныхъ процентовъ, полагая по 10% со ста, капиталъ въ 3,171,754,490 руб., дающій 317,157,449 р. дохода. Капиталъ этотъ авторъ называетъ военнымъ; доходы съ него, въ мирное время, должны быть обращаемы на внутреннее благоустройство и на огражденіе безопасности государства; во время войны—на содержаніе войска **).

Затѣмъ слѣдуетъ предложеніе образовать капиталы, для различныхъ промышленныхъ цѣлей. Мы сдѣлаемъ только нѣсколько замѣчаній объ обоихъ, приведенныхъ нами вычисленіяхъ.

Неотвергая прекрасной цѣли, которую имѣлъ въ

---

*) Ib. стр. 30. 31.

**) Тамъ же стр. 40 и 41.

виду авторъ, мы однакоже сомнѣваемся въ возможности и въ пользѣ накопленія такихъ огромныхъ капиталовъ. Припомнимъ, что они образуются не сами собою, посредствомъ сложныхъ процентовъ, а при содѣйствіи труда: поэтому накопленіе нѣсколькихъ тысячъ милліоновъ рублей предполагаетъ колосальную производительность, которая едвали гдѣ существовала. Десять процентовъ огромный доходъ, который указываетъ на недостатокъ капиталовъ, на запросъ, превышающій существующее предложеніе. Но если капиталы изобильны; то предложеніе увеличится, и проценты понизятся до 4% и до 3%. Одно только монопольное обладаніе капиталами, на дѣлѣ невыполнимое, могло бы удержать высокій ростъ; но въ такомъ случаѣ всѣ накопившіеся капиталы не нашли бы для себя употребленія. Чѣмъ болѣе будетъ получаться процентовъ; тѣмъ возрастаніе капиталовъ будетъ медленнѣе, и слѣдовательно, въ теченіи 50 или 60 лѣтъ; мы никогда не получимъ огромныхъ суммъ, на которыя разсчитывалъ авторъ.

Кромѣ того раждается вопросъ: доставляетъ ли накопленіе нѣсколькихъ тысячъ милліоновъ въ рукахъ правительства существенныя народно-экономическія и финансовыя выгоды, или нѣтъ? На это можно отвѣтить рѣшительно — нѣтъ. Сосредоточеніе въ рукахъ правительства средствъ, которыми располагаетъ кредитъ, не доставляетъ никакой пользы народному хозяйству. Четыре

милліона, взымаемые ежегодно въ видѣ налога, оставаясь въ рукахъ частныхъ лицъ, могли бы содѣйствовать возрастанію народнаго богатства, и доставили бы подданнымъ бо̀льшія средства для платежа податей.

Въ финансовомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что проценты съ капитала не могутъ обезпечить удовлетворенія государственнымъ потребностямъ: иногда расходы государственные увеличиваются очень быстро, такъ, что въ теченіи 10, 15 лѣтъ они возрастаютъ $^1/_3$ и даже $^1/_2$. Со временемъ доходъ съ капитала сдѣлается ничтожнымъ въ сравненіи съ общею суммою расходовъ; или же необходимо будетъ принять мѣры къ накопленію новыхъ капиталовъ, вводя новые налоги — мѣры, которыя едвали будутъ достигать своей цѣли: потому что увеличеніе капитала (доходы съ котораго должны замѣнить подати) сдѣлается постоянною необходимостію. Если, для покрытія государственныхъ расходовъ въ 300 милліоновъ руб. сер., существовалъ капиталъ въ 3,000 милліоновъ; то, при увеличеніи расходовъ $^1/_2$, необходимо будетъ имѣть капиталъ въ 4500 милліоновъ. Образовавъ этотъ капиталъ посредствомъ налоговъ и сбереженія сложныхъ процентовъ, быть можетъ, правительство снова будетъ постановлено въ необходимость накоплять новые капиталы, и все это, на счетъ увеличенія массы частныхъ богатствъ.

Такія понятія могли развиться только подъ вліяніемъ

отвлеченнаго государственно-экономическаго взгляда на народное хозяйство. Съ частно-экономической точки зрѣнія надо было допустить потребленіе доходовъ, доставляемыхъ капиталами, и разсматривать увеличеніе послѣднихъ, какъ результатъ производительной дѣятельности человѣка, а не накопленія сложныхъ процентовъ. Поэтому Прайсъ ограничился изслѣдованіями о погашеніи государственныхъ долговъ; поэтому графъ Мордвиновъ говоритъ о государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, понимаемыхъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, а не о частныхъ, хотя и употребляетъ послѣдній терминъ. Теорія кредита, въ лицѣ этихъ писателей, сдѣлала большой шагъ: она полагала обогащеніе государства не въ выпускѣ фондовъ, а въ накопленіи капиталовъ. Утопическое воззрѣніе происходитъ отъ того, что капиталъ разсматривается какъ что-то отдѣльное, независимое отъ силы, которая его образуетъ, какъ элементъ самостоятельный, растущій самъ собою.

2. *Смитъ и его послѣдователи.*

Мы изложили теорію сложныхъ процентовъ прежде другихъ теорій кредита, образовавшихся въ школѣ свободы промышленности; потому что въ ней рѣзче проявляются слѣды государственно-экономическаго направленія. Обратимся теперь къ Смиту и къ его послѣдователямъ.

По словамъ Смита, деньги не входятъ въ составъ народнаго дохода *) (слѣдовало бы сказать не составляютъ предмета частнаго потребленія). Это машина, которая приводитъ имущества въ обращеніе. Банковые билеты, обмѣниваемые на монету по предъявленію, доставляютъ возможность сдѣлать большое сбереженіе въ народномъ хозяйствѣ, замѣняя дорогія металлическія деньги бумажными, почти ничего нестоющими. Этотъ замѣнъ возможенъ потому, что обращеніе, въ извѣстный моментъ времени, нуждается въ опредѣленномъ количествѣ монеты (или, какъ точнѣе выразился Рикардо, въ опредѣленной монетной цѣнности), напр. въ одномъ милліонѣ; сумма денегъ, превышающая этотъ милліонъ, будетъ вытѣсняться изъ обращенія. Такимъ образомъ, въ слѣдствіе выпуска банковыхъ билетовъ, часть монеты вывозится за границу, и обращается въ вещественный капиталъ, усиливающій производительную дѣятельность внутри государства. Но, чѣмъ болѣе банкъ выпускаетъ билетовъ, чѣмъ болѣе монеты выходитъ за границу; тѣмъ труднѣе становится удовлетворять немедленному обмѣну билетовъ на металлическія деньги, а требованіе это будетъ возрастать по мѣрѣ увеличенія количества билетовъ: потому что, при избыткѣ, послѣдніе вытѣсняются изъ обращенія. Это обстоятельство при-

---

*) Coll. des écon. Smith. T. I. p. 352.

водитъ Смита къ изслѣдованіямъ о томъ: какъ далеко можетъ простираться выпускъ банковыхъ билетовъ, и какъ велики могутъ быть банковые ссуды? Банкъ, по мнѣнію его, не можетъ дать въ ссуду ни всего капитала, находящагося въ оборотѣ у негоціанта, ни даже значительной части этого капитала; а только ту наличность, которую купецъ хранитъ безъ употребленія, для удовлетворенія случайнымъ требованіямъ. Если бумажныя деньги, отданныя банкомъ въ ссуду, не превышаютъ этой суммы; то онѣ не будутъ превышать и количества золота и серебра, необходимаго для обращенія имуществъ въ государствѣ, слѣдовательно: онѣ не будутъ превышать того количества денегъ, которое можетъ быть поглощено и употреблено въ дѣло внутреннимъ обращеніемъ. Подобнаго рода употребленіе банковыхъ билетовъ, Смитъ видитъ въ учетѣ векселей, возникшихъ изъ дѣйствительныхъ сдѣлокъ, или въ простой ссудѣ, въ случаѣ открытаго кредита (comte courant, credit à découvert). Въ томъ и другомъ случаѣ, банкъ избавляетъ негоціанта отъ необходимости хранить извѣстную сумму монеты для встрѣчающихся уплатъ.

Ограничивая этимъ дѣятельность и услуги кредитныхъ учрежденій, Смитъ полагаетъ, что банки не могутъ дѣлать ссудъ на долгое время, и въ особенности для образованія капиталовъ постоянныхъ; заемъ для по-

слѣдней цѣли долженъ быть частнымъ гипотекарнымъ. Чрезмѣрный выпускъ банковыхъ билетовъ и банковые кризисы происходятъ, по его мнѣнію, отъ того, что банки содѣйствуютъ часто предпріятіямъ рисковымъ, принимаютъ къ учету векселя, возникающіе изъ сдѣлокъ мнимыхъ, и даютъ землевладѣльцамъ ссуды, которыя не скоро могутъ быть возвращены. Для того, чтобы ограничить употребленіе банковыхъ билетовъ, согласно съ началами своей теоріи, Смитъ совѣтуетъ выпускать одни крупные билеты, хотя бы частныя лица предпочитали мелкіе. Тогда банковые билеты будутъ въ обращеніи только между большими негоціантами, и замѣнятъ тотъ капиталъ, который каждый изъ нихъ долженъ хранить у себя въ наличности, безъ употребленія. Такимъ образомъ Смитъ приходитъ къ ограниченію частнаго интереса и его свободнаго проявленія, и оправдываетъ себя въ настоящемъ случаѣ общественною пользою. Этотъ же взглядъ на банки и банковые билеты мы находимъ у Сисмонди (Richesse commerciale), у Лотца, отчасти у Сэ, Шторха, и др.

Мысль о банкѣ, какъ о посредникѣ между вѣрителями и кредиторами, была чужда Смиту; онъ отвергаетъ ее потому, что банкъ имѣетъ менѣе возможности нежели частныя лица, составить себѣ вѣрное понятіе о состояніи должниковъ. Въ статьѣ: «о капиталахъ отдаваемыхъ на проценты», Смитъ говоритъ, что при займѣ занима-

ются не деньги, а произведенія, которыя можно купить на деньги; слѣдовательно процентъ, платимый за пользованіе капиталами, не зависитъ отъ изобилія денегъ. Количество капиталовъ, которые могутъ быть отданы въ заемъ, т. е. такихъ, которыхъ владѣльцы нехотятъ сами употребить въ производствѣ, возрастаетъ вмѣстѣ съ количествомъ капиталовъ вообще. Такимъ образомъ Смитъ не приписываетъ народно-экономическаго значенія переходу капиталовъ на кредитъ. Эта мысль высказана положительнѣе Рикардо, Сисмонди, Сэ, и другими. Займы, сдѣланные для содержанія производительнаго труда, говоритъ Сисмонди *), не дѣлаютъ націи ни болѣе бѣдною, ни болѣе богатою. Это часть богатства движимаго, которая мѣняя лицо, завѣдывающее ею, не мѣняетъ ни владѣльца, ни назначенія: потому что каждый капиталистъ, подъ опасеніемъ потери своего капитала, употребляетъ его, и поддерживаетъ производительную дѣятельность труда. Также точно смотритъ и Сэ на передачу капитала. Кредитъ, по его словамъ, не увеличиваетъ богатства потому, что между тѣмъ какъ одно лицо занимаетъ капиталъ и получаетъ его въ пользованіе,— другое отдаетъ въ заемъ эту цѣнность, и лишается возможности употребить ее производительно.

При анализѣ хозяйственныхъ отношеній, возникаю-

---

*) De la richesse commerciale. T. I. p. 175. 1803.

щихъ изъ кредита, Смитъ не доходитъ до крайнихъ выводовъ изъ невѣрныхъ началъ. Послѣдователи его развивали, по большей части, ложныя стороны его теоріи. Такъ напр. Рикардо совершенно отрицаетъ пользу и народно-экономическое значеніе кредита. Отдавая преимущество бумажнымъ деньгамъ, онъ говоритъ, что въ интересѣ національномъ безразлично: сдѣланъ ли выпускъ такихъ денегъ банкомъ или правительствомъ; но для частныхъ лицъ выгоднѣе, если бумажныя деньги выпущены послѣднимъ; потому что банкъ взымаетъ за свои билеты проценты, которыхъ правительство нетребуетъ *).

Пониженіе процентовъ въ банковыхъ ссудахъ, продолжаетъ Рикардо, не доставляетъ никакихъ народно-экономическихъ выгодъ. Цѣнность каждой вещи зависитъ отъ высшей суммы издержекъ, которыя долженъ сдѣлать производитель, наименѣе благопріятствуемый въ промышленности. Это же самое можно сказать и о процентахъ вообще; они соображаются не съ банковыми, а съ прибылью, которую можно извлечь изъ капиталовъ. Банкъ же неможетъ увеличить количества народнаго капитала, который состоитъ изъ сырыхъ произведеній, машинъ, жизненныхъ припасовъ, кораблей, и пр.

---

*) D. Ricardo. Des principes de l'économie politique et de l'impôt. Traduit par Constancio. 1835. p. 266.

Онъ можетъ только понизить процентъ для тѣхъ милліоновъ, которые самъ раздаетъ въ заемъ. Слѣдовательно: онъ доставляетъ большую прибыль единственно тѣмъ лицамъ, которыя у него занимаютъ; между тѣмъ какъ потребители ничего невыигрываютъ; потому что цѣна произведеній зависитъ отъ суммы наибольшихъ издержекъ, необходимыхъ для производства.

Если бы правительство выпустило бумажныя деньги, и не приняло къ учету ни одного векселя, недало въ заемъ ни одного шиллинга: то въ объемѣ торговыхъ оборотовъ не произошло бы ни малѣйшаго измѣненія; потому что количество сырыхъ произведеній, машинъ, и т. д. осталось бы одно и тоже. Правда нельзя былобы занимать деньги по 5%, а только по 6, 7 и по 8%, въ слѣдствіе свободнаго соперничества; но въ этомъ, по мнѣнію Рикардо (какъ мы выдѣли выше), нѣтъ никакой особенной невыгоды. Что сказали бы, говоритъ онъ, о заведеніи, которое доставляло бы половинѣ суконныхъ фабрикантовъ шерсть по цѣнѣ ниже рыночной? Такую роль принимаютъ на себя банки *).

Германскіе экономисты: Рау, Лотцъ и нѣкоторые другіе заходятъ еще далѣе въ отрицаніи пользы кредита. Кредитъ, по мнѣнію Рау, имѣетъ естественные, назначенные для него предѣлы, переступивъ ихъ, онъ

*) Ib. p. 268—269.

влечетъ за собою непроизводительное потребленіе. По словамъ Лотца, кредитъ опирается или на несуществующихъ цѣнностяхъ, или, по крайней мѣрѣ, на непоступившихъ въ обороты; поэтому онъ не можетъ привести имущества въ столь быстрое обращеніе какъ деньги *). Пользованіе кредитомъ обходится дороже потому, что вѣритель требуетъ вознагражденія, и чѣмъ менѣе обезпечено исполненіе условій, тѣмъ дороже кредитъ. Поэтому покупка за вексель дешевле, чѣмъ заемъ гипотекарный; между гипотекарными займами, заемъ подъ ручной залогъ дешевле, обезпеченнаго недвижимымъ имуществомъ. Дороже всего заемъ подъ простую росписку или на вѣру **).

Во второмъ томѣ, говоря о банкахъ и банковыхъ билетахъ, Лотцъ, на перекоръ всему сказанному имъ о кредитѣ, утверждаетъ, что банковые билеты имѣютъ то преимущество предъ деньгами, что они легкоподвижнѣе, облегчаютъ счетъ и уменьшаютъ потребность въ монетномъ капиталѣ, допускаютъ обращеніе его въ капиталъ вещественный.

Какъ ни рѣзко отличались отъ меркантилизма начала, развитыя школою Смита, однакоже въ теоріи кредита они не проявляются такъ ярко и сознательно

---

*) Lotz. Handbuch der Staatswirthschaftslehre. 1837. T. I. p. 411.

**) Ib. p. 415

какъ въ другихъ частяхъ науки: начало свободы промышленности подчинено ограниченіямъ; въ дѣлахъ народнаго хозяйства допускается прямое участіе государства; даже частный интересъ не составляетъ единственной основы порядка экономическаго. Положительный и свѣтлый умъ Смита не могъ смѣшать орудій обращенія съ капиталами,—видѣть въ умноженіи первыхъ причину пониженія процентовъ и распространенія народнаго благосостоянія; но въ тоже время Смитъ, а равнымъ образомъ и многіе изъ его послѣдователей, не могли возвыситься до сознанія сущности кредита и той живой связи, которая существуетъ между отдачею капитала на кредитъ, и внѣшнимъ означеніемъ этой сдѣлки, посредствомъ различнаго рода кредитныхъ знаковъ. Отъ этого происходитъ полумеркантильный взглядъ на банковые билеты, какъ на представителей монеты, какъ на особый видъ *денегъ*. Смитъ высоко цѣнитъ трудъ человѣка и накопленіе капиталовъ; но не приписываетъ особаго значенія переходу капиталовъ изъ рукъ въ руки, по довѣрію къ будущему вознагражденію. Онъ не замѣтилъ, что кредитъ образуетъ соединеніе обѣихъ хозяйственныхъ силъ, наиболѣе содѣйствующее ихъ производительности. Наконецъ, разсматривая кредитные знаки какъ бумажныя деньги, переходъ капиталовъ на кредитъ или заемъ, какъ что-то отдѣльное отъ банковыхъ операцій, Смитъ, Сэ и другіе излагаютъ теорію кредита не въ

стройной системѣ, а по частямъ, въ различныхъ статьяхъ, гдѣ дѣло идетъ о деньгахъ, о процентахъ приносимыхъ капиталами, о займахъ и пр. Даже, и въ послѣдствіи, когда явилось опредѣленіе кредита, выраженное однимъ словомъ — *довѣріе*, и тогда изложеніе не представляло лучшаго порядка, а опредѣленіе не заключало въ себѣ охватывающей связи.

Указавъ вообще на недостатки теоріи кредита, изложенной Смитомъ и его послѣдователями, займемся разборомъ ея главныхъ положеній, и разсмотримъ: какъ подъ вліяніемъ началъ теоретическихъ образовались ложныя понятія объ экономическомъ значеніи этого вида мѣны.

Смитъ не раздѣляетъ ложной мысли меркантилистовъ на счетъ выгодъ, доставляемыхъ умноженіемъ орудій обращенія; но впадаетъ въ другія заблужденія. Допуская потребность въ какомъ то нормальномъ количествѣ денегъ, онъ смотритъ на банковые билеты какъ на средство, для замѣна извѣстной части монетнаго капитала, необходимаго для обращенія, бумажными деньгами, ничего не стоющими; но цѣнность которыхъ обезпечена обмѣномъ на монету. Хотя потребность въ орудіяхъ обращенія въ извѣстное время, въ извѣстной странѣ, можетъ быть довольно однообразною; однакоже едвали она заключена въ такія неподвижныя границы, какъ полагалъ Смитъ, особенно если значительные обороты

совершаются на кредитъ. Упадокъ кредита увеличиваетъ потребность въ орудіяхъ обращенія, преимущественно въ монетѣ; и на оборотъ, при цвѣтущемъ состояніи кредита, трансферты, взаимные счеты, и т. д. уменьшаютъ нужду въ прежнемъ количествѣ орудій обращенія.

Гораздо важнѣе то, что Смитъ, а въ слѣдъ за нимъ другіе экономисты, не проводятъ строгаго различія между деньгами и банковыми билетами, и смотрятъ на послѣдніе какъ на бумажныя деньги. Такая сбивчивость понятій образовалась и укоренилась въ слѣдствіе ложнаго пониманія дѣйствительности. На дѣлѣ банковые билеты, обмѣниваемые на монету по предъявленію, имѣли значеніе денегъ; и этотъ фактъ несовершеннаго устройства былъ принятъ экономистами за существенную принадлежность кредита. Но банковые билеты съ такими свойствами должны непремѣнно войти въ столкновеніе съ металлическимъ обращеніемъ, особенно если выпускъ ихъ не основанъ на строго раціональныхъ началахъ, и если за реализаціею кредита не слѣдуетъ ихъ уничтоженіе. Если они остаются въ обращеніи, между тѣмъ какъ металлы притекаютъ въ банкъ или въ видѣ вкладовъ, или въ видѣ платежей, что очень понятно; потому что каждый предпочитатель монетѣ банковые билеты съ денежнымъ характеромъ: то легко можетъ произойти изобиліе денегъ. Банку невыгодно имѣть большой металлическій фондъ, и онъ освобождается отъ

него пониженіемъ учетныхъ процентовъ, или покупкою облигацій. Пониженіе процентовъ, сдѣланное безъ раціональной причины, пробуждаетъ спекулативный духъ: количество банковыхъ билетовъ увеличивается посредствомъ ссудъ, учетовъ, и т. д.; цѣнность денегъ и банковыхъ билетовъ (съ характеромъ денегъ) понижается, и производитъ вывозъ монеты изъ государства. Это послѣднее обстоятельство уменьшаетъ возможность обмѣна банковыхъ билетовъ на монету, и слѣдовательно рождается сомнѣніе въ ихъ цѣнности. Такимъ образомъ, по мѣрѣ увеличенія выпуска банковыхъ билетовъ, увеличивается и потребность въ монетѣ, для обмѣна ихъ по предъявленію.

Это противорѣчіе хотя неясно, но представилось экономистамъ, и многіе изъ нихъ трудятся до настоящаго времени надъ разрѣшеніемъ неразрѣшимой задачи: какая пропорція должна существовать между количествомъ банковыхъ билетовъ и монеты? Вмѣсто того, чтобы отвергнуть необходимость уплаты банковыхъ билетовъ по предъявленію; вмѣсто того, чтобы отнять у нихъ значеніе денегъ, и возвратить имъ свойства истинныхъ кредитныхъ знаковъ, назначивъ для реализаціи ихъ терминъ, совпадающій съ срокомъ реализаціи векселей: экономисты искали средства противъ банковыхъ кризисовъ въ ограниченіи выпуска билетовъ, и слѣдовательно — въ ограниченіи пользованія кредитомъ. Смитъ и многіе

изъ его послѣдователей предлагали выпускать только крупные билеты; неотвергая этого средства, новѣйшіе экономисты-практики требовали, чтобы банкъ прекращалъ выпускъ билетовъ тогда, когда металлическій фондъ понизится до $^1/_3$ номинальной цѣны билетовъ. Но выпускать только крупные банковые билеты не значитъ ли это ограничить благодѣтельное дѣйствіе кредита? Можно ли допустить, что кредитъ предназначенъ только для того, чтобы освободить богатыхъ негоціантовъ отъ обязанности держать въ запасѣ наличный монетный капиталъ? Можно ли согласиться съ тѣмъ, что кредитъ составляетъ монополію, принадлежащую одной оптовой торговлѣ? И какую пользу принесутъ крупные банковые билеты, выпущенные въ замѣнъ векселей, если нельзя будетъ дробить требованія по частямъ, если билеты не будутъ вполнѣ удобны для обращенія? Наконецъ, мѣра предложенная Смитомъ, совершенно недостигаетъ своей цѣли: крупные банковые билеты, неудобные для платежей, немедленно будутъ предъявляться для обмѣна на монету, и поставятъ банкъ въ затруднительное положеніе, если онъ не имѣетъ достаточнаго монетнаго капитала. Такимъ образомъ самое сбереженіе монетнаго капитала (необходимаго въ государствѣ для обращенія) будетъ ничтожно. Ограниченіе выпуска билетовъ, соразмѣрно съ металлическимъ фондомъ банка, оказавшееся на практикѣ невыполнимымъ, крайне невыгодно: потому

что оно стѣсняетъ учетъ векселей, безъ достаточнаго основанія. Пользованіе посредничествомъ кредитныхъ учрежденій должно зависѣть не отъ количества монеты, находящейся въ банкѣ, а отъ надежности кредитной сдѣлки. Банкъ всегда можетъ замѣнять частные векселя своими билетами, если довѣріе въ кредитныхъ сдѣлкахъ имѣетъ хозяйственную основу. Но для того, чтобы банкъ всегда исполнялъ свое назначеніе, связь между металлическимъ обращеніемъ и обращеніемъ кредитныхъ знаковъ, должна сдѣлаться свободною: надо смотрѣть на банковый билетъ съ другой точки зрѣнія — не какъ на представителя денегъ, а какъ на представителя цѣнности отданной на кредитъ. Монетная реализація банковыхъ билетовъ, которая сравниваетъ ихъ съ деньгами, и уменьшаетъ выгоды, доставляемыя учетомъ векселей (потому что въ учетный % входитъ % съ денежнаго капитала), приводитъ экономистовъ къ невѣрнымъ понятіямъ объ экономическомъ значеніи вексельныхъ оборотовъ и учета векселей. Учетъ векселей, по мнѣнію Смита, избавляетъ купца отъ обязанности хранить постоянно въ наличности извѣстную сумму монеты, — это не замѣнъ однихъ кредитныхъ знаковъ другими, застрахованными, а ссуда, за которую взымается извѣстный процентъ.

Рикардо, болѣе логическій и послѣдовательный, отдаетъ бумажнымъ деньгамъ, выпущеннымъ отъ правительства, рѣшительное предпочтеніе предъ банковыми би-

летами; между тѣмъ какъ Смитъ довольно нерѣшительно склоняется въ пользу послѣднихъ. И въ самомъ дѣлѣ Рикардо правъ, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія Смита. Если главная задача, при пользованіи кредитомъ, состоитъ въ фабрикаціи извѣстнаго количества опредѣленнаго вида бумажныхъ орудій обращенія; если выгода, доставляемая кредитными знаками, состоитъ въ одномъ уменьшеніи монетнаго капитала, необходимаго для обращенія внутри государства; если выпускъ кредитныхъ знаковъ есть право монопольное, и долженъ быть ограниченъ: то почему не сдѣлать это право регаліею финансовою?

Конечно, принявъ эту мысль, слѣдовало отвергнуть пользу учета векселей и ихъ застрахованія, отвергнуть частно-экономическое основаніе кредита, и смотрѣть на кредитъ съ точки зрѣнія Лò, не имѣя только въ виду экономическихъ цѣлей меркантилизма. Смитъ и большая часть его послѣдователей, не приписываютъ банковымъ билетамъ никакого вліянія на пониженіе процентовъ. Правда Рикардо говоритъ, что пониженіе % возможно для капиталовъ, отдаваемыхъ банками въ заемъ; но въ этомъ онъ не видитъ народно-экономической выгоды, а только прибыль нѣкоторыхъ предпринимателей, воспользовавшихся банковыми ссудами. Процентъ, по мнѣнію смитовой школы, зависитъ отъ изобилія или недостатка капиталовъ. Смотря на кредитные знаки какъ на деньги,

экономисты немогли прійти къ убѣжденію, что кредитъ дѣйствуетъ на уменьшеніе %, создавая болѣе дешевыя орудія обращенія, и понижая премію застрахованія.

Связь между банками и частными кредитными сдѣлками не представлялась ясно сознанію Смита. Займы, въ особенности гипотекарные, отнесены имъ къ области сдѣлокъ частныхъ, въ которыхъ банки непринимаютъ участія; онъ отвергаетъ пользу посредничества банковъ (между вѣрителями и заемщиками) состоящаго въ передачѣ капиталовъ посредствомъ системы вкладовъ и ссудъ, и ограничиваетъ роль банковъ только ссудами по торговой промышленности, состоящими изъ банковыхъ билетовъ, и равняющимися части обращающагося капитала негоціанта. Такимъ образомъ кредитныя сдѣлки, по мнѣнію Смита, не образуютъ даже того единства интересовъ въ народномъ хозяйствѣ, той экономической связи между частными лицами, которые возникаютъ изъ простой мѣны. Даже банки незаключаютъ въ себѣ начала, скрѣпляющаго частныя кредитныя отношенія. Полагая, что количество капиталовъ отдаваемыхъ въ заемъ, зависитъ отъ количества капиталовъ, которые немогутъ быть употреблены самими владѣльцами, и бываетъ пропорціонально накопленію богатствъ; полагая, что капиталы производительны гдѣ бы они ни находились, Смитъ не оцѣнилъ хозяйственнаго значенія кредита: онъ ничего не говоритъ о распредѣленіи и сосредоточеніи

капиталовъ посредствомъ кредита, о перемѣщеніи ихъ, пробуждающемъ усиленную дѣятельность хозяйственныхъ силъ, о вліяніи кредита на возрастаніе доходовъ частныхъ, на обширность сбыта и на производство.

Силы хозяйственныя представляются ему какъ силы природы, самостоятельныя, независимыя отъ человѣка и его сознательно-разумной воли. Производительность, по мнѣнію Смита, условливается, главнымъ образомъ, раздѣленіемъ труда и накопленіемъ капитала. Онъ не приписываетъ значенія хозяйственному устройству, въ которомъ представляется намъ соединеніе промышленныхъ силъ, въ формахъ установленныхъ обычаемъ, или видоизмѣненныхъ закономъ; онъ не цѣнитъ надлежащимъ образомъ началъ, положенныхъ въ основаніе этого устройства. Онъ не замѣчаетъ, что производительность зависитъ не только отъ накоплепія капиталовъ; но и отъ образа пользованія ими, отъ подвижности ихъ, и отъ связи съ дѣятельными, творческими силами человѣка. При такомъ отвлеченномъ взглядѣ, нельзя было оцѣнить надлежащимъ образомъ: ни значенія тѣхъ формъ, въ которыхъ установились хозяйственныя отношенія, ни вліянія экономическихъ учрежденій, дѣйствующихъ на раздробленіе перемѣщеніе капиталовъ, на обнаруженіе производительной силы труда, и на пользованіе землею.

Признавая въ капиталѣ безусловную производительность,

Смитъ и его послѣдователи забывали, что капиталъ долженъ имѣть годность для производства, т. е. состоять изъ такихъ цѣнностей, которыя могли бы быть употреблены въ промышленности—или какъ сырой матеріалъ, или какъ машина, орудіе, и пр.; они незамѣчали, что эта годность зависитъ отъ сбыта, отъ обмѣна однихъ произведеній на другія,—что сбытъ, или обмѣнъ ускоряется кредитомъ.

Гораздо рѣзче высказались невыгодныя понятія о кредитѣ въ германской литературѣ. По словамъ Рау *), народно-экономическая польза кредита состоитъ только въ томъ, что владѣлецъ, который не можетъ дать своему движимому имуществу или вообще производительнаго употребленія, или же наиболѣе производительнаго, передаетъ его другому лицу. Изъ этого слѣдуетъ, что распространеніе кредита за естественные, назначенные для него предѣлы, можетъ привести только къ вреднымъ послѣдствіямъ, къ которымъ безъ сомнѣнія должно отнести и непроизводительное потребленіе. Если фабрикантъ, говоритъ Рау, объясняя теорію примѣромъ, даетъ земледѣльцу въ теченіи зимы предметы потребленія, за которые послѣдній можетъ уплатить только во время жатвы: то отъ этого ничего не выиграютъ ни народное имущество, ни народный доходъ. Напротивъ того можно

---

*) Rau. Volkswirthschaftslehre. 1841. p. 319. 320.

болѣе произвесть, если фабрикантъ получитъ плату ранѣе и тотчасъ издержитъ деньги на свой промыселъ; покупатель-земледѣлецъ останется тоже въ выигрышѣ: потому что, воспользовавшись кредитомъ, онъ долженъ будетъ дать вознагражденіе въ видѣ процентовъ, или въ возвышенной цѣнѣ произведеній.

Этотъ примѣръ, который приводитъ Рау для подтвержденія и объясненія своей теоріи, говоритъ противъ него, и въ пользу кредита. Если фабрикантъ даетъ на кредитъ свои произведенія земледѣльцу (который можетъ уплатить только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ), и получаетъ вексель надежный: то фабрикантъ можетъ распоряжаться векселемъ, какъ капиталомъ наличнымъ, а земледѣлецъ получитъ произведенія, въ которыхъ, быть можетъ, онъ терпитъ крайнюю нужду, какъ въ капиталѣ необходимомъ для обработки полей, или для удовлетворенія самымъ настоятельнымъ потребностямъ. Гдѣ же здѣсь непроизводительное потребленіе? Процентъ, который уплачивается земледѣльцемъ, менѣе тягостенъ нежели лишеніе. Притомъ еще раждается вопросъ: будетъ ли фабрикантъ требовать процентовъ, или платы за свои произведенія по возвышенной цѣнѣ, если послѣднія не имѣютъ сбыта?

Но, для того чтобы отрицаніе важности кредита было доведено до крайнихъ послѣдствій, надо было выразить эти сомнѣнія въ формѣ отвлеченнаго логическаго

мышленія. Эту задачу исполнилъ Лотцъ. Дѣйствительность не производитъ на него непосредственнаго, живаго впечатлѣнія. Онъ беретъ изъ науки положеніе, такъ какъ оно высказано экономистами школы Смита, дѣлаетъ изъ этого положенія тему для разсужденія, и выводитъ логическія слѣдствія, не заботясь ни объ истинѣ посылокъ, ни о сообразности выводовъ съ тѣмъ, что представляетъ жизнь практическая самому поверхностному наблюденію.

Вмѣсто того, чтобы видѣть въ кредитѣ условіе болѣе легкихъ и живыхъ оборотовъ, Лотцъ утверждалъ, что кредитъ производитъ болѣе медленное обращеніе имуществъ, чѣмъ денежная мѣна; потому что каждый предпочтетъ платежъ обѣщанію будущей уплаты.

Въ дѣйствительности, однакоже, мы видимъ совершенно противное. Для лица, продающаго на кредитъ, обѣщаніе, исполненіе котораго не подлежитъ сомнѣнію, ничѣмъ нехуже наличнаго платежа. Оба служатъ только средствомъ для пріобрѣтенія извѣстнаго вещественнаго капитала. Но какъ продажа, такъ и покупка на кредитъ гораздо легче, чѣмъ на наличныя деньги: для покупателя нѣтъ необходимости запасаться монетнымъ капиталомъ, для продавца — выжидать покупателя и терпѣть застой въ сбытѣ своихъ произведеній.

Еще оригинальнѣе другой логическій выводъ, сдѣланный Лотцомъ. Вѣритель, говоритъ онъ, долженъ

платить проценты, поэтому: обращеніе, производимое кредитомъ, дороже обращенія денежнаго. Но капиталъ въ торговомъ кредитѣ (о которомъ здѣсь безъ сомнѣнія идетъ рѣчь), всегда остается свободнымъ; вексель или банковый билетъ всегда даетъ вѣрителю право на капиталъ, соотвѣтствующей цѣнности. Слѣдовательно за пользованіе кредитомъ, при хорошемъ устройствѣ, будетъ уплачиваться только премія застрахованія, которая во всякомъ случаѣ менѣе процентовъ съ денежнаго капитала необходимаго для обращенія. Правда, банковому билету можно дать свойства денегъ, и тогда обращеніе едвали будетъ дешевле; но тѣмъ не менѣе выгода, доставляемая быстротою движенія и размѣщеніемъ капиталовъ, останется неизмѣнною.

3. Шторхъ и Коклепъ.

Идеи частнаго интереса и свободы промышленности не могли остаться чуждыми теоріи кредита. Проникая въ нее, онѣ должны были измѣнить самый взглядъ экономистовъ и на кредитные знаки, и на переходъ капиталовъ по довѣрію. Начало положено было Шторхомъ; но окончательное развитіе теоріи кредита, согласное съ основными началами смитовой системы, мы находимъ у г. Коклена — писателя новѣйшаго времени. Въ сочиненіи Шторха мы встрѣчаемъ первое, если не система-

тическое, то покрайней мѣрѣ полное и связное изложеніе теоріи кредита. Онъ гораздо вѣрнѣе своихъ предшественниковъ понимаетъ сущность кредитныхъ знаковъ; но въ тоже время помѣщаетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, какъ эпизодъ, всю теорію Смита о банковыхъ билетахъ: съ одной стороны онъ объясняетъ выгоды, доставляемыя кредитомъ, съ другой отрицаетъ вліяніе кредита на увеличеніе народнаго богатства. Эти противорѣчія объяснить не трудно: Шторхъ то становится на раціональную точку зрѣнія, и отыскиваетъ принципъ въ фактѣ; то, по примѣру экономистовъ, послѣдователей Смита, принимаетъ фактъ за принципъ.

Не остановливаясь на разборѣ идей, заимствованныхъ Шторхомъ у его предшественниковъ, въ особенности у Смита,—укажемъ только на мысли его, въ которыхъ заключается дальнѣйшее развитіе теоріи кредита.

Шторхъ близокъ къ мысли, что кредитъ есть мѣна—покрайней мѣрѣ онъ видитъ въ немъ переходъ капиталовъ по довѣрію; Шторхъ смотритъ на кредитные знаки, какъ на внѣшнее означеніе кредитныхъ сдѣлокъ; и довольно вѣрно опредѣляетъ отношеніе кредита къ денежной мѣнѣ. Кредитъ, говоритъ онъ, въ отношеніи къ монетѣ тоже, что монета въ отношеніи къ промѣниваемымъ произведеніямъ. Подобно тому какъ монета занимаетъ мѣсто одного изъ обмѣненныхъ предметовъ, кредитъ занимаетъ мѣсто монеты. Единственное различіе

между этими двумя равноцѣнностями (equivalents) состоитъ въ томъ, что монета есть реальная, наличная равноцѣнность, кредитъ—временная, основанная на вѣрѣ. Монета даетъ цѣнность въ обмѣнѣ, кредитъ ее обѣщаетъ; но въ глазахъ того, кто даетъ свои произведенія на кредитъ, обѣщаніе уплаты имѣетъ цѣнность равную монетному платежу, и сохраняетъ ее до условленнаго срока. Если въ эту эпоху должникъ уплатитъ обѣщаніе монетою; то кредитъ (слѣдовало бы сказать кредитный знакъ) будетъ имѣетъ постоянно цѣнность денегъ металлическихъ *).

Итакъ цѣнность кредитнаго знака зависитъ не отъ обмѣна на монету, а отъ исполненія въ срокъ обязательства, которое дало ему бытіе—отъ достовѣрности реализаціи; но Шторхъ, хотя и высказалъ эту истину, однакоже едвали ясно и отчетливо сознялъ ее: потому что онъ говоритъ о монетномъ платежѣ, какъ объ окончательной реализаціи кредита.—Шторхъ указалъ на различія между кредитными знаками и объяснилъ, что гипотекарные билеты не могутъ служить орудіями обращенія **). Онъ небылъ далекъ отъ мысли, что обмѣнъ банковыхъ билетовъ на монету заключаетъ въ себѣ какую то несообразность. Говоря о банкахъ депозитныхъ,

---

*) Cours d'éc. pol. T. III. p. 149—150.

**) Ib. T. IV. p. 29. 33. 42.

онъ замѣчаетъ, что если они выпустятъ количество билетовъ, превышающее по нарицательной цѣнѣ металлическій фондъ: то имъ труднѣе поддержать свой кредитъ, нежели частному лицу. Частное лицо знаетъ, когда оно должно уплатить свой долгъ, и соображается съ этимъ заранѣе — банкъ обязанъ платить по предъявленію и незнаетъ, когда потребуютъ отъ него уплаты; частное лицо можетъ сдѣлать трансфертъ, дать вексель, — банкъ обязанъ платить или монетою, или слитками *).

Изъ этого слѣдовало бы заключить, что банкъ долженъ имѣть въ своихъ кладовыхъ монетный капиталъ, равный нарицательной цѣнѣ выпущенныхъ билетовъ. Въ чемъ же тогда будетъ состоять польза кредита? Почему банку не пользоваться тѣми же выгодами, которыя предоставлены частному лицу? Отчего банку не давать векселей на себя (точно также какъ дѣлаетъ это частное лицо), если только банкъ имѣетъ чѣмъ обезпечить вексель? Принятые къ учету частные векселя и фондъ застрахованія не представляютъ ли достаточной гарантіи?

Имѣя передъ глазами русскія кредитныя учрежденія, Шторхъ не могъ не оцѣнить выгодъ, доставляемыхъ посредничествомъ банковъ, принимающихъ вклады

---

*) Ib. T. III. p. 317. 318.

и дѣлающихъ ссуды; онъ признаетъ, что банки содѣйствуютъ пониженію процентовъ *). Шторхъ довольно отчетливо понимаетъ народно-экономическія выгоды, доставляемыя кредитомъ. Кредитъ, говоритъ онъ, не творитъ капиталовъ; но увеличиваетъ ихъ потому, что отданные въ заемъ, они употребляются болѣе производительнымъ образомъ **). Шторхъ несоглашается съ Сисмонди, который видѣлъ въ кредитѣ одно простое перемѣщеніе капиталовъ, лишенное хозяйственнаго значенія. При содѣйствіи кредита, богатые капиталисты, поземѣльные владѣтьцы, живущіе въ столицахъ, чиновники, женщины, и др. лица, которыя не въ состояніи, или не имѣютъ случая сами употребить свой капиталъ, могутъ дать ему производительное и прибыльное назначеніе. Въ этомъ отношеніи, замѣчаетъ авторъ, можно сказать, что кредитъ нѣкоторымъ образомъ создаетъ капиталы, потому что является сильнымъ побужденіемъ къ сбереженію ***).

Кредитъ, по мнѣнію Шторха, доставляетъ пользу, не только при сношеніяхъ между капиталистами и предпринимателями; но и при сношеніяхъ между отдѣльными предпринимателями. Капиталисты нуждаются въ кредитѣ и тогда, когда они сами употребляютъ въ дѣло свои

---

*) Ib. T. III. p. 183. 184.

**) Ib. T. IV. p. 46.

***) Ib. T. IV. p. 49—51.

капиталы. Предприниматель долженъ продавать на кредитъ для того, чтобы сбытъ его не останавливался; въ интересѣ собственнаго производства, онъ долженъ оказать кредитъ тѣмъ производителямъ, которые доставляютъ ему сырой матеріалъ или орудія, для того чтобы эти промышленники могли разширить производство, и снабдить его всѣмъ необходимымъ *).

Наконецъ Шторхъ допускаетъ, что кредитъ увеличиваетъ народное богатство. Онъ говоритъ, что обычай покупать предполагаетъ также обычай продавать на кредитъ; слѣдовательно, если въ одной и той же странѣ и покупаютъ, и продаютъ на кредитъ: то нѣтъ повода думать, что народное богатство болѣе призрачное, чѣмъ дѣйствительное **).

Въ общей массѣ частныхъ займовъ всегда найдется болѣе производительныхъ, чѣмъ непроизводительныхъ, и если отдѣльныя лица раззоряются отъ долговъ; то этого никогда нельзя сказать о цѣломъ государствѣ. Частные иностранные займы, взятые въ совокупности, всегда столже выгодны для народа сколько производительный заемъ для отдѣльнаго лица: они доставляютъ ему ка-

---

*) Ib. T. IV. p. 51—54.

**) Ib. T. III. p. 151—152.

питалы и даютъ возможность разширить производство и увеличить общественное богатство *).

Правда Шторхъ часто ослабляетъ силу этихъ положеній: такъ на страницѣ, слѣдующей за тою, изъ которой мы привели мѣсто, онъ утверждаетъ противное, и говоритъ, что займы дѣлаются, по большой части, для непроизводительныхъ цѣлей, что капиталы исчезаютъ, что въ дѣйствительности нѣтъ богатствъ, которыя соотвѣтсвовали бы займамъ и могли бы служить для погашенія, а только масса, достаточная для платежа процентовъ **); но тѣмъ не менѣе Шторху принадлежитъ великая заслуга: онъ первый высказалъ болѣе правильныя понятія о вліяніи кредита на экономію народа.

Сочиненіе Коклена «о кредитѣ» принадлежитъ безспорно къ числу лучшихъ произведеній экономической литературы, развившейся подъ вліяніемъ коренныхъ началъ смитовой школы. Оставаясь вѣрнымъ идеѣ объ естественномъ порядкѣ вещей, Кокленъ первый внесъ начало свободы промышленности въ теорію кредита, освободилъ ее отъ полумеркантильныхъ понятій, объяснилъ раціонально сущность кредитныхъ отношеній, и бросилъ свѣтъ на отличительныя черты современныхъ торговыхъ кредитныхъ учрежденій. Если анализъ его невсегда бы-

---

*) Ib. T. IV. p. 58—59.

**) Ib. T. IV. p. 60.

ваетъ удовлетворителенъ; то, покрайней мѣрѣ, онъ наводитъ на истину и даетъ ключъ для разрѣшенія задачи. Кокленъ вводитъ кредитныя сдѣлки совершенно въ область капитала. Подобно другимъ экономистамъ, онъ называетъ кредитъ довѣріемъ; но его мысли о кредитныхъ знакахъ и о вліяніи кредита на народное богатство и на благосостояніе рѣзко отличаются отъ понятій экономистовъ школы Смита. Онъ не только высказалъ, но созналъ и развилъ мысль о томъ, что банковые билеты и монета не одно и тоже. Банковые билеты, по его мнѣнію, замѣняютъ только векселя, и отличаются отъ монеты тѣмъ, что монета есть товаръ, который имѣетъ внутреннюю стоимость (valeur propre et intrinsèque); между тѣмъ какъ банковый билетъ есть торговое обязательство, и не имѣетъ этой стоимости. Уплата монетою погашаетъ, уплата банковыми билетами обновляетъ или перемѣщаетъ требованіе. Банковые билеты не замѣняютъ монеты, а ограничиваютъ ея употребленіе *).

Кредитъ, говоритъ далѣе Кокленъ, умножаетъ капиталы не только потому, что дѣлаетъ большую массу цѣнностей производительною; но также и потому, что уменьшаетъ потребность въ монетѣ, и содѣйствуетъ быстрѣйшему образованію новыхъ капиталовъ усиленіемъ

---

*) Coquelin. Du crédit et des banques. p. 43—54.

производительной дѣятельности и накопленіемъ. Уничтожая треніе, сопротивленіе, кредитъ облегчаетъ и ускоряетъ движеніе капиталовъ; увеличивая количество послѣднихъ, понижаетъ проценты: но, въ тоже время, онъ не уменьшаетъ доходовъ капиталиста; потому что капиталы становятся значительнѣе и обращаются быстрѣе; при увеличеніи запроса на трудъ, заработная плата возрастаетъ *).

Въ основу устройства кредита Коклень кладетъ начало частно-экономическое и свободу промышленности; поэтому онъ отвергаетъ ограниченія относительно учрежденія банковъ, выпуска банковыхъ билетовъ и назначенія имъ номинальной цѣны.

Мы ограничились однимъ исчисленіемъ важнѣйшихъ теоретическихъ положеній, содержащихся въ сочиненіи г. Коклена; болѣе подробное изложеніе было бы излишнимъ: потому что, въ статьѣ объ экономическомъ значеніи кредита, мы не разъ приводили отдѣльныя мѣста, изъ его книги, которыя могутъ дать понятіе о ясномъ отчетливомъ и наглядномъ развитіи мыслей автора,—объ изложеніи, которое оставляетъ въ умѣ болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ сухая, отвлеченная и безжизненная діалектика. Но, отдавая полную справедливость сочиненію г. Коклена, мы не можемъ ни раздѣлять безусловно

---

*) Ib. p. 111—117 и 160.

его мыслей, ни смотрѣть съ его точки зрѣнія на экономическія слѣдствія распространенія кредита.

Объясненіе различія между банковыми билетами и монетою внутреннею стоимостію (valeur intrinsèque) послѣдней не совсѣмъ удовлетворительно: потому что цѣнность монеты, какъ денегъ, зависитъ отъ ея годности и рѣдкости, а не отъ внутренней стоимости. Цѣнность же банковыхъ билетовъ, которые имѣютъ бо̀льшую годность нежели деньги металлическія, зависитъ отъ капитала, который они представляютъ. Монета (деньги) имѣетъ цѣнность какъ орудіе обращенія, какъ предметъ, удовлетворяющій извѣстной потребности; банковый билетъ имѣетъ цѣнность, нестолько какъ орудіе обращенія; но какъ представительный знакъ, какъ требованіе на извѣстный капиталъ. Съ другой стороны монета, имѣющая годность только какъ орудіе обращенія, есть тоже требованіе. Поэтому, хотя авторъ и правъ, что плата монетою есть реализація; но такая реализація состоитъ только въ обмѣнѣ требованія представительнаго на требованіе реальное; обмѣнъ, который не доставляетъ никакой положительной выгоды. Неточный анализъ существенныхъ свойствъ банковыхъ билетовъ и монеты былъ виною того, что Кокленъ не могъ объяснить себѣ отчетливымъ образомъ отношенія существующаго между тѣми и другими орудіями обращенія, и наконецъ при-

зналъ неотъемлемою принадлежностію банковаго билета обмѣнъ его на металлическія деньги по предъявленію.

Говоря объ экономическихъ результатахъ, достигаемыхъ посредствомъ кредита, Кокленъ смотритъ на усиленіе производства, умноженіе капиталовъ, пониженіе процентовъ, на возвышеніе заработочей платы съ точки зрѣнія Смита. Онъ оцѣнилъ и блестящимъ образомъ доказалъ какое огромное вліяніе имѣетъ кредитъ на усиленіе производства; но, приписывая послѣднее увеличенію количества капиталовъ и легкости ихъ перемѣщенія, не указалъ на ту взаимность, которая образуется въ производствѣ, и обезпечиваетъ постоянное и плодотворное употребленіе всѣхъ хозяйственныхъ силъ, при безпрерывной отдачѣ другъ другу труда, капитала и земли на кредитъ. Кокленъ не обратилъ вниманія на значеніе, которое имѣетъ сосредоточеніе и разсѣяніе хозяйственныхъ силъ посредствомъ кредита, на слѣдствія, происходящія отъ образованія частной собственности въ рукахъ промышленныхъ сословій. Онъ несознаналъ, что, по мѣрѣ распространенія кредита, предложеніе капиталовъ слѣдитъ за запросомъ со стороны труда, и все производство получаетъ прочную основу, развиваясь согласно съ настоятельностію потребностей. Такимъ образомъ кредитъ дѣйствуетъ на увеличеніе доходовъ работника и капиталиста не только потому что онъ производитъ изобиліе капиталовъ; но также и по-

тому, что трудъ и капиталъ соединяются въ интересѣ производства, и что при томъ направленіи, которое получаетъ послѣднее, доходы всѣхъ частныхъ лицъ, могутъ удовлетворить наибольшему количеству потребностей.

Коклену принадлежитъ честь защиты частнаго интереса и свободы промышленности въ теоріи кредита; но и онъ подобно Смиту смотрѣлъ на частный интересъ какъ на что-то отдѣльное, независимое, изолированное; не видѣлъ въ свободѣ промышленности среды, въ которой эти интересы связываются между собою и получаютъ форму экономическаго устройства. Поэтому устройство кредита небыло понято имъ какъ нѣчто органическое, а только какъ чистое отрицаніе формъ привиллегированнаго порядка публичныхъ банковъ западныхъ государствъ.

III. *Школа промышленнаго порядка.*

Принимая частные интересы, предоставленные самимъ себѣ, за основу хозяйственныхъ связей въ общежитіи, школа Смита разсматривала хозяйственное устройство какъ результатъ естественнаго хода вещей (du cours naturel des choses), и смотрѣла, по большей части, съ недовѣрчивостію на установленія экономическія, видя въ нихъ ограниченіе соперничества и произ-

водительной дѣятельности. Хозяйственное устройство непредставлялось ей въ разнообразныхъ формахъ, какъ результатъ жизни каждаго народа, какъ порядокъ непрерывно развивающійся подъ вліяніемъ обычая, сознанія и закона; но какъ нормальное соединеніе хозяйственныхъ интересовъ частныхъ лицъ, образующееся подъ вліяніемъ соперничества и свободы промышленной. Каждый частный человѣкъ, говорили Смитъ и его послѣдователи, ради собственныхъ выгодъ, долженъ имѣть въ виду выгоды всѣхъ другихъ; его дѣятельность тогда только будетъ доставлять ему наибольшею пользу, когда она будетъ наиболѣе полезна для всѣхъ другихъ; за свои произведенія онъ только тогда получитъ наибольшее вознагражденіе, когда другіе ощущаютъ въ нихъ сильнѣйшую потребность. Но для того, чтобы хозяйственныя отношенія приводили къ подобному результату, необходимо уравновѣшеніе экономическихъ силъ, соперничествующихъ другъ съ другомъ; уравновѣшеніе это составляетъ дѣло не одной естественной связи между изолированными частными лицами; но также и правильнаго хозяйственнаго порядка.

Эта мысль нерѣдко сознавалась экономистами; ее можно найти даже во времена меркантилизма у Буагильбера; но никогда она не проявлялась такъ живо и сознательно, какъ въ началѣ настоящаго вѣка, именно съ 3-го десятилѣтія. Устарѣвшія хозяйственныя учреж-

денія привиллегированныхъ цеховъ, гильдій, феодальныя отношенія исчезли, соперничество сдѣлалось болѣе неограниченнымъ и свободнымъ; но изъ этихъ элементовъ хозяйственное устройство неуспѣло еще выработаться исторіею и путемъ законодательной дѣятельности. Экономическій безпорядокъ въ западной Европѣ представился нагляднѣе чѣмъ когда либо: потому что взоръ изслѣдователя былъ устремленъ гораздо глубже, и не останавливался на одной внѣшней обстановкѣ.

Тогда въ экономической литературѣ произошло замѣчательное явленіе, которое часто принимаютъ за признакъ несостоятельности самой науки. Съ одной стороны строгіе приверженцы безусловно отвлеченныхъ идей Смита приписывали хозяйственныя бѣдствія неполному примѣненію своихъ началъ, и смотрѣли на эти бѣдствія какъ на преходящія, случайныя; съ другой стороны противники смитовой школы видѣли корень экономическаго зла въ безусловныхъ началахъ науки и въ ихъ практическомъ примѣненіи. Нѣкоторые ограничились однимъ анализомъ существующаго, какъ напр. Сисмонди, другіе искали началъ науки, которыя дали бы понятіе объ экономическомъ порядкѣ въ общежитіи, какъ напр. Листъ, Цѣшковскій, и пр. Наконецъ третіе, незаслуживающіе впрочемъ названія экономистовъ, зашли еще далѣе и ограничились построеніемъ фантастическихъ системъ.

Только въ послѣднее время, когда уничтожилось столько ложныхъ и туманныхъ призраковъ, когда истина дѣйствительная и положительная снова вступила въ свои права; стали мало по малу понимать, что нѣчего искать новыхъ началъ науки, что они существуютъ давно; что частный интересъ есть главнѣйшее побужденіе къ хозяйственной дѣятельности; что свобода промышленности составляетъ для него необходимую среду; что соперничество есть живая, вѣчно движущая сила, которую отрицать невозможно и безумно. Въ тоже время признали, что связь между частными интересами не возникаетъ въ видѣ чего-то общаго, однообразнаго; но что отношенія, образующіяся подъ вліяніемъ соперничества, представляютъ безконечное многоразличіе формъ, и поняли что экономическое устройство каждаго народа составляетъ результатъ его историческаго развитія, плодъ дѣятельности цѣлаго ряда поколѣній въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Мы остановились, однакоже, только на сознаніи этой высокой истины, на сознаніи, которое должно обратить къ трудамъ историческимъ и положительнымъ. Исторія представитъ намъ все богатство, все разнообразіе экономическихъ формъ и установленій, и приведетъ насъ къ пониманію закона, которому подчинено ихъ развитіе.

I. *Сисмонди.*

Основу новому положительному направленію положилъ Сисмонди. Онъ несоздаетъ идеала, не предлагаетъ мѣръ для упроченія экономическаго порядка, онъ только анализируетъ современное, и часто жалѣетъ о прошедшемъ. Въ сочиненіяхъ Сисмонди заключается и горькая полемика противъ науки, и картина современныхъ экономическихъ бѣдствій западной Европы. Поэтому въ изслѣдованіяхъ его представляется съ одной стороны отрицаніе всякой пользы кредита, съ другой изображеніе тѣхъ промышленныхъ кризисовъ, которые были вызваны неустроеннымъ обнаруженіемъ частныхъ интересовъ.

Раздѣляя идеи смитовой школы о кредитѣ, Сисмонди даетъ имъ оригинальную форму; потому что разсматриваетъ ихъ въ связи съ фактомъ существующаго. Это обстоятельство заставляетъ насъ представить его изслѣдованія съ надлежащею полнотою, хотя въ такомъ случаѣ нѣкоторыя повторенія дѣлаются неизбѣжными. Быть можетъ это избавитъ насъ отъ упрека въ томъ, что мы хотѣли ослабить впечатленіе, которое можетъ произвесть на читателя полемика Сисмонди, полная глубокой, безотрадной иронiи и высокаго краснорѣчія.

При изложеніи его теоріи мы примемъ за основу его «Etudes sur l'économie politique, пополняя наши из-

влеченія отрывками изъ «Новыхъ началъ политической экономіи».

Въ промышленности, говоритъ Сисмонди, необходима власть, располагающая трудомъ и поддерживающая его. Эта власть передается деньгами, но заключается въ капиталѣ. Деньги сами по себѣ не творятъ этой власти. Вотъ, по мнѣнію автора, источникъ заблужденій и причина смѣшенія понятій о капиталѣ обращающемся и о деньгахъ. Истинный капиталъ частнаго лица состоитъ изъ всей массы движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, денегъ и долговыхъ требованій, находящихся въ его обладаніи. Очевидно, что деньги составляютъ только незначительную часть капитала. Увеличивая количество денегъ, думали увеличить капиталы, и подобно тому какъ прежде заботились объ умноженіи монеты въ государствѣ, и о привлеченіи благородныхъ металловъ въ его предѣлы; также точно, замѣнивъ монету бумажными знаками, т. е. банковыми билетами, стали увеличивать ихъ число.

Но если деньги теряютъ свойства залога и дѣлаются однимъ только знакомъ: то частныя лица, вступающія въ сдѣлки, подвергаются большой опасности. Государство, которое не имѣетъ монеты, не знаетъ, чѣмъ оно обладаетъ; оно рискуетъ, что во время войны всѣ его богатства обратятся въ безполезные лоскутки бумаги, и что во время мира, всѣ торговые обороты

съ иностранцами будутъ основаны на обманчивомъ разсчетѣ. Безъ сомнѣнія банковые билеты представляютъ для обращенія средство болѣе экономическое, чѣмъ монета; но это средство гораздо ниже въ нравственномъ отношеніи, и уступаетъ металлическимъ деньгамъ относительно безопасности и правильности оборотовъ. Операція банка состоитъ въ томъ, чтобы занимать металлическія деньги въ государствѣ, замѣнять ихъ своими билетами, обѣщая уплату послѣднихъ монетою, и въ томъ, чтобы раздавать монету въ заемъ иностранцамъ за извѣстный процентъ, взымаемый въ пользу банка. Но государство, какъ стражъ общественнаго достоянія, должно заботиться о томъ, чтобы монета, составляющая національную собственность, не была роздана въ заемъ неоплатнымъ должникамъ.

Каждый банковый билетъ, пущенный въ обращеніе, вытѣсняетъ за границу равноцѣнное количество монеты. Банки, которые занимаютъ монету для раздачи въ заемъ, могутъ быть состоятельными въ обыкновенномъ смыслѣ слова, т. е. представить достаточный залогъ; тѣмъ не менѣе для государства не выгодно ввѣрить имъ снабженіе рынка деньгами: подобно тому какъ государство не можетъ предоставить торговой компаніи сбора жатвы съ тѣмъ, чтобы компанія вывозила на рынокъ количество хлѣба, достаточное для прокормленія народонаселенія. Монета есть большой торговый путь;

каждый частный банкъ, который замѣняетъ металличес-кія деньги бумажными, дѣлаетъ подкопъ подъ этою доро-гою: сберегая мѣсто, онъ уменьшаетъ безопасность, и государство никогда не должно допустить такого похи-щенія собственности, не увѣрившись въ томъ, что об-щественная дорога не обрушится.

Поэтому, слѣдуетъ подчинить дѣятельность част-ныхъ банковъ законамъ, и ограничить выпускъ банковыхъ билетовъ суммою денегъ, которая находится въ кас-сахъ негоціантовъ и служитъ для оптовыхъ оборотовъ *). Выпуская билеты на сумму, превышающую этотъ капи-талъ, или билеты на мелкія суммы, банкъ долженъ ожидать представленія ихъ къ обмѣну во время совер-шеннаго спокойствія. Тѣмъ болѣе въ эпоху безпоряд-ковъ и опасеній, на счетъ хода политическихъ и тор-говыхъ дѣлъ, всякая внезапная потребность въ деньгахъ побуждаетъ лицо, владѣющее билетомъ, обмѣнять его на монету. Въ такомъ случаѣ банковый кризисъ неиз-бѣженъ; но не можетъ быть приписанъ дурнымъ распо-ряженіямъ банка: потому что заключается въ свойствѣ самаго установленія.

Банковый кризисъ увеличиваетъ зло, произведен-ное торговыми или политическими событіями. Если бы въ обращеніи находились однѣ металлическія деньги; то

---

*) Nouveaux principes. T II. p. 101. 104. 110. 111. Paris 1827.

промышленность остановилась бы на время, и потеря въ продолженіи этой недѣятельности была бы вознаграждена уменьшеніемъ потребленія. Но существованіе банка вызываетъ со всѣхъ сторонъ какую то безпорядочную дѣятельность. Билеты, которые замѣняли монету въ обращеніи, стремятся въ банкъ для обмѣна на металлическія деньги; вся монета привлекается банкомъ, который покупаетъ ее по чемъ бы то ни было; и по мѣрѣ того какъ банкъ уплачиваетъ билеты, тотъ, кто получаетъ монету, тщательно прячетъ ее. Паническій страхъ превращаетъ общество образованное въ дикарей: каждый копитъ и хочетъ имѣть сосредоточенную силу (деньги) въ своемъ сундукѣ. Итакъ, какъ бы ни былъ благоразуменъ банкъ, по своей природѣ онъ оказываетъ услуги только во время процвѣтанія промышленности, и отнимаетъ ихъ внезапно во время экономическихъ бѣдствій.

Мы слышимъ безпрестанные толки о творческой силѣ кредита, о важности мобилизаціи народнаго имущества, о помощи, которая можетъ быть оказана банками — обработывающей промышленности, земледѣлію, владѣльцамъ обремененнымъ долгами, торговлѣ: однакоже кредитъ ничего не создаетъ, онъ перемѣщаетъ только существующій капиталъ. Но банки, выпуская билеты и смѣшивая ихъ съ истинными капиталами, полагаютъ что они создаютъ капиталы; между тѣмъ чрезмѣрное коли-

чество кредитныхъ знаковъ вытѣсняется обращеніемъ и возвращается для обмѣна на монету.

Наконецъ, дѣлая какъ бы уступку, Сисмонди говоритъ, что во время тишины банки увеличиваютъ обращающійся капиталъ измѣняя $^1/_3$, быть можетъ $^1/_2$ благородныхъ металловъ въ идеальныя деньги, которыя ничего не стоятъ и приносятъ доходъ. Вотъ самая большая польза, которую можно ожидать отъ банковъ.

Но живемъ ли мы въ эпоху, когда слѣдуетъ желать умноженія невещественнаго капитала? Не имѣетъ ли общество достаточнаго количества, или даже слишкомъ много такихъ невещественныхъ капиталовъ? Прожектеры, предприниматели безъ капиталовъ, искатели приключеній въ торговыхъ предпріятіяхъ скажутъ, что капиталовъ мало, что деньги рѣдки — потому что они немогутъ достать ни тѣхъ ни другихъ; но можетъ быть общество выиграло бы, если бы эти люди въ самомъ дѣлѣ не достали денегъ.

Одно изъ величайшихъ экономическихъ золъ настоящей эпохи — это болѣзненная дѣятельность, которую англичане называютъ overtrading, дѣятельность, которая состоитъ въ стремленіи мануфактуриста — обрабатывать больше произведеній, нежели можетъ быть потреблено; купца — привозить болѣе, чѣмъ онъ можетъ продать. Это ни что иное, какъ преслѣдованіе прибыли случайной, но не меркантильной, — основаніе расчетовъ не

на услугѣ, оказываемой покупщикамъ, а на раззоренiи другихъ промышленниковъ.

Новѣйшiя общества накопили значительную массу капиталовъ, которые затрудняютъ, тяготятъ ихъ, и этотъ чрезмѣрный избытокъ увлекаетъ капиталы на промышленное поприще, гдѣ разсчетъ основанъ на случайности.

По окончанiи всеобщей войны, этой великой потребительницы капиталовъ, народы самые богатые начинаютъ бросать милiоны за милiонами въ займы американскiе и внутренniе, потомъ въ предпрiятiя горныхъ промысловъ въ бывшей испанской Америкѣ, потомъ въ сотни мелочныхъ промышленныхъ компанiй, которыя образовались внезапно въ Англiи и были названы мыльными пузырями (the bubbles), и наконецъ въ предпрiятiя желѣзныхъ дорогъ. Большая часть такихъ капиталовъ была растрачена и уничтожена. Безпрестанныя банкротства: финансовыя, въ горныхъ промыслахъ, компанiй на акцiяхъ, и проч. раззорили тысячи семействъ; но трудно сказать, что могло бы случиться, если бы эти огромные капиталы не были уничтожены, если бы полнокровiе общественное (cet état pléthorique de la société) безпрестанно увеличивалось?

Какъ однакоже ни велики, по мнѣнiю Сисмонди, невыгоды, соединенныя съ чрезмѣрнымъ накопленiемъ капиталовъ; но зло произведенное образованiемъ мнимыхъ,

невещественныхъ богатствъ, состоящихъ въ однихъ кредитныхъ знакахъ, представляется ему въ самомъ мрачномъ видѣ.

Банковые обращающіеся билеты не болѣе какъ посредники, при пользованіи кредитомъ. Условіе для этого пользованія, то есть для перемѣщенія существующаго капитала, состоитъ въ расположеніи или раздвоеніи капитала, въ отдѣленіи тѣни, бросаемой тѣломъ, отъ самаго тѣла, и въ возможности отдѣльнаго обладанія тѣмъ и другимъ. Земли, недвижимыя имущества, капиталы постоянные разсматриваются какъ собственность владѣльца; но въ тоже время могутъ вполнѣ или отчасти принадлежать другому лицу; въ собственности этого втораго лица они являются какъ кредитный знакъ, облигація, акція—какъ тѣнь, бросаемая имуществомъ.

Капиталъ производится трудомъ человѣка, и при содѣйствіи труда доставляетъ доходъ. Это участіе капитала въ производительности даетъ право на часть дохода, производимаго трудомъ, и эта доля выражается процентами. Такъ образуется связь понятій о капиталѣ и о доходахъ, которые онъ доставляетъ; вездѣ гдѣ замѣчаютъ капиталъ предполагаютъ проценты, и на оборотъ: вездѣ, гдѣ находятъ проценты, предполагаютъ существованіе капитала. Такимъ образомъ создаютъ воображаемые капиталы, которые являются въ оборотѣ какъ

дѣйствительные, реальные, потому что они приносятъ проценты.

Этотъ невещественный капиталъ, состоящій въ кредитныхъ знакахъ, образуетъ значительную часть имущества купца, поземельнаго владѣльца, капиталиста, и проч. Спросите у богача: въ чемъ состоитъ его богатство? — онъ отвѣтитъ вамъ, раскрывая свой портфёль, въ которомъ вы найдете векселя, облигаціи, обезпеченныя землями и недвижимыми имуществами, облигаціи государственныхъ займовъ, акціи различныхъ товариществъ по торговлѣ, застрахованію, по устройству путей сообщенія, по разработкѣ горныхъ промысловъ.

Но между тѣмъ увеличилось ли народное богатство? Земледѣльческія имущества немогли сдѣлаться обширнѣе; капиталъ обращающійся, предназначенный для потребленія, уменьшился. Каждый разсчитываетъ, что чѣмъ долѣе предметы потребленія остаются безъ сбыта, тѣмъ болѣе теряетъ онъ на этомъ мертвомъ капиталѣ; каждый старается сбыть какъ можно скорѣе товаръ залежалый, и этому стремленію много помогаютъ улучшенные пути сообщенія и бо̀льшая быстрота оборотовъ. Въ прежнее время между началомъ производства и потребленіемъ проходило быть можетъ два, три года; теперь этотъ же самый процессъ совершается нерѣдко въ нѣсколько дней. Положимъ, что въ настоящее время, между началомъ производства и потребленіемъ произведеній, сред-

нимъ числомъ, проходитъ 6-ть мѣсяцевъ, и такъ: время существованія товаровъ въ шесть разъ короче, а слѣдовательно и количество существующихъ произведеній должно быть гораздо менѣе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ небольшія имущества, небольшіе капиталы исчезли съ развитіемъ индюстріализма. Въ жилищѣ бѣдняка могутъ находиться предметы болѣе или менѣе цѣнные; но это уже начатое потребленіе, которое не составляетъ части народнаго капитала. Что касается промышленной дѣятельности бѣдняка, то оно приводится въ движеніе чужими капиталами; искуство и познаніе, которыя составляли какъ бы постоянный капиталъ, связанный съ человѣкомъ, замѣнены машинами. Даже металлическій, денежный капиталъ вытѣсняется изъ рынка богатаго государства.

Но между тѣмъ какъ народное богатство уменьшается, вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности, какое мѣсто занимаютъ въ немъ невещественныя богатства? какъ включать ихъ въ общую массу народнаго имущества? Не очевидно ли, что между тѣмъ какъ долгъ одного лица уменьшаетъ — требованіе другаго лица увеличиваетъ народное богатство. Не ясно ли, что здѣсь два количества равныя — положительное и отрицательное, которыя восполняютъ другъ друга. Однакоже, разсматривая внимательнѣе кредитные знаки, мы замѣчаемъ другое обстоятельство, которое еще болѣе дѣлаетъ для

насъ непонятнымъ: какимъ образомъ кредитные знаки могутъ войдти въ составъ народнаго имущества. Часто случается, что количество отрицательное (кредитный знакъ) существуетъ, между тѣмъ какъ положительное (капиталъ представляемый кредитнымъ знакомъ) уничтожено: такъ что капиталъ невещественный не только ничего не прибавляетъ къ народному имуществу; но долженъ быть вычтенъ изъ него.

Эти два количества: положительное и отрицательное, однажды отдѣленныя другъ отъ друга, становятся совершенно независимыми; капиталъ отданный въ заемъ могъ быть употребленъ полезно и плодотворно, содѣйствовать увеличенію народнаго богатства; но онъ могъ быть также растраченъ въ пустыхъ спекуляціяхъ, роскошью, безумiемъ. Кредитный знакъ, который былъ его представителемъ, тѣмъ не менѣе существуетъ. Уплата капитала была расчитана не на выручку посредствомъ производства; но на полученiе другаго капитала. Для народнаго богатства это не все равно — оно уменьшилось всѣмъ количествомъ безплоднаго займа.

Что же обезпечиваетъ вѣрителя? въ чемъ состоитъ цѣнность невещественнаго капитала — кредитнаго знака, отданнаго въ замѣнъ капитала вещественнаго?

Теперь, говоритъ Сисмонди съ иронiею, мы начинаемъ понимать въ чемъ состоитъ творческая сила кредита: онъ располагаетъ будущимъ, онъ даетъ въ за-

мѣнъ существующаго капитала право на участіе въ доходѣ, который будетъ произведенъ трудомъ. Въ чемъ же состоитъ эта ассигновка еще несуществующаго дохода? Въ одной надеждѣ, которая разсматривается какъ дѣйствительное богатство; въ надеждѣ, которая никогда не осуществится, если народное бѣдствіе остановитъ дѣятельность труда. Капиталъ, представляющій эту вѣчную ассигновку на будущее, есть цѣнность, за которую можетъ быть продана эта надежда. Мобилизація земель и публичныхъ фондовъ есть ничто иное, какъ отчужденіе обществомъ своей будущности, какъ преждевременная растрата того, что будетъ произведено трудомъ будущихъ поколѣній.

Итакъ, по мнѣнію Сисмонди, кредитъ ничего не производитъ: онъ перемѣщаетъ только существующіе капиталы и причиняетъ двоякое зло.

1) Замѣняя банковыми обращающимися билетами монету, онъ увеличиваетъ промышленные кризисы; вмѣстѣ съ накопленіемъ капиталовъ онъ производитъ лихорадочную дѣятельность въ промышленности, содѣйствуетъ чрезмѣрному производству и производитъ банкротства.

2) Кредитъ поглощаетъ непроизводительнымъ образомъ огромную массу вещественныхъ капиталовъ, замѣняя ихъ невещественными знаками, которые даютъ только право на процентъ, на плодъ будущаго производства, на доходъ нашихъ потомковъ. Одни изъ насъ,

говоритъ онъ, продали достояніе и трудъ нашихъ дѣтей, другіе купили то и другое; мы поступили какъ сѣверо-американскій колонистъ, который продаетъ въ рабство, дѣтей прижитыхъ имъ отъ невольницы. И это происходитъ въ то время, когда успѣхи промышленности и безъ того уже уменьшили общую массу капитала обращающагося, когда капиталы мелкихъ промышленниковъ почти не существуютъ, когда машины замѣнили капиталъ работника, состоявшій въ его искуствѣ и познаніяхъ, когда деньги металлическія вытѣснены изъ обращенія банковыми обращающимися билетами.

Вѣрна ли картина экономическихъ бѣдствій, которую такъ живо изобразилъ Сисмонди? Можно ли согласиться съ его основными теоретическими началами, и съ сдѣланными имъ выгодами?

Мы видѣли, что точка зрѣнія, съ которой экономисты смотрѣли на кредитъ неосновательна, что они приняли фактъ за принципъ; этотъ же недостатокъ находимъ у Сисмонди: но онъ идетъ далѣе — онъ приписываетъ результаты, которые были произведены безпорядочнымъ развитіемъ промышленности и кредита, не фактическому существованію послѣдняго; но его сущности, началамъ, на которыхъ онъ основывается. Вотъ почему Сисмонди часто совершенно правъ, когда описываетъ то, что есть; но въ тоже время онъ глубоко заблуждается, видя въ этомъ необходимый результатъ кредита, а не

извѣстнаго пользованія имъ. Если бы ножъ состоялъ изъ одного остраго лезвія, которымъ трудно было бы рѣзать не ранивъ руки; то слѣдовало ли бы, ради этого недостатка формы, отвергать пользу орудія вообще? Вмѣсто того, чтобы произнести надъ нимъ безусловное порицаніе, не лучше ли обратиться къ открытію и устраненію его недостатковъ—придѣлать рукоятку?

Такъ Сисмонди, принявъ за принципъ связь между монетою и банковыми билетами, и убѣдившись, что при сколько нибудь значительномъ выпускѣ послѣднихъ, обмѣнъ ихъ на металлическія деньги становится невозможнымъ, ищетъ противодѣйствія этой опасности и нигдѣ не находитъ его. Онъ хватается за мысль Смита — предлагаетъ выпускать одни крупные билеты отъ 500 до 1,000 франковъ,—негодуетъ на шотландцевъ за то, что у нихъ извратились понятія, что они охотнѣе принимаютъ банковые билеты низкаго нарицательнаго достоинства; доходитъ до защиты исключительно монетнаго обращенія, называя сбереженіе, достигаемое введеніемъ кредитныхъ знаковъ, щепетильною экономіею! Далѣе, онъ начинаетъ смотрѣть на кредитъ съ точки зрѣнія государственно-экономической; видитъ въ банкахъ упрежденія, которыя самовластно употребляютъ въ свою пользу извѣстную часть общественнаго достоянія, именно—монетный капиталъ, и требуетъ для банковъ регламентарнаго устройства. Наконецъ въ ѣдкомъ, но не-

вѣрномъ сравненіи, Сисмонди уподобляетъ банковые билеты картоннымъ пушкамъ китайцевъ, которыя во время мира, быть можетъ и сберегаютъ употребленіе мѣди; но во время войны никуда не годятся.

Для того чтобы открыть ошибки Сисмонди, необходимо стать на другую точку зрѣнія: слѣдуетъ составить понятіе о сущности кредита не по одной внѣшней сторонѣ существующихъ явленій; но, извлекая его изъ самаго свойства кредитныхъ сдѣлокъ, и изъ истиннаго назначенія банковъ. Смотря на кредитъ, какъ на мѣну; на банки, какъ на учрежденія, предназначенныя для застрахованія; на банковые билеты, какъ на внѣшнее означеніе кредитныхъ сдѣлокъ, (только болѣе совершенное нежели вексель; потому что банковые билеты застрахованы кредитнымъ учрежденіемъ); отрицая необходимость въ искуственной связи между кредитными знаками и монетою; мы должны будемъ допустить, что мѣна, застрахованіе, и пр., не могутъ быть причиною коммерческихъ кризисовъ; что шотландцы правы, предпочитая монетѣ орудія обращенія болѣе совершенныя; мы должны будемъ отвергнуть сравненіе банковыхъ билетовъ съ китайскими картонными пушками; потому что банковые билеты оказываютъ всегда огромныя услуги народному хозяйству, между тѣмъ какъ картонныя пушки не дѣйствуютъ ни въ мирѣ, ни въ войнѣ. Сравненіе банка съ компаніею, которой предоставляется вся жатва,

съ тѣмъ, чтобы она употребила въ дѣло праздный капиталъ до времени его потребленія, обязываясь поставлять только количество хлѣба, необходимое для прокормленія — не вѣрно: потому что банкъ не беретъ на себя снабженія рынка деньгами; но доставляетъ только частнымъ лицамъ возможность вмѣсто монеты употреблять кредитные знаки, которые столь хорошо служатъ какъ и деньги — этотъ хлѣбъ обращенія. Впрочемъ, относя это сравненіе къ земледѣльческимъ банкамъ, Сисмонди правъ въ томъ отношеніи, что эти банки не могутъ и не должны выпускать обращающихся билетовъ.

Понимая, что изобиліе денегъ не составляетъ богатства, Сисмонди доходитъ до идей меркантильныхъ, утверждая, что во время войны чисто-монетное обращеніе оказываетъ большія услуги. Какъ будто, при несуществованіи банковыхъ билетовъ, бѣдствіе промышленное не можетъ обнаружиться въ другихъ формахъ? Вынужденные займы среднихъ вѣковъ ни чѣмъ не лучше выпуска бумажныхъ денегъ, и несравненно вреднѣе для промышленности, нежели чрезмѣрный выпускъ облигацій, по займамъ государственнымъ. Но если дѣятельность банковъ ограничивается застрахованіемъ; если билеты ихъ не имѣютъ характера денегъ: то едва ли можно ожидать, что они произведутъ промышленное разстройство; едвали оно будетъ возможно, едвали банковые билеты не окажутъ огромныхъ услугъ во время самой

войны. Мы согласны съ тѣмъ, что устройство необходимо; но мы недумаемъ, что цѣль его должна состоять въ оборонѣ отъ самаго кредита. Не лучше ли вмѣсто того, чтобы ограничить пользованіе кредитомъ, опаснымъ въ извѣстной формѣ, пріискать для устройства его болѣе раціональныя начала; вмѣсто того, чтобы дозволять употребленіе ножей безъ черенковъ только людямъ взрослымъ, осторожнымъ, и въ крайней нуждѣ, не лучше ли придѣлать къ нимъ ручки, и предоставить во всеобщее пользованіе? Не точнѣе ли сравненія кредита съ подкопомъ подъ торговою дорогою, сравненіе его съ крыльями Икара; только не съ тѣми, о которыхъ говорилъ Смитъ; но съ крыльями надежными, которыя не растаютъ отъ лучей солнца и непорвутся бурею? Можно ли назвать кредитное обращеніе опаснымъ, если кредитные знаки застрахованы, и неправильнымъ, если реализація надежна, соглашена съ выгодами промышленныхъ сословій? Можно ли видѣть въ немъ, что-то безнравственное, когда онъ основанъ на довѣріи, и дѣлаетъ честность необходимою принадлежностію мѣны?

Сисмонди говоритъ, что кредитъ ничего непроизводитъ, а только перемѣщаетъ капиталы; этого мало, онъ утверждаетъ, что кредитъ содѣйствуетъ непроизводительному потребленію богатства, и создаетъ капиталъ мнимый, невещественный. Мы объяснили уже, почему кредитъ, перемѣщая капиталы, умножаетъ ихъ; итакъ

неостанавливаясь на этомъ положеніи, обратимся къ второму, которое развито у Сисмонди съ большею подробностію. И здѣсь снова тотъ же самый взглядъ, тотъ же самый источникъ заблужденій. Сисмонди правъ, говоря что многіе изъ займовъ, особенно государственныхъ, въ Англіи, Франціи, и пр. были растрачены безплодно, и оставили послѣ себя одни требованія; но онъ неправъ, приписывая это потребленіе кредиту. Развѣ нельзя потребить капиталы возвышая подати? И если бы послѣднее средство недавало возможности растратить столько, сколько было растрачено посредствомъ займовъ; то и тогда едва ли оно не было бы тягостнѣе для частныхъ лицъ, и гибельнѣе для народнаго хозяйства.

Притомъ акціи промышленныхъ компаній, даже облигаціи государственныхъ займовъ, не всегда составляютъ невещественный капиталъ. Обращая вниманіе на колосальныя постройки, сдѣланныя въ теченіи послѣднихъ трехъ дѣсятилѣтій, при помощи компаній на акціяхъ и публичнаго кредита; мы убѣждаемся въ томъ, что кредитные знаки часто имѣютъ характеръ свидѣтельствъ на участіе въ обладаніи капиталомъ реальнымъ, постояннымъ, состоящемъ въ желѣзныхъ дорогахъ, каналахъ, мануфактурныхъ и другихъ промышленныхъ предпріятіяхъ; что капиталы, перешедшіе изъ рукъ въ руки посред-

ствомъ кредита, не растрачены, а существуютъ на дѣлѣ, только не въ видѣ обращающихся, а орудныхъ.

Еще менѣе можно обвинить кредитъ въ образованіи невещественнаго капитала, если разсматривать этотъ вопросъ съ чисто теоретической точки зрѣнія. Простая мѣна служитъ такимъ же точно средствомъ для непроизводительнаго потребленія, какъ и кредитъ; — имущество, составляющее собственность, можетъ быть точно также растрачено какъ и занятое. Почему обыкновенно винятъ кредитные знаки въ непроизводительномъ потребленіи, а не винятъ денегъ? Если первое справедливо, то логическая послѣдовательность требуетъ допустить справедливость послѣдняго; именно, что деньги, облегчающія покупку и потребленіе, истощаютъ народное богатство, и притомъ едва ли не въ большей степени, чѣмъ кредитъ. Лице, передающее капиталъ по довѣрію къ будущему вознагражденію, обращаетъ вниманіе на самое употребленіе капитала; и чѣмъ болѣе вѣроятности въ непроизводительномъ потребленіи, тѣмъ труднѣе бываетъ получить капиталъ на кредитъ.

Наконецъ Сисмонди поставляетъ свои теоретическія изслѣдованія о кредитѣ въ связи съ тѣми явленіями, которыя возникли изъ безпорядочнаго соперничества, — въ связи съ неустройствомъ экономическимъ, оставшимся послѣ разрушенія средневѣковаго порядка. Съ одной стороны онъ видитъ зло въ чрезмѣрномъ накопленіи

капиталовъ, съ другой стороны въ уменьшеніи тѣхъ же капиталовъ, при такъ называемыхъ успѣхахъ экономическихъ, когда производство и потребленіе становятся быстрѣе, и когда образуются капиталы невещественные, воображаемые. Кредитъ, по его мнѣнію, пробудивъ лихорадочную дѣятельность въ чрезмѣрно накопленныхъ капиталахъ, въ тоже время истощаетъ ихъ отъ быстраго обращенія и потребленія. То и другое представляется ему зломъ, существующимъ въ одно и тоже время. Явленія, замѣченныя Сисмонди, дѣйствительно одновременны; но онъ не понялъ ихъ значенія, и потому они принимаютъ у него видъ двухъ противорѣчащихъ фактовъ. Огромное сосредоточеніе капиталовъ въ слѣдствіе безпорядочнаго соперничества частныхъ интересовъ, представилось Сисмонди чрезмѣрнымъ накопленіемъ капитала; и въ этомъ накопленіи, а не въ частномъ сосредоточеніи онъ видитъ причину развитія спекулятивнаго духа, хозяйственныхъ кризисовъ, банкротовъ. Отъ этого мнимаго избытка богатствъ, поддерживающаго, по мнѣнію Сисмонди, при помощи кредита, безпорядочную промышленную дѣятельность, авторъ переходитъ къ другому ряду явленій, въ которыхъ онъ видитъ истощеніе капиталовъ, подъ вліяніемъ кредита, и существующаго хозяйственнаго порядка: онъ указываетъ на образованіе капитала невещественнаго, на упадокъ мелкой промышленности, при преобладаніи боль-

шихъ предпріятій, на быстроту обращенія, ускоряющую, по его словамъ, потребленіе. Истощеніе капиталовъ, составляющее въ мелочной промышленности, слѣдствіе того же частнаго скопленія богатства подъ вліяніемъ соперничества, не можетъ быть приписано кредиту: напротивъ онъ можетъ поправить положеніе мелкихъ промышленниковъ, при развитіи невещественной гарантіи Быстрота потребленія далеко вознаграждается быстротою производства, и тѣмъ, что при настоящихъ путяхъ сообщенія и живости оборотовъ, для производства извѣстнаго количества цѣнностей необходима быть можетъ только $^1/_{10}$ доля прежняго обращающагося капитала; остальныя $^9/_{10}$ могутъ быть употреблены для другихъ хозяйственныхъ цѣлей, и безъ сомнѣнія не поглощаются однимъ потребленіемъ, но служатъ и для увеличенія количества произведеній, и для совершенствованія самаго производства.

Кредитъ, основанный на раціональныхъ началахъ, долженъ уничтожить съ одной стороны полнокровное состояніе (état pléthorique), съ другой стороны — истощеніе богатства. Дѣйствуя на сосредоточеніе и разсѣяніе капиталовъ, сообразно съ требованіями производства, опирающагося на запросъ, въ которомъ выражаются возможно полнымъ образомъ потребности, кредитъ примиряетъ обѣ крайности, и направляетъ капиталы и

хозяйственную дѣятельность къ распространенію благосостоянія.

2. *Цышковскій.*

Анализъ Сисмонди можно сравнить съ химическимъ разложеніемъ; за нимъ долженъ былъ слѣдовать рядъ новыхъ соединеній, характеръ которыхъ заранѣе былъ опредѣленъ методомъ знаменитаго противника смитовой школы. Критика Сисмонди не діалектическое преніе объ отвлеченныхъ теоретическихъ началахъ: это разборъ положеній науки, проявляющихся въ формахъ экономическаго устройства. Такимъ образомъ былъ проложенъ путь практическій для послѣдующихъ экономистовъ, и изслѣдованія ихъ были обращены не на одну чистую теорію; но на хозяйственный порядокъ, на исторію экономическую и на законодательство положительное. Идея является не безплотною; но живущею въ разнообразіи существующаго. И на этомъ пути—простора было тѣмъ болѣе, что Сисмонди не могъ увлечь собственными идеями и построеніями: онъ не даетъ новыхъ началъ, и разлагаетъ только старыя; онъ не ищетъ болѣе развитыхъ формъ хозяйственнаго устройства, но съ любовію обращается къ отжившему и разрушающемуся. Творчество должно было принадлежать не ему, а другимъ.

Къ наиболѣе замѣчательнымъ дѣятелямъ на этомъ

новомъ направленіи должно отнести Цѣшковскаго. Для него воскресаетъ снова государственно-экономическій принципъ меркантилизма, правда не столь исключительный; для него главная экономическая проблемма состоитъ въ прочномъ экономическомъ порядкѣ, который создается правительствомъ подъ вліяніемъ раціональныхъ, образовательныхъ началъ.

Эти начала, положенныя г. Цѣшковскимъ въ основаніе его кредитной системы, вытекаютъ изъ предложеннаго имъ опредѣленія, съ которымъ мы уже познакомили нашихъ читателей. «Кредитъ, говоритъ онъ, есть превращеніе капиталовъ постоянныхъ и затраченныхъ въ обращающіеся и свободные. Это средство для того, чтобы сдѣлать свободными и обращающимися, капиталы неимѣвшіе этого свойства, и чтобы дать имъ возможность обратиться туда, гдѣ въ нихъ ощущается потребность».

Такимъ образомъ кредитъ съ одной стороны есть ничто иное какъ приданіе обращаемости капиталамъ существующимъ, съ другой стороны обращеніе есть ни что иное какъ повсемѣстное развитіе кредита въ государствѣ *).

Обращеніе, продолжаетъ авторъ, бываетъ троякое: дѣятельное или производительное, страдательное, или

---

*) Cieszkovsky. Du crédit et de la circulation. Paris 1849 p. 6 et 7.

служащее для потребленія, нейтральное или безплодное. Къ послѣднему относятся: промѣнъ, ажіотажъ, биржевая игра, и проч. Оно составляетъ цѣль само для себя, вмѣсто того, чтобы быть средствомъ для производства и для потребленія *).

Главный дѣятель въ производительномъ обращеніи — капиталъ обращающійся; въ производствѣ — капиталъ постоянный. Но, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, прибытокъ (rapport), доставляемый капиталами обращающимися, гораздо значительнѣе доставляемаго капиталами постоянными; это истина несомнѣнная: потому что капиталы постоянные даютъ только проценты, обращающіеся — прибыль, и увеличиваютъ въ изумительной пропорціи доходы, которые капиталъ постоянный можетъ дать не-прежде какъ тогда, когда капиталъ обращающійся оплодотворитъ его достаточнымъ образомъ. Ради общественнаго благосостоянія чрезвычайно важно увеличить количество капиталовъ обращающихся, которыхъ лишены бываютъ постоянные, напр. земли **).

Именно, еслибы существовало средство, говоритъ авторъ, для того чтобы освободить капиталы затраченные, постоянные, не отнимая у нихъ характера неподвижности — однимъ словомъ мобилизировать ихъ такъ,

---

*) Ib. p. 8 et 9.

**) Ib. p. 9—11.

чтобы они могли исполнять двоякое назначеніе: то это средство было бы самымъ сильнымъ двигателемъ въ накопленіи капиталовъ, и дало бы огромныя силы для развитія промышленности. Такое средство существуетъ— это кредитъ въ его нормальномъ и всеобщемъ значеніи *).

Говоря о мобилизаціи капиталовъ постоянныхъ, затраченныхъ, должно имѣть въ виду не только поземельную собственность; но всякій фондъ (какъ напр. застрахованныя движимыя имущества, даже капиталъ состоящій въ трудѣ); фондъ, который можетъ быть положенъ въ основу реальнаго кредита: потому что послѣдній требуетъ гипотекъ, а не гипотезъ. Въ настоящее время реальный кредитъ достигъ высшей степени нормальнаго развитія въ формѣ кредита земледѣльческаго **).

Начало нормальнаго кредита составляютъ ломбарды и депозитные банки ***). Но цѣль обращенія далеко недостигается при банкахъ депозитныхъ, при этой пассивной системѣ кредита, состоящей во взаимныхъ разсчетахъ, трансфертахъ, и т. д. Вексель, пускаемый въ обращеніе, составляетъ начало второй активой системы, т. е. обращенія, раздвигающей первоначальные предѣлы, въ ко-

---

*) Ib. p. 11.

**) Ib. p. 11, 13, 51, 55.

***) Ib. p. 12.

торыхъ заключался кредитъ депозитнаго банка относительно времени, т. е. срочности, и пространства. Вмѣстѣ съ этимъ кредитъ изъ реальнаго, спеціальнаго и опредѣленнаго дѣлается моральнымъ, всеобщимъ и неопредѣленнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, вексель не есть предметъ залога, гипотеки или депозита; это обѣщаніе, которое при помощи банка, обращается изъ частнаго во всеобщее. Въ этомъ заключается развитіе кредита во второй системѣ; но кредитъ требуетъ вещественнаго залога, обезпечивающаго его реальность, т. е. какой бы то ни было реализаціи; и такъ необходимо, чтобы эта реализація слѣдовала, если она не предшествовала. При депозитной системѣ въ реализаціи нѣтъ нужды: потому что обороты состоятъ въ одной передачѣ залога; въ системѣ кредита активнаго, основаннаго на выпускѣ (émission), обобщеннаго и безъ матеріальной гарантіи, раализація необходима въ будущемъ, и, въ слѣдствіе самаго обобщенія, должна сдѣлаться изъ срочной немедленною, по предъявленію банковаго билета. Это составляетъ необходимое условіе идеализированнаго кредита, который опирается единственно на залогъ металлическій: потому что портефёль банка (т. е. частные векселя) не можетъ служить гипотекою матеріальною и спеціальною, состоя изъ обѣщаній личныхъ, которыя,

замѣняясь одни другими, безпрерывно отсрочиваютъ платежъ *).

Однакоже мы увидимъ, что могутъ, что должны существовать кредитные знаки, безъ уплаты по предъявленію. Для этого кредитъ долженъ возвратиться къ системѣ залоговъ спеціальныхъ и вещественныхъ, сохраняя всеобщность организаціи учета, и даже обобщая ее еще болѣе; надо выждать: замѣнъ кредита пустаго и неопредѣленнаго (vague et indéterminé), кредитомъ существеннымъ и опредѣленнымъ; синтетическое соединеніе системъ депозитной и обращенія (d'émission) создаетъ новую систему кредита во столько же высшую, въ сравненіи съ предшествующею; во сколько органическое сочетаніе превосходитъ элементы, изъ которыхъ оно слагается.

Въ ней должны исчезнуть недостатки обѣихъ системъ — депозитной и обращенія: недостатокъ первой, состоящій въ томъ, что реальныя цѣнности не имѣютъ обращаемости; т. е. фондъ не имѣетъ движимости; недостатокъ второй, состоящій въ томъ, что обращающіяся цѣнности не имѣютъ реальной гарантіи, т. е. кредитные знаки не обезпечены фондомъ. Она должна уничтожить и бѣдность, и избытокъ въ обращающихся цѣнностяхъ; бѣдность въ цѣнностяхъ реальныхъ, и избы-

---

**) Ib. p. 14—18

токъ мнимыхъ. Разрѣшеніе этой антиноміи состоитъ въ томъ, чтобы освободить цѣнности затраченныя, и заложить свободныя, т. е. обезпечить залогомъ выпущенные кредитные знаки; — другими словами мобилизировать фонды, и основать моральный кредитъ (подъ которымъ авторъ разумѣетъ коммерческій) на вещественной гарантіи.

Эта мысль объясняется взглядомъ автора на существующій земледѣльческій кредитъ, и на его дальнѣйшее преобразованіе. Земледѣльческій кредитъ имѣетъ устройство, достигшее довольно высокой ступени развитія; хотя еще не вполнѣ совершенное. Это кредитъ реальный, а не личный; залогъ въ немъ спеціаленъ и опредѣленъ; реализація предшествовала его открытію: поэтому облигація, которая его представляетъ, обезпеченная вещественнымъ залогомъ, можетъ дѣйствовать постоянно какъ обращающійся капиталъ, не требуя уплаты (т. е. реализаціи), возврата капитала; — это не ссуда, а только освобожденіе, мобилизація, истинный обращающійся фондъ, который можетъ служить посредникомъ въ оборотахъ. Но для этой послѣдней цѣли облигація должна получить форму кредитнаго знака, который имѣлъ бы такую же способность къ обращаемости какъ и деньги, не требуя реализаціи, или обмѣна на монету *).

Къ этой типической формѣ должны быть приведены

---

*) Ib. p. 40—42.

всѣ кредитныя сдѣлки и всѣ кредитные знаки. Такой результатъ достигается посредствомъ установленія рентовыхъ билетовъ и преобразованія денежной и кредитной системъ.

Въ настоящее время, говоритъ авторъ, есть два вида денежныхъ капиталовъ: 1) деньги въ собственномъ смыслѣ слова, (le numéraire) именно: деньги бумажныя, банковые билеты, и пр. и 2) публичные фонды — облигаціи, и пр., отличающіеся тѣмъ, что приносятъ проценты. Денежный капиталъ перваго рода бываетъ производителенъ только тогда, когда онъ находится въ движеніи; останавливаясь, онъ теряетъ свою производительную силу, дѣлается мертвымъ капиталомъ. Совершенно противнымъ свойствомъ обладаютъ публичныя бумаги, облигаціи, акціи, и т. д. Онѣ почти не имѣютъ обращаемости, ихъ настоящая роль состоитъ въ неподвижности. Публичныя бумаги составляютъ прибыльное употребленіе капитала въ томъ случаѣ, когда онъ остается неподвижнымъ; находясь въ обращеніи, онѣ требуютъ непроизводительнаго движенія капиталовъ. Итакъ деньги, въ собственномъ смыслѣ, ищутъ употребленія и тогда только дѣлаются производительными, когда будутъ пущены въ обращеніе; публичные бумаги представляютъ капиталъ уже употребленный и приносящій процентъ тогда, когда онъ находится безъ движенія.

Анализъ двухъ видовъ денежнаго капитала приво-

дитъ автора къ синтезу ихъ элементовъ, къ органическому сочетанію ихъ свойствъ,—сочетанію, которое онъ находитъ въ своихъ рентовыхъ билетахъ. Эти билеты, образующіе новый видъ денежнаго капитала, должны замѣнить и монету, и публичные фонды. Отъ первой они получаютъ обращаемость, отъ вторыхъ—движимость; однимъ словомъ они должны служить и для капитализаціи, и для оборотовъ *).

Такіе рентовые билеты составляютъ результатъ нормальнаго развитія кредита и мобилизаціи фондовъ; это тоже, что и гарантированныя облигаціи земледѣльческаго банка, только раздробленные, годные для замѣна денегъ, и обезпеченныя не одними земледѣльческими, но и другими фондами.

Такъ какъ только реальные фонды могутъ служить основою для всеобіцаго кредита, и такъ какъ выпускъ рентовыхъ билетовъ тождественныхъ съ монетою долженъ принадлежать государству: то мобилизація должна начаться съ государственныхъ земледѣльческихъ имуществъ; другими словами: первоначальный выпускъ рентовыхъ билетовъ долженъ опираться на государственные земледѣльческіе фонды. Въ послѣдствіи времени, при развитіи гипотекарнаго порядка и застрахованія, и частные лица получатъ также возможность употребить свои фонды

---

*) Ib. p. 60—64.

для выпуска рентовыхъ билетовъ; но только при посредничествѣ правительства. Такимъ образомъ государство открываетъ себѣ кредитъ непосредственно, частныя лица — только при содѣйствіи правительства *).

Вообіце, при первоначальномъ устройствѣ кредита, г. Цѣшковскій допускаетъ выпускъ рентовыхъ билетовъ подъ гипотеку: 1) государственныхъ земледѣльческихъ имуіществъ, соотвѣтственно половинѣ ихъ цѣнности; 2) подъ залогъ общинныхъ имуіществъ, на томъ же основаніи; 3) подъ залогъ той доли частныхъ земледѣльческихъ имуіществъ, которая составляетъ податной капиталъ, принимая подать земледѣльческую за 4% съ податнаго капитала. Рентовые билеты, хотя и обезпеченные тремя разрядами гипотекъ; но имѣя одну общую форму, образуютъ между составными частями матеріальной гарантіи солидарность, которая предохранитъ курсъ этихъ билетовъ отъ тѣхъ колебаній, которыя производятся мѣстными обстоятельствами или личнымъ вліяніемъ.

Рентовые билеты выпускаются по 100 франковъ; процентъ, приносимый ими, долженъ быть средній, умѣренный, напр. 3 фр. 65 сент. т. е. по одному сентиму въ день. На билетѣ находится табличка, въ которой содержится вычисленіе накопившихся процентовъ. Процентъ 3,65, по мнѣнію г. Цѣшковскаго, достаточенъ для

---

*) Ib. p. 114, 156, 157, 160—163.

поддержанія цѣнности билетовъ и для отвращенія ажіотажа;—онъ можетъ быть пониженъ, при всеобщемъ пониженіи процентовъ *).

Выпускъ рентовыхъ билетовъ имѣетъ троякій исходъ: 1) посредствомъ выкупа облигацій государственнаго займа, или замѣна ихъ этими деньгами; 2) посредствомъ публичныхъ работъ; 3) постояннымъ снабженіемъ кредита земледѣльческаго, промышленнаго и торговаго.

Порядокъ распредѣленія рентовыхъ билетовъ имѣетъ три ступени. Первая ступень обнимаетъ собою сношенія частныя—учетъ и займы, соотвѣтствующія настоящимъ операціямъ частнаго банкира, съ тѣмъ только различіемъ, что учетъ дѣлается не монетою, а рентовыми билетами. Выгода банкира состоитъ въ разности между учетнымъ процентомъ и процентомъ рентоваго билета, въ преміи или въ платѣ за комиссію. Но эта форма распредѣленія кредита, привлекая значительное количество капиталовъ, служитъ болѣе для операцій непосредственныхъ; она не составляетъ еще источника всеобщаго и нормальнаго, изъ котораго каждая промышленность черпала бы ссуды временныя на одинаковыхъ условіяхъ. Для этого необходима вторая ступень—частные банки (въ родѣ joint-stock-banks), посредники между центральнымъ кредитнымъ учрежденіемъ и частною промышленностію, по-

*) Ib. p. 178, 165.

средники, имѣющіе въ виду мѣстность и особенности промышленности т. е., предназначающіе себя для содѣйствія извѣстнымъ отраслямъ промышленности, сообразно съ ихъ свойствами и въ извѣстныхъ мѣстахъ. Эта спеціальность банковъ однакоже ни мало не исключаетъ между ними ассоціаціи, связей и взаимной гарантіи *). Частные банки, представивъ государству реальный фондъ въ опезпеченіе, пользуются у него открытымъ кредитомъ, получаютъ рентовые билеты, и производятъ ими ссуды, учеты, и пр. Назначеніе нейтральнаго банковаго фонда состоитъ въ застрахованіи или въ гарантіи: а) ссуды, которую правительство оказываетъ банку въ видѣ рентовыхъ билетовъ и б) платежа процентовъ. Но, по мѣрѣ того какъ истощается государственный фондъ, банковый можетъ сдѣлаться основою для выпуска билетовъ; тогда банкъ будетъ находиться въ такомъ точно отношеніи къ государству, въ какомъ члены ассоціаціи земледѣльческаго кредита въ Пруссіи находятся къ казнѣ **). Доходы этихъ посредниковъ будутъ состоять: 1) изъ доходовъ съ собственнаго капитала, или фонда; 2) изъ разности между учетными процентами и рентою; 3) изъ платы за комиссію по банковымъ операціямъ; 4) изъ

---

*) Ib. p. 210,211,214,215,251,288,289.

**) Ib. p. 223,224,236—238,

участія въ прибыли, отъ выпуска извѣстнаго количества бумажныхъ размѣнныхъ денегъ *).

Обращаясь къ спеціальностямъ банковъ, г. Цѣшковскій допускаетъ три вида кредита: 1) земледѣльческій; 2) мануфактурный или промышленный и 3) торговый. Кредитъ земледѣльческій исключаетъ всякое посредничество частнаго банка. Поземельные владѣльцы, исключая мелкихъ, могутъ пользоваться кредитомъ прямо изъ центральнаго кредитнаго установленія, выпускающаго рентовые билеты. Кредитъ мануфактурный и торговый не можетъ существовать безъ такихъ посредниковъ; связь его съ центральнымъ источникомъ кредита должна быть строже.

Производство платежей по кредитнымъ операціямъ, авторъ поставляетъ въ связи съ системою податей **).

Наконецъ, если частный интересъ не довольно силенъ, для того чтобы вызвать существованіе частныхъ кредитныхъ учрежденій: то необходимо устроить ихъ отъ правительства, для оказанія помощи отраслямъ промышленности, которыя терпятъ недостатокъ въ кредитѣ. Высшую ступень составляетъ центральное кредитное учрежденіе, выпускающее рентовые билеты.

Изъ представленнаго нами очерка системы кредита

---

*) Ib. p. 248.

**) Ib. p. 252,256.

г. Цѣшковскаго легко замѣтить какое важное значеніе имѣетъ въ ней посредничество правительства. Разсмотримъ въ какомъ смыслѣ авторъ понимаетъ это вліяніе; здѣсь мы встрѣтимся снова съ его любимою мыслію — примиреніемъ противуположностей посредствомъ синтетическаго построенія.

Начало неограниченной свободы промышленности и начало запретительное представляются ему равно односторонними. Первое въ сравненіи съ послѣднимъ справедливо; но это правда безплодная, отрицательная, между тѣмъ какъ для насъ необходима правда живительная и плодотворная; это справедливость слѣпая, подобная pereat mundus, fiat justitia; между тѣмъ какъ для насъ необходимо, чтобы справедливость осуществилась, и чтобы міръ, вмѣсто того чтобы погибнуть, наслаждался и пользовался ею. Отвергая неограниченную свободу промышленности, и начало laissez faire, laissez passer, какъ недѣятельное и безплодное, и принципъ запретительной системы, авторъ ищетъ синтеза для обоихъ въ защитѣ, которая обѣщаетъ содѣйствіе, устройство и развитіе. Задача такого покровительства состоитъ въ порядкѣ и гарантіи вездѣ, гдѣ замѣшанъ общественный интересъ; въ свободѣ промышленности, гдѣ господствуютъ интересы частные. Помощь и содѣйствіе въ томъ и другомъ

случаѣ составляютъ условіе истинной централизаціи *). Покровительство должно состоять не въ мѣрахъ отрицательныхъ, регламентарныхъ; но въ положительныхъ и устрояющихъ. Вмѣсто того чтобы отмѣнять, надо учреждать; вмѣсто того чтобы ограничивать, надо распространять; вмѣсто того чтобы ослаблять, надо укрѣплять; вмѣсто того чтобы затруднять, надо возбуждать; вмѣсто того чтобы требовать гарантій мнимыхъ, надо дать дѣйствительныя: однимъ словомъ, вмѣсто того чтобы регламентировать щепетильнымъ и мелочнымъ образомъ, надо устроять на широкомъ и прочномъ основаніи. Такая организація установляется только въ слѣдствіе всеобщаго сосредоточенія элементовъ индивидуальныхъ въ фокусѣ общественной силы, и въ разсѣяніи послѣдней для того чтобы оживить частные элементы. Органическое обращеніе неможетъ существовать безъ сердца, безъ центральнаго органа, превращающаго венозную кровь т. е. сырыя цѣнности въ кровь артеріальную т. е. въ цѣнности обращающіяся и воспроизводящія. Отсутствіе таковаго органа или множественность ихъ всегда произведутъ анархію и безпорядокъ **).

Согласно съ этими понятіями о вліяніи государства на дѣла промышленныя, авторъ видитъ въ немъ силу

---

*) Ib. p. 106, 111, 133.

**) Ib. p. 280, 281.

организующую кредитъ. Участіе государства въ устройствѣ кредита и въ покровительствѣ частнымъ интересамъ состоитъ: 1) въ учрежденіи центральнаго кредитнаго установленія, которое занимается выпускомъ рентовыхъ билетовъ и распредѣленіемъ ихъ посредствомъ частныхъ банковъ и непосредственной мобилизаціи земледѣльческихъ фондовъ. Право выпуска билетовъ должно принадлежать государству по той же причинѣ какъ и чеканка монеты. Зависимость частныхъ лицъ въ пользованіи кредитомъ отъ государства г. Цѣшковскій объясняетъ также какъ и Лò, говоря что государству слѣдуетъ оказывать кредитъ, а не получать его *). 2) Въ облегченіи пользованія кредитомъ посредствомъ учрежденія казенныхъ банковъ. Это необходимо потому, что государство, какъ высшая ступень жизни общественной, должно помогать частному интересу тамъ, гдѣ онъ безсиленъ. Точка отправленія, для движенія сообщаемаго промышленности у различныхъ народовъ, различна, смотря по свойству ихъ національнаго генія. Между тѣмъ какъ въ Сѣверо-американскихъ штатахъ частный интересъ довольно силенъ, для того чтобы дать толчекъ; — въ Европѣ, гдѣ начало авторитета имѣетъ столь сильное вліяніе, это движеніе должно вытекать, въ слѣдствіе историческаго развитія, изъ центральнаго

*) Ib. p. 114.

фокуса. 3) Наконецъ содѣйствіе государства облегчаетъ пріемъ платежей по рентовымъ билетамъ соединеніемъ устройства кредита съ финансовою администраціею *).

Разсмотрѣвъ сущность реальнаго кредита и его нормальное развитіе, обратимъ вниманіе на тѣ экономическіе результаты, которыхъ авторъ ожидаетъ отъ своей системы.

Кредитъ, говоритъ онъ, не творитъ капиталовъ; но онъ вызываетъ ихъ изъ внутри (il les suscite), заставляетъ отразиться, дѣйствовать вдвойнѣ, и приноситъ двойной доходъ. Всякій фондъ, при содѣйствіи кредита, можетъ доставить доходъ, не только самъ по себѣ, какъ капиталъ постоянный; онъ можетъ содѣйствовать производству, какъ капиталъ обращающійся. Надо пробудить эту силу, надо достичь того, чтобы фондъ могъ отразиться (se refléchir), оставаясь капиталомъ постояннымъ. Этотъ избытокъ силы, доставляемый капиталу посредствомъ кредита, эта рефлектированная цѣнность, которая представляется какъ бы отдѣленною отъ вещества, можетъ—или излиться на самый капиталъ, для увеличенія его силы, уменьшенія бремени на немъ лежащаго, или обратить дѣятельность свою на что либо другое, для того чтобы оплодотворять самостоятельно.

---

*) Ib. p. 114, 127, 270, 277.

Капиталы существуютъ; но они поражены неподвижностію, застоемъ. Кредитъ не создаетъ капиталовъ, подобно тому какъ и монета не создаетъ произведеній: онъ возбуждаетъ ихъ (suscite), распредѣляетъ нормально, дѣлаетъ болѣе дѣятельными и ускоряетъ ихъ образованіе. Точно такое же вліяніе имѣла монета на образованіе произведеній. Но развитіе кредита не можетъ быть слѣдствіемъ простаго умноженія орудій обращенія: потому что увеличеніе количества безплодныхъ (т. е. непроизводительныхъ) знаковъ влечетъ за собою паденіе ихъ цѣны. Только выпускъ фондовъ обращающихся и приносящихъ проценты — рентовыхъ билетовъ, производительныхъ и въ капитализаціи и въ обращеніи, можетъ удовлетворить потребностямъ обращенія, не подвергая опасности послѣдняго. Этимъ объясняется сбивчивость понятій относительно умноженія орудій обращенія. Съ одной стороны понимали важность этого умноженія, для возбужденія производства и усиленія богатства; съ другой видѣли опасность въ увеличеніи количества фиктивныхъ знаковъ. Задача состоитъ не въ томъ, чтобы умножить орудія обращенія; не въ томъ, чтобы умножить капиталъ обращающійся мобилизаціею фондовъ, открывая для всѣхъ фондовъ возможность пользоваться учетомъ; а въ томъ, чтобы заставить эти самые капиталы служить орудіемъ въ обращеніи. Вотъ какимъ образомъ кредитъ производитъ умноженіе богатства; но этого мало —

установленіе рентовыхъ билетовъ доставляетъ другія выгоды *).

Получивъ реальную основу, принося процентъ, они уничтожаютъ обращеніе безплодное, ажіотажъ, возникающій изъ недостаточности устройства кредита, и дѣлаются могущественнымъ средствомъ для сбереженія и накопленія. Главное существенное свойство рентовыхъ билетовъ состоитъ въ томъ, что принося проценты, они непозволяютъ капиталу ни одной минуты оставаться непроизводительнымъ, недѣятельнымъ: потому что процентъ для временнаго владѣльца будетъ накопляться непрерывно. Такимъ образомъ гигантскіе результаты накопленія сложныхъ процентовъ будутъ достигаться во всѣхъ частныхъ сдѣлкахъ, а не въ однихъ кредитныхъ операціяхъ на долгій срокъ. Каждый доходъ, каждый платежъ обратится тотчасъ въ производительный капиталъ; потому что доходы будутъ получаться въ видѣ капиталовъ приносящихъ непрерывный сложный %. Рентовый билетъ составляетъ точное такое же помѣщеніе для капитала, какъ вкладъ въ сберегательную кассу **).

Принося процентъ, служа для оборотовъ и для капитализаціи, рентовые билеты всегда будутъ соотвѣтствовать потребности обращенія. При избыткѣ денегъ и

---

*) Ib. p. 308—311.

**) Ib. p. 65—69.

пониженіи процентовъ, билеты останутся неподвижными; при недостаткѣ денегъ и прибыльности предпріятій, они появятся въ обращеніи: такимъ образомъ одно существованіе рентовыхъ билетовъ поразитъ въ самомъ источникѣ измѣняемость процентовъ. Вмѣсто постоянной несоразмѣрности между запросомъ на капиталы и предложеніемъ ихъ — то недостаткомъ, то изобиліемъ денегъ, водворится постоянное равновѣсіе, подъ вліяніемъ измѣняющихся цѣнъ произведеній. Возвышеніе цѣнъ вызоветъ билеты въ обращеніе, — пониженіе возвратить ихъ для храненія въ портефёли *).

Рентовые билеты составляютъ самое лучшее средство для замѣна монеты, совмѣщая въ себѣ свойство совершеннѣйшаго знака, и совершеннѣйшаго залога цѣнности. Этими свойствами они обладаютъ точно также какъ и монета.

Слѣдовательно, желаніе обмѣнять билетъ на монету столь же безсмысленно, какъ желаніе обмѣнять монету на мѣшки съ мукою, подъ предлогомъ большей безопасности **). Только, при введеніи рентовыхъ билетовъ, авторъ допускаетъ временный обмѣнъ ихъ на монету, котораго, однакоже по его мнѣнію, никто не можетъ желать: потому что билеты реализированы въ самомъ началѣ,

---

*) Ib. p. 76—82.

**) Ib. p. 168.

и приносятъ доходъ. Такимъ образомъ уничтожается необходимость въ обмѣнѣ кредитныхъ билетовъ на монету, по предъявленію — это зло неизбѣжное въ томъ случаѣ, когда банковые билеты не приносятъ доходовъ, когда эти знаки фиктивные. Дѣлая рентовые билеты единственнымъ орудіемъ обращенія, г. Цѣшковскій отдаетъ имъ преимущество предъ деньгами металлическими; потому что они не могутъ быть подвержены колебаніямъ въ цѣнѣ, подобно монетѣ, и состоятъ изъ бумажныхъ знаковъ, а большая часть экономистовъ отдаетъ преимущество бумажнымъ деньгамъ. Открытія въ области химіи могутъ сдѣлать монету еще болѣе негодною для обращенія. Послѣ введенія рентовыхъ билетовъ, роль монеты въ обращеніи будетъ ограничиваться однимъ размѣномъ билетовъ. Но это назначеніе можетъ быть гораздо лучше выполнено бумажными размѣнными деньгами.

Наконецъ введеніе рентовыхъ билетовъ должно произвести переворотъ въ самой мѣнѣ. Платежи будутъ еще болѣе идеализированы. Вмѣсто капитала будетъ передаваться соотвѣтствующая ему рента, — покупки и продажи обратятся въ трансферты рентъ. Такимъ образомъ рента сдѣлается орудіемъ мѣны такимъ же точно, какъ монета, только болѣе совершеннымъ; потому что при способности, которою обладаютъ рентовые билеты, появляться въ случаѣ существующей потребности и обращаться въ портефёли, когда потребность минетъ, —

самая рента должна сдѣлаться постоянною. Итакъ прогресивное развитіе орудій обращенія ведетъ къ тому, что рента дѣлается орудіемъ обращенія. Но между тѣмъ какъ монета была цѣною вещей, рента дѣлается цѣною денегъ, т. е. цѣною цѣны. Этотъ замѣнъ оборотовъ капитальныхъ рентовыми подтверждаетъ для насъ тотъ несомнѣнный фактъ, что для насъ доходъ важнѣе капитала. Количество капитала, говоритъ г. Цѣшковскій вещь безразличная; главное дѣло состоитъ въ доходѣ. Капиталъ долженъ быть разсматриваемъ какъ нѣчто идеальное; то что въ немъ заключается реальнаго, ощутимаго — это произведеніе капитала, его доходъ, пользованіе имъ. Какое дѣло для частнаго лица, получающаго 36,500 франковъ дохода, составляетъ ли его имущество милліонъ или 800 тысячъ франковъ? Существенное для него — цифра дохода *).

Нѣчего говоритъ о томъ, что по мнѣнію автора его кредитная система, основанная на выпускѣ рентовыхъ билетовъ, даетъ нормальное развитіе кредиту государственному, и дѣлаетъ его обильнымъ источникомъ обогащенія.

Сочиненіе г. Цѣшковскаго составляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ исторіи экономической литературы. Это попытка создать практическую систему кредита, устроить кредитъ въ государствѣ и подъ вліяніемъ государства. Въ этомъ отношеніи трудъ его

*) Ib. p. 94. 95.

выполненъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ. Ни одинъ изъ современныхъ экономистовъ, обратившихся къ идеямъ промышленнаго порядка, не умѣлъ съ такимъ талантомъ какъ г. Цѣшковскій соединить преданія меркантилизма съ идеями современными. Какая безконечная разница между его построеніями и построеніями Листа! У Листа— идея протекціонизма является началомъ несозидающимъ, но чисто охранительнымъ;—у г. Цѣшковскаго она получаетъ характеръ начала образовательнаго, глубоко проникающаго въ дѣйствительность.

Планъ устройства кредита, развитый въ его системѣ, основанъ на синтезѣ, на примиреніи противуположностей въ существующемъ, и представляетъ рядъ блестящихъ построеній, отличающихся логичностію, послѣдовательностію и всеобщностію. Такъ, въ его системѣ представляется: соединеніе кредита депозитнаго съ обращающимся; денегъ съ публичными фондами—въ формѣ рентовыхъ билетовъ, дѣятельности частно-экономической съ государственною.

Но обращаясь къ основнымъ научнымъ положеніямъ, составляющимъ краеугольный камень цѣлаго зданія, мы находимъ, что они по большей части, парадоксальны, ложны или не выдерживаютъ критики. Отличаясь смѣлымъ творчествомъ въ синтезѣ и въ построеніи, г. Цѣшковскій не обладаетъ ни даромъ философскаго анализа, ни вѣрнымъ взглядомъ на сущность

хозяйственныхъ отношеній. Поэтому, онъ оправдываетъ свою систему нестолько доказательствами, почерпнутыми изъ раціональнаго воззрѣнія на дѣйствительность; сколько указаніемъ на слѣдствія, выводимыя имъ изъ началъ гипотетическихъ.

Авторъ называетъ капиталъ постоянный главнымъ дѣятелемъ въ производствѣ; но условіемъ производительности считаетъ капиталъ обращающійся, который получается посредствомъ мобилизаціи фондовъ, или превращенія капитала постояннаго, въ слѣдствіе его раздвоенія или рефлекса. Поставляя, такимъ образомъ, главнымъ дѣятелемъ въ производствѣ не трудъ человѣка, а каниталъ постоянный; разсматривая капиталъ обращающійся какъ отраженіе отъ послѣдняго, г. Цѣшковскій отнимаетъ у человѣка, у его личныхъ силъ, у его дѣятельности то значеніе, которое имъ принадлежитъ по праву, и въ дѣйствительности. Это обстоятельство чрезвычайно важно не только потому, что оно имѣетъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе мыслей автора; но также потому, что въ немъ заключается принципъ, отнимающій у кредита его высокое экономическое значеніе, и отрицающій его непосредственное вліяніе на успѣхи общественнаго благосостоянія: кредитъ дѣлается по преимуществу достояніемъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ! Между тѣмъ основныя мысли автора ложны: капиталъ постоянный, подобно обращающемуся, соста-

вляетъ результатъ производительной дѣятельности труда. Далѣе—можно ли мобилизировать фондъ? можетъ ли капиталъ постоянный превратиться въ обращающійся, оставаясь по прежнему постояннымъ? Въ самихъ словахъ автора заключается неясность, которой онъ тщетно хочетъ помочь, противорѣчущими другъ другу истолкованіями, называя капиталъ обращающійся отраженіемъ отъ постояннаго, говоря что кредитъ раздвояетъ капиталы! Но превращеніе, отраженіе, рефлексъ капитала постояннаго, невозможные въ физическомъ отношеніи, неимѣютъ значенія даже въ переносномъ смыслѣ слова. Составляя одну изъ хозяйственныхъ основъ довѣрія, притомъ неисключительную, и даже не самую совершенную, капиталъ постоянный, какъ гарантія кредита, даетъ только возможность пользоваться цѣнностями въ формѣ капитала обращающагося. Но эти цѣнности не отдѣляются и не отражаются отъ фондовъ; онѣ составляютъ не призракъ; а капиталъ дѣйствительный, быть можетъ участвовавшій въ промышленности, въ другомъ мѣстѣ; но получающій посредствомъ кредита, только лучшее назначеніе. Итакъ кредитъ не удвояетъ доходовъ, потому что заставляетъ капиталы дѣйствовать въ двойнѣ; но безъ сомнѣнія увеличиваетъ доходы, давая капиталамъ самое лучшее производительное назначеніе. Авторъ былъ введенъ въ это заблужденіе тѣмъ, что смотрѣлъ на выпускъ рентовыхъ билетовъ, какъ на дѣйствительную мо-

билизацію фондовъ. Рентовые билеты представились ему не какъ внѣшнее означеніе кредита, а какъ дѣйствительный капиталъ приносящій проценты. Это обвиненіе невыдумано нами. Что такое рентовые билеты, говоритъ онъ, какъ не постоянные капиталы, превращенные въ обращающіеся, и приносящіе процентъ при помощи этихъ билетовъ? — Но рента нимало неизмѣняетъ въ билетѣ характера частнаго кредитнаго требованія. Это не болѣе, какъ вознагражденіе за пользованіе капиталомъ, составляющее плодъ труда, получившаго капиталъ въ свое обладаніе.

Оставимъ на время оцѣнку рентовыхъ билетовъ и обратимся къ разбору началъ, на которыхъ г. Цѣшковскій основываетъ и свой реальный кредитъ, и систематическое сочетаніе системы депозитной съ системою обращенія.

Въ этомъ сочетаніи реальный кредитъ первой системы долженъ получить обращаемость; моральный кредитъ второй долженъ получить реальность; — реализовать кредитъ въ самомъ началѣ, для того чтобы сдѣлать послѣдующую реализацію излишнею: вотъ задача для перваго построенія, начало устройства кредита.

Безъ сомнѣнія кредитъ долженъ быть реальнымъ, только не въ томъ смыслѣ какъ понимаетъ это авторъ; онъ долженъ состоять изъ сдѣлокъ дѣйствительныхъ, а

не мнимыхъ; довѣріе должно имѣть хозяйственную основу. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы гарантія кредита необходимо была вещественною! Самъ авторъ чувствовалъ это, и призналъ фондомъ подлежащимъ мобилизаціи — застрахованное движимое имущество, и даже трудъ человѣка. Однакоже, эти два послѣдніе вида фондовъ не имѣютъ ни какого значенія въ его системѣ, и недвижимыя имущества составляютъ главный, господствующій источникъ кредита. Въ слѣдствіе этого кредитъ заключается въ тѣсныхъ границахъ; это право землевладѣльца на распоряженіе извѣстнымъ количествомъ капитала обращающагося.

Несоглашаясь съ взглядомъ автора на реальный кредитъ, мы невидимъ ни повода для сочетанія обѣихъ банковыхъ системъ, ни данныхъ для синтетическаго построенія. Хотя нападки г. Цѣшковскаго на недостатки моральнаго кредита (обыкновенно называемаго коммерческимъ), отчасти и справедливы; но мы не можемъ отрицать въ немъ реальности. Вексель, возникающій изъ сдѣлки дѣйствительной; напр. изъ продажи на кредитъ, и застрахованный при учетѣ, не относится ли онъ къ реальному кредиту? Правда, векселя могутъ возникать изъ сдѣлокъ мнимыхъ; но при хорошемъ устройствѣ кредита этотъ недостатокъ можетъ быть устраненъ. Итакъ кредитъ, для котораго банкъ обращенія служитъ по-

средникомъ, также точно реаленъ, какъ и кредитъ депозитнаго банка.

Обратимся къ депозитнымъ банкамъ: могутъ ли фонды ихъ получить обращаемость? Едвали. Если обращаемость относится къ фонду, а не къ представителямъ его; то она отнимаетъ у него характеръ депозита. Мысли г. Цѣшковскаго о банкахъ депозитныхъ и обращенія образовались въ слѣдствіе особой точки зрѣнія на земледѣльческій кредитъ. Авторъ видѣлъ въ послѣднемъ совершеннѣйшій типъ современнаго реальнаго кредита въ дѣйствительности; онъ хотѣлъ дать ему дальнѣйшее развитіе обобщеніемъ этой формы, и замѣномъ облигацій рентовыми билетами. Недвижимыя имущества въ земледѣльческомъ кредитѣ представлялись ему какъ депозитъ, какъ фондъ; облигаціи — какъ мобилизація фонда: но мы уже видѣли, что облигація или рентовый билетъ, замѣняющій ея мѣсто, не болѣе какъ представители цѣнности, и при томъ скорѣе цѣнности переданной на кредитъ, чѣмъ земледѣльческаго имущества.

Смѣшивая идею о гарантіи съ идеею о реализаціи, онъ принялъ за реализацію: и уплату банковыхъ билетовъ монетою по предъявленію, и хозяйственную основу довѣрія въ земледѣльческомъ кредитѣ. Но это значитъ ошибаться въ истинномъ смыслѣ слова — *реализація*, которая составляетъ второй актъ мѣны въ кредитѣ и

уплату должника. Равно необходимая и въ земледѣльческомъ и въ коммерческомъ кредитѣ, она всегда бываетъ впереди, и вопреки тому, что говоритъ авторъ, въ первомъ случаѣ она не только не бываетъ въ началѣ, но еще въ болѣе отдаленномъ будущемъ, нежели во второмъ.

Что же касается денежной реализаціи въ моральномъ кредитѣ; то безъ сомнѣнія это слабое средство для поддержанія сдѣлокъ не надежныхъ, основанныхъ на обманчивыхъ опекуляціяхъ. Мы уже оцѣнили ея значеніе и видѣли, что это не реализація кредитныхъ сдѣлокъ въ собственномъ смыслѣ; а часто только преждевременная уплата банковаго билета монетою, до срока платежа по векселю. Истинная реализація состоитъ въ уплатѣ векселя, по истеченіи срока, и въ установленномъ выкупѣ или погашеніи облигацій.

Разсматривая облигаціи земледѣльческаго банка, какъ мобилизированный фондъ, г. Цѣшковскій относитъ ихъ, вмѣстѣ съ другими кредитными знаками, представляющими затраченные капиталы, къ капиталу денежному, и противуполагаетъ ихъ деньгамъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. монетѣ, банковымъ билетамъ, и пр.

Второе синтетическое построеніе состоитъ въ томъ, чтобы слить оба вида денегъ въ одномъ совершеннѣйшемъ, который совмѣщалъ бы ихъ достоинства. Это соединеніе видитъ авторъ въ рентовыхъ би-

летахъ, реализованныхъ при самомъ выпускѣ, приносящихъ %, и принимаемыхъ во всѣхъ платежахъ.

Ограничиваясь однимъ только указаніемъ на то, что авторъ смѣшалъ разнородныя орудія обращенія: монету, банковые билеты, даже облигаціи и акціи подъ общимъ названіемъ денежнаго капитала; перейдемъ прямо къ разсмотрѣнію вопроса: есть ли достаточное основаніе для синтетическаго соединенія свойствъ тѣхъ и другихъ орудій обращенія?

По нашему мнѣнію нѣтъ повода для соединенія денежной системы съ кредитною посредствомъ рентовыхъ билетовъ: для того чтобы деньги сдѣлать производительными, т. е. приносящими доходъ; а облигаціямъ дать обращаемость денегъ. Непроизводительность денегъ, когда онѣ остаются безъ движенія, мертвымъ капиталомъ, составляетъ ихъ достоинство: это свойство вызываетъ ихъ къ непрерывной дѣятельности, къ непрерывному участію въ производствѣ. Неоспоримо, что деньги, точно такая же цѣнность, какъ и всякая другая, служащая для хозяйственныхъ цѣлей человѣка, и мечтать о томъ, чтобы деньги приносили доходъ во время самой недѣятельности, тоже, что пріискивать средство: какимъ бы образомъ каждая вещь, ненаходящаяся въ производительномъ употребленіи, могла бы приносить доходъ? Проценты, приносимые рентовыми билетами, употребляемыми для обращенія, особенно въ мелочныхъ

оборотахъ, скорѣе будетъ препятствовать, чѣмъ помогать обращенію. Чиновникъ, который получаетъ сегодня жалованье, для того чтобы издержать его завтра; земледѣлецъ, который продаетъ свои произведенія для того чтобы уплатить подать; мануфактуристъ, сбывающій обработанныя издѣлія съ тою цѣлію, чтобы запастись сырыми произведеніями: всѣ лица, которыя должны издержать деньги немедленно, — какую выгоду извлекутъ они изъ %, приносимыхъ рентовыми билетами? Кромѣ потери времени, отъ запутанности въ расчетахъ, они ничего невыиграютъ.

Съ другой стороны, приданіе публичнымъ бумагамъ: облигаціямъ, акціямъ — бо̀льшей обращаемости не имѣетъ никакого значенія. Авторъ хочетъ для нихъ обращаемости съ тою цѣлію, чтобы они не поглощали непроизводительнымъ образомъ значительнаго денежнаго капитала. Желаніе совершенно справедливое; но для этого достаточно дать имъ надежную гарантію, и тѣмъ сообщить имъ возможно менѣе измѣняемую цѣнность. Вотъ средство, которое будетъ довольно сильно для предупрежденія ажіотажа и биржевыхъ спекуляцій. Отсутствіе быстрой обращаемости въ публичныхъ бумагахъ не можетъ быть отнесено къ ихъ недостаткамъ; потому что составляетъ условіе ихъ доходности. Затративъ свой капиталъ съ цѣлію производительною, вѣритель незаботится о томъ, чтобы кредитный знакъ имѣлъ такую же обращаемость

какъ деньги; для него имѣетъ значеніе только возможность легкой и удобной передачи кредитнаго требованія, на тотъ случай, когда онъ хочетъ обратить свой затраченный капиталъ въ свободный, и дать ему другое назначеніе. Эта послѣдняя цѣль можетъ быть доступна при выпускѣ облигацій на однообразныя, не слишкомъ большія суммы; но только тогда, когда рынокъ изобилуетъ свободными обращающимися капиталами. Послѣднее условіе вовсе не зависитъ отъ формы кредитнаго знака и отъ его свойствъ, и потому введеніе рентоваго билета не можетъ имѣть на это никакого вліянія.

Недостатки теоріи г. Цѣшковскаго нигдѣ не высказываются такъ ярко, какъ въ лучшей части его сочиненія: о выпускѣ рентовыхъ билетовъ и о распредѣленіи кредита. Здѣсь, среди блестящихъ идей объ устройствѣ, представляется вся бѣдность экономическихъ результатовъ представляемыхъ реальнымъ кредитомъ автора; здѣсь становится очевиднымъ въ какія тѣсныя границы онъ заключаетъ эту форму мѣны. Рентовые билеты выпускаются сначала для мобилизированія недвижимыхъ имуществъ государственныхъ, потомъ общинныхъ, наконецъ частныхъ, когда этого потребуютъ обращеніе. Смотря на нихъ, какъ на кредитные, знаки, т. е. какъ на результатъ кредитныхъ сдѣлокъ, мы не можемъ не замѣтить, что пользованіе кредитомъ, особенно въ сдѣлкахъ коммерческихъ, будетъ стѣснено. Лица

неимѣющіе недвижимихъ имуществъ, должны будутъ выжидать для выпуска кредитныхъ знаковъ то время, когда государство и землевладѣльцы перестанутъ мобилизировать свои фонды. Положеніе въ высшей степени невыгодное. При учетѣ векселей рентовыми билетами, до того времени пока движимыя имущества будутъ обращены въ фондъ, составляющій основу для выпуска билетовъ, будетъ взыматься процентъ гораздо высшій, чѣмъ при учетѣ монетою: потому что рентовый билетъ будетъ нѣкоторое время произведеніемъ недвижимыхъ земледѣльческихъ имуществъ. Здѣсь только можно увидѣть и оцѣнить то безконечное растояніе, которое отдѣляетъ рентовые билеты отъ обыкновенныхъ банковыхъ билетовъ, свободныхъ отъ металлической реализаціи, возникающихъ изъ обращенія, доступныхъ для всѣхъ и почти ничего не стоющихъ. Замѣчательнѣе всего то, что г. Цѣшковскій самъ сознавалъ возможность такихъ орудій обращенія, соглашаясь съ тѣмъ, что кредитныя требованія въ торговлѣ немогутъ и недолжны приносить процентовъ: потому что обладаніе ими даетъ непосредственное право на распоряженіе цѣнностями *).

Наконецъ, въ практической части своей системы, касающейся устройства кредита, г. Цѣшковскій нерѣдко даетъ участію государства въ дѣлахъ промышленныхъ

---

*) Ib. p. 46.

характеръ меркантильный. Развитіе хозяйственныхъ отношеній не только совершается подъ защитою государства; но составляетъ результатъ мѣръ положительныхъ. Отыскивая въ государствѣ опору для частныхъ интересовъ, онъ заходитъ слишкомъ далеко, и не замѣчаетъ того, что отнимаетъ у нихъ ту промышленную самодѣятельность, то стремленіе къ самообразованію, которое предоставляетъ имъ правительство и ради выгоды отдѣльныхъ лицъ, и ради пользы цѣлаго государства. Г. Цѣшковскій замѣчаетъ, и очень справедливо, что государство не можетъ соперничать съ частнымъ лицомъ, въ области частнаго интереса; точно также какъ частное лицо не можетъ соперничать съ государствомъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о выполненіи того, что требуется интересомъ цѣлаго общества; онъ признаетъ, что подъ вліяніемъ историческаго развитія промышленность получаетъ толчекъ или отъ частнаго интереса, или отъ интереса государственнаго: но не смотря на все это система его проникнута духомъ исключительности придуманныхъ имъ преобразованій, вводимыхъ въ дѣйствительность путемъ административнымъ.

Несоглашаясь съ основными положеніями г. Цѣшковскаго, мы неможемъ раздѣлить ни его мыслей, ни его взгляда относительно экономическихъ послѣдствій кредита.

Мы объяснили уже, разбирая идею мобилизаціи

фондовъ, почему мы не раздѣляемъ его мнѣній объ умноженіи капиталовъ; почему мы полагаемъ, что выпускъ рентовыхъ билетовъ нимало не увеличиваетъ количества капиталовъ обращающихся, и что доходъ, доставляемый этими билетами, не дѣлаетъ ихъ производительными. Послѣднее положеніе требуетъ однакоже нѣкотораго развитія. Авторъ не только приписываетъ доходность рентовымъ билетамъ; но утверждаетъ даже, что они увеличиваютъ капиталъ въ рукахъ частныхъ лицъ накопленіемъ сложныхъ процентовъ. Этотъ результатъ былъ бы возможенъ только при постоянно-производительномъ употребленіи капиталовъ, при необыкновенно успѣшной, прогресивно возрастающей дѣятельности, по мѣрѣ возвышенія стоимости рентовыхъ билетовъ и увеличенія ихъ числа. Такимъ образомъ одно изъ двухъ: или рента сдѣлается невозможною, неуплатимою, или же рентовые билеты, вмѣсто того чтобы служить орудіемъ обогащенія, будутъ жестокимъ гнетомъ для производства.

Доходность рентовыхъ билетовъ не можетъ установить: ни равновѣсія между запросомъ и предложеніемъ относительно капиталовъ и рентовыхъ билетовъ (что для автора почти одно и тоже), ни однообразія процентовъ.

Если бы рентовые билеты дѣйствительно успѣли замѣнить монету, и если бы выпускъ ихъ не былъ чрезмѣренъ; то рынокъ нуждался бы постоянно въ орудіяхъ обращенія: они появлялись бы только тогда, когда про-

центъ по займамъ былъ бы довольно высокъ. Стремленіе къ накопленію капиталовъ замѣнилось бы стремленіемъ къ накопленію рентовыхъ билетовъ. Вмѣсто того, чтобы ввести соразмѣрность между запросомъ на орудія обращенія и предложеніемъ ихъ, рентовые билеты установили бы родъ денежной олигархіи. Капиталисты, которые въ настоящее время, при изобиліи денегъ понижаютъ учетный процентъ съ тѣмъ, чтобы не имѣть мертвыхъ капиталовъ, закупая рентовые билеты, и имѣя гарантированный процентъ, могли бы возвысить плату за пользованіе деньгами, ограничивая ихъ предложеніе. Но такое ограниченіе выпуска едва ли возможно. Теорія г. Цѣшковскаго скорѣе обѣщаетъ неограниченный выпускъ рентовыхъ билетовъ; потому что при упадкѣ ихъ цѣнности должна возвышаться цѣнность фондовъ.

Въ самомъ дѣлѣ трудно указать на предѣлъ для нормальнаго выпуска. Въ этой второй гипотезѣ, — при неограниченномъ выпускѣ билетовъ, — цѣнность ихъ должна будетъ упасть; потому что выпускъ ихъ, покрайней мѣрѣ первоначальный, соединенъ съ огромнымъ консолидированіемъ капиталовъ обращающихся, которое сдѣлаетъ обмѣнъ кредитныхъ требованій на капиталы свободные почти невозможнымъ, или возможнымъ только при значительномъ пожертвованіи. Тогда обращеніе ихъ въ монету представится не смѣшнымъ, но серьёзнымъ и основательнымъ желаніемъ. Что въ томъ, если владѣльцу

скажутъ, что цѣнности его билета соотвѣтствуетъ цѣнность—гдѣ-то находящагося клочка земли? Эта мнимая реализація, будто бы предшествовавшая выпуску билета, для вѣрителя неимѣетъ смысла. Онъ знаетъ, что за свое требованіе, не смотря на то, что оно приноситъ ренту, онъ не можетъ получить капитала!

Но безъ сомнѣнія, какъ то такъ и другое предположеніе, сдѣланныя нами, только уступки въ пользу возможности рентовыхъ билетовъ. Самое сильное возраженіе противъ нихъ состоитъ въ томъ, что они ни когда не войдутъ въ обращеніе какъ орудіе мѣны, замѣняющее деньги. Если они будутъ выпускаться не менѣе какъ на 100 франковъ; то большая часть монеты останется по прежнему въ обращеніи, для производства мѣны на болѣе мелкія суммы. Авторъ чувствовалъ это и совѣтуетъ ввести бумажныя размѣнныя деньги; но эта мѣра едва ли будетъ выгодна для государства: потому что бумажныя орудія обращенія тогда только хороши, когда они возникаютъ изъ кредита. Кромѣ того, каждый предпочтетъ рентовымъ билетамъ монету или банковые билеты, въ особенности послѣдніе; потому что дешевизна составляетъ важное достоинство въ орудіяхъ обращенія, а рентовые билеты дороже всѣхъ другихъ.

Такимъ образомъ и мысль о томъ, что рентовые билеты могутъ произвесть переворотъ въ мѣнѣ, введеніемъ трансферта рентъ, не имѣетъ для насъ

серьёзнаго значенія, несмотря на остроумные выводы автора и заманчивую игру словъ, въ опредѣленіи ренты, которую онъ называетъ цѣною денегъ, или цѣны. Въ мѣнѣ передаются капиталы, а не доходы; слѣдовательно все равно чѣмъ ни совершается ихъ переходъ — банковымъ ли билетомъ, означающимъ цѣнность капитала, или рентою, выражающею одну доходность капитала. Главное достоинство посредниковъ въ обращеніи состоитъ въ томъ, что бы переходъ цѣнностей не представлялъ никакихъ трудностей, чтобы орудіе обращенія какъ можно лучше соотвѣтствовало цѣли обращенія. Но рента едва ли будетъ лучшимъ орудіемъ мѣны: во первыхъ потому, что она подвержена колебаніямъ, смотря по отношенію между запросомъ на свободные капиталы и предложеніемъ ихъ; во вторыхъ потому, что рента болѣе запутываетъ, чѣмъ облегчаетъ обращеніе.

Что сказать о парадоксѣ автора, которымъ онъ подкрѣпляетъ эти послѣднія разужденія; о томъ, что количество капитала ничего незначитъ, что главное дѣло состоитъ въ доходѣ, составляющемъ произведеніе капитала, что для владѣльца, получающаго 36,580 франтовъ, все равно: имѣетъ ли онъ милліонъ, или 800 тысячъ капитала! Составляетъ ли доходъ постоянную принадлежность капитала, неизмѣняющуюся, независящую отъ отношеній въ соперничествѣ? Милліонъ, не ставляетъ ли онъ въ распоряженіе $^1/_5$ болѣе произведеній,

чѣмъ 800 тысячъ? Это высшая степень отрицанія реальности капитала и явный намекъ на то, что все вниманіе автора было обращено на кредитные знаки, принятые за что-то существенное, самобытное, за цѣнности реальныя.

Слѣдовало бы разсмотрѣть какимъ образомъ ренговые билеты могутъ служить во внѣшнихъ торговыхъ оборотахъ, какимъ образомъ будетъ уплачиваться торговый балансъ; но авторъ не коснулся этихъ предметовъ, и мы оставимъ ихъ, не находя съ своей стороны положительнаго отвѣта.

Разборъ сочиненія г. Цѣшковскаго, представленный нами, былъ бы очень односторонекъ, если бы мы неуказали на то, въ чемъ заключается достоинство его построеній и на заслуги, оказанныя имъ въ области теоріи.

Его мысли объ устройствѣ кредита замѣчательны по ясному практическому взгляду на вещи. Цѣпь посредниковъ въ кредитѣ начинается отъ частнаго банка — и восходитъ къ центральному учрежденію, которому принадлежитъ выпускъ билетовъ однообразныхъ, уничтожающихъ анархію въ орудіяхъ обращенія. Между этими двумя полюсами онъ даетъ мѣсто отдѣльнымъ кредит-

нымъ учрежденіямъ, которыя приноравливаютъ свои операціи къ потребностямъ промышленности и къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, и не смотря на свои особенности, могутъ вступить въ хозяйственныя связи, облегчающія достиженіе ихъ отдѣльныхъ цѣлей. Автору не только не была чужда мысль о товариществѣ въ кредитѣ; но также и о застрахованіи; однакоже объ онѣ не получили полнаго примѣненія въ его системѣ. Такія понятія, при здравой экономической основѣ теоріи, могли бы поставить его въ числѣ первыхъ современныхъ экономистовъ. Не смотря на слабость философскаго анализа, и на парадаксальность выводовъ, г. Цѣшковскій отличается иногда живымъ и вѣрнымъ взглядомъ на дѣйствительность, какъ на фактъ. Такъ, его мнѣнія о началѣ laissez faire, о монетѣ, о недостаткахъ моральнаго кредита, о необходимости единства въ кредитной системѣ, и проч. заключаютъ въ себѣ много истиннаго; хотя и приводятъ автора къ ложнымъ заключеніямъ.

Наконецъ онъ оказалъ важную услугу теоріи кредита тѣмъ, что развилъ понятіе о хозяйственной основѣ довѣрія, хотя мысли его сбивчивы: потому что онъ смѣшалъ реальность кредита съ реализаціею и гарантіею.

Какъ ни велики недостатки въ сочиненіи г. Цѣшковскаго; но книга его по оригинальности, по вѣрности принятыхъ началъ, по живости наблюденія, по

стройности построеній въ области кредита безъ сомнѣнія имѣетъ бо̀льшее значеніе и скорѣе родитъ самодѣятельность въ умѣ читателя, чѣмъ копотливая ученость, исполненная противорѣчій и заимствованій, не всегда понятыхъ, худо усвоенныхъ и лишенныхъ логической связи.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Предисловіе	V.
Введеніе	1.
Глава 1. Понятіе о кредитѣ и о началахъ, на которыхъ онъ основанъ	9—62.
I. Происхожденіе кредита, общее понятіе о кредитѣ	9.
II. О признакахъ кредита и началахъ, на которыхъ онъ основанъ	18.
III. Разборъ опредѣленій кредита . , . . .	45.
Глава 2. Формы кредитныхъ сдѣлокъ	63—133.
I. Коммерческій кредитъ	66.
II. О земледѣльческомъ кредитѣ	83.
III. О государственномъ кредитѣ.	106.
Глава 3. Экономическое значеніе кредита	134—180.
I. Вліяніе кредита на распредѣленіе производительныхъ силъ	137.
II. Вліяніе кредита на умноженіе капиталовъ и на увеличеніе доходовъ.	143.
III. Замѣнъ монеты и денегъ кредитными знаками.	156.
Глава 4. Исторія теоретическихъ изслѣдованій о кредитѣ.	181—310.
I. Меркантильное направленіе Ло и Пинто. . .	183.
II. Школа свободы промышленности и частнаго интереса	207.
1) Прайсъ и Графъ Мордвиновъ	209.
2) Смитъ и его послѣдователи	214.
3) Шторхъ и Кокленъ	234.
III. Школа промышленнаго порядка	245.
1) Сисмонди	249.
2) Цѣшковскій.	270.

ПОПРАВКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
9.	19.	средѣ,	средѣ;
44.	20.	обратно	прямо
51.	1.	къ	съ
103.	9.	ней	неё
108.	4.	кредныхъ	кредитныхъ
—	20.	установляется	установляетъ
111.	16.	съ	ея
—	22.	домовая	долговая
165.	12.	вѣщей	вешей
189.	18.	система	Система
192.	18.	безсомнѣнія	безъ сомнѣнія
224.	23.	предпочитатель	предпочитаетъ
259.	17.	расчитана	разсчитана
268.	19.	банкротовъ	банкротствъ
273.	21.	активой	активной
274.	17.	раализація	реализація
275.	10.	; синтетическое	. Синтетическоо
288.	14.	однихъ	однѣхъ

7½
5
210

7p 50
301
22100

450

90
830
27 (00)
72
747
800
~~1547~~

6000 | 775
600 | 8
4
6

1321

БУНГЕ

ТЕОРІЯ

КРЕДИТА